

ЮЛИЙ ВОЙНАРОВИЧ

АУРА ЛЮБВИ

(Рассказы о людях хороших)

Донецк - 2012

АУРА ЛЮБВИ

(рассказ)

Аура – гипотетическое невидимое биополе, окутывающее человека и защищающее его от воздействия темных сил («Словарь оккультных понятий и терминов»)

Окрыленный вчерашней встречей, я шел по улицам города, где прошло мое детство, окунаясь в теплые волны воспоминаний. Вчера я встречался с одноклассниками в родной школе через 50 лет после ее окончания. А сегодня решил посетить любимые уголки, дарившие мне в те далекие годы мгновения радости и счастья.

Вот и старый парк. Как в детстве, я снова брел по шуршащим осенним листьям, и в голове звучали строки моих первых стихотворений, написанных полвека назад.

Полвека! Как незаметно пролетели годы, а с ними и вся жизнь. С этими мыслями пришла усталость, захотелось посидеть, отдохнуть.

На аллее, под развесистыми каштанами стояли только две лавочки. На одной ворковала пара юных влюбленных, на другой сидел пожилой мужчина, а чуть дальше от него играла с собакой молодая женщина.

– Не помешаю? – спросил я, подойдя ко второй лавочке. Сидящий на ней мужчина глянул на меня и молча кивнул головой. Что-то знакомое почудилось мне в его взгляде.

Я сел на край лавочки, а мысли мои сосредоточились на вопросе: «Где и когда я видел этот взгляд?». Не найдя ответа, я стал наблюдать за игрой женщины и собачки. То же самое делал и сидящий рядом со мной седовласый мужчина. Женщине было, на мой взгляд, чуть больше двадцати лет. Красивая колли была ей ровесницей по собачьим меркам. Они играли небольшим мячиком с таким увлечением, и радостный смех женщины сливался со счастливым лаем собаки. В погоне за мячиком они приблизились к нашей скамейке.

– Ты бы посидела немного, отдохнула, – обратился мой сосед к женщине и подвинулся ко мне, освобождая часть скамейки.

– Но я совсем не устала, – возразила женщина.

– Все равно, Сашенька, посиди немного, и Жюля тоже отдохнет,

– в голосе пожилого мужчины было столько нежности и заботы, что я понял: они – родные.

Женщина покорно села на лавочку, колли легла у ее ног, не сводя преданных глаз с хозяйки. Я тоже бессовестно уставился на Сашу, любуясь ее красотой, и мой взгляд смутил женщину. Она вскочила, бросила мячик вверх и воскликнула!

– Жюля, лови!

Собака с радостным визгом подпрыгнула, поймала мячик и, держа его в зубах, стремительно понеслась по аллее.

Вслед за ней помчалась и Саша.

– Красивая у вас дочка, – сказал я, обращаясь к соседу. Он молча глянул на меня, и взгляд его был сердитым.

А Саша и Жюля уже не бегали за мячом. Они стояли на аллее и обнимались: собака, стоя на задних ногах, положила передние лапы на плечи женщины и все пыталась лизнуть ее лицо, а Саша, сомкнув руки на спине Жюли, со смехом увертывалась от собачьих поцелуев.

– Как они любят друг друга! – восхищенно воскликнул я, обращаясь к пожилому мужчине.

– Еще бы, – сказал он, – ведь Жюля дважды спасла Сашу от смерти: первый раз в прямом смысле, а потом – возродив к жизни.

Я ничего не успел спросить, мой сосед решительно поднялся и громко позвал:

– Саша, Жюля, идите сюда!

Когда женщина с собакой подошли к нашей скамейке, мужчина с укором сказал:

– Сашенька, ты забыла, что тебе нельзя сильно напрягаться!

Женщина села на лавочку, обмахиваясь платочком. И тут только я заметил характерные пигментные пятна на лице женщины и уже заметно округлившейся живот.

– Внука или внучку ожидаете? – обратился я к мужчине, радостно улыбаясь. Сосед снова взглянул на меня и ничего не ответил, а женщина вдруг убежденно сказала:

– Сына!

– Конечно, – воскликнул я, – для Вас – сын, а для деда будет внук. Разве не так?

Женщина загадочно улыбнулась, а мужчина стал внимательно разглядывать меня, и лицо его выражало крайнюю растерянность. Теперь настал мой черед смутиться от этого внимательного взгляда. Заметив мое смущение, женщина, потрепав собаку за холку, тихо

сказала:

– Пойдем, Жюлька, погуляем.

А мы остались вдвоем на лавочке под старыми каштанами, внимательно разглядывая друг друга. На вид седовласый мужчина был моложе меня на несколько лет, еще не пенсионер, как я. И что-то очень знакомое было в его лице, во всей его фигуре, но что – я никак не мог вспомнить.

– Простите, – вдруг нарушил паузу мой сосед, – Вас ведь Юрой зовут, и Вы учились в школе №132?

– Да, – произнес я растерянно, – А Вы тоже в ней учились? Откуда Вы меня знаете?

– Ты не узнаешь меня, Юра? Ну, посмотри внимательно. Неужели я так сильно изменился? – пожилой мужчина с надеждой ждал мой ответ.

– Нет, что-то никак не припомню, – виновато произнес я, перебирая в памяти лица моих одноклассников и друзей из других классов.

И вдруг, мой сосед поднялся, и над осенним парком полилась мелодия знакомой мне с детства песни. Почтенный седой мужчина пел бравую песню Буратино из радиопостановки по известной и сейчас книге «Золотой ключик». И сразу же перед глазами памяти поплыла картина: наша маленькая сцена в школьном актовом зале, на краю сцены стоит миниатюрный мальчонка в коротких штанишках с бретельками, и звонким голосом сообщает миру чувства, родившиеся в деревянном сердце Буратино. «Крапка!» – мелькнуло в голове, – Конечно же, это «Крапка».

– Крапка! – громко выдохнул я, – Крапка!

– Наконец-то, – обрадовался мужчина, – ты все-таки узнал меня.

Мы шагнули навстречу друг другу и крепко обнялись, да так и застыли молча, переживая счастливые минуты встречи...

...Я заканчивал десятый класс, когда в наш дружный коллектив школьного театра пришел «Крапка» – прозванный так за свой маленький рост первоклассник Кравченко Славик. «Крапка» сразу же завоевал всеобщую любовь и симпатию своей непосредственностью и величайшим талантом исполнителя любимых всеми песен...

– Как живешь, Крапка? – спросил я Славу, когда мы сели на лавочку. Поешь в театре, или преподаешь в консерватории?

– Я медик. И вот уже 30 лет лечу детвору.

– Ты стал врачом? – воскликнул я удивленно. – С твоим-то голосом тебе певцом надо быть. В ответ Крапка только развел руками.

– Ну, а в личной жизни как? Семья, дети? Дочку твою – Сашеньку – я уже видел. Скоро внук или внучка у тебя появится. Ну, а еще дети есть? – я с нетерпением ждал ответ.

Крапка долго молчал, потупив взор. А потом, глядя мне в глаза, тихо вымолвил:

– Знаешь, а Саша мне не дочь. Она жена моя.

– Жена?... – от изумления, я просто онемел. Когда первые эмоции угасли, я сказал:

– Крапка, но ведь она тебе в дочери годится. Я на 10 лет тебя старше, а мне уже о-го-го! Разница в годах у вас лет 30, наверное?

– Тридцать пять, – вздохнув, прошептал Крапка, – Да разве в этом дело? Мы любим друг друга, и это главное. Встретились мы в очень трудное для Саши время. И шли к нашей любви мучительно долго через просто невыносимые страдания. Но мы победили все и всех. Крапка замолчал, собираясь с мыслями. А потом рассказал мне историю, в которую трудно поверить.

...В тот день Жюлька попросилась на прогулку раньше обычного. За окном было еще темно, только на востоке у самого горизонта начала проявляться светлая полоска неба. Мы медленно шли обычным маршрутом по асфальтовой дорожке вдоль берега пруда, расположенного неподалеку от моего дома. Жюлька бежала впереди меня, повизгивая от удовольствия. И вдруг она остановилась, настороженно глядя в сторону вышки, с которой спортсмены прыгают в воду. В предутренней тишине ясно послышался всплеск воды, как-будто в нее упало что-то тяжелое. И в то же мгновение Жюлька с лаем сорвалась с места, прыгнула в воду и поплыла к середине пруда. Я бегом бросился вслед за ней. Когда я добежал до воды, Жюлька плыла уже к берегу, держа зубами за одежду и поддерживая спиной человеческое тело. Я поспешил на помощь собаке. Тело оказалось девушкой в одной ночной сорочке. Мгновенно я приступил к манипуляциям, положенным правилами по спасению утопающего. Казалось, прошла целая вечность, пока девушка задышала самостоятельно. Почувствовав это, Жюлька радостно заметалась между мной и лежащей на песке девушкой, ласково касаясь носом ее лица и моих рук. Девушка была без сознания, скорее всего в шоке. По пятнам крови на разорванной во многих местах

сорочке я понял, что девушка подверглась насилию и решила покончить с собой.

Кровотечение возобновилось, надо было немедленно доставлять девушку в больницу. Я подхватил ее на руки, и что есть силы побежал к моему дому. Позвонив в скорую помощь, я приступил к остановке кровотечения.

Потом было четыре операции и долгое нахождение в шоковом состоянии. Девушку никто не искал, хотя милиция несколько раз рассказывала о ней по местному радио и телевидению. Обескровленная, слабая до предела, она лежала в одноместной больничной палате, безучастная ко всему. По-видимому, она пережила сильное душевное потрясение. У нее отнялась речь, и периодически случались нервные припадки, во время которых она пыталась выброситься из окна, несколько раз осколками стекла перерезала себе вены. Было очевидно, жить дальше ей совсем не хотелось.

Я навещал девушку ежедневно, приносил ей сладости и цветы, но она меня, казалось, не видела, ни на что не реагировала. Она находилась как-бы в другом мире, из которого ее надо было спешно выводить.

Однажды я вошел к ней в палату с Жюлькой. Увидев девушку, Жюля, радостно взвизгнув, бросилась к ней и стала лизать лежащие поверх одеяла руки. Губы девушки дрогнули, пытаясь что-то сказать, а в глазах зажглись какие-то огоньки, которых я раньше не замечал. Слабой рукой она коснулась Жюлькиной спины, и на лице ее вдруг появилось что-то похожее на улыбку. И я осознал, что вывести девушку из такого состояния сможет моя Жюлька.

Вдвоем с Жюлькой мы стали ежедневно приходить в гости к девушке. Добро, это была моя больница, в которой я работал много лет, и с главврачом у меня были дружеские отношения. И девушка ожила. Проходили дни, недели общения с Жюлькой. У больной появился интерес к жизни. Она стала часто улыбаться, очень радовалась моим букетом цветов, стала произносить отдельные слова. Мы узнали, что зовут ее Сашей. Только фамилии своей она никак не могла вспомнить. И когда мы у нее спрашивали адрес дома, где она жила, и есть ли у нее родственники, она тут же замолкала и становилась снова безучастной ко всему. И мы перестали задавать ей такие вопросы. Прошло уже много времени с того трагического дня, а Сашу по-прежнему никто не искал.

Дела у Саши стремительно шли на поправку, и встал вопрос: где в дальнейшем она будет жить, какому делу посвятит себя в жизни?

Видя, как привязались друг к другу Саша и Жюлька, я предложил девушке после выписки из больницы поселиться в моей квартире. Жил я один, семьи у меня никогда не было. До сих пор Жюлька была моим единственным родным существом. А теперь Саша стала для меня самым дорогим человеком. Она действительно годилась мне в дочки. Я не питал никаких иллюзий, не строил планов. Я просто любил девушку и хотел посвятить ей остаток своей жизни.

Мое предложение сильно взволновало Сашу. Она пыталась что-то сказать, но снова онемела. Ее бил нервный озноб, а в глазах ее я увидел то ли страх, то ли отчаяние.

Жюля подошла к девушке, положила передние лапы на ее плечи и стала тихо скулить. Саша пристально посмотрела на меня. Что она увидела в моих глазах, я не знаю. Но она только кивнула головой, и, обхватив руками Жюлькину шею, прижалась к собачьему лбу и разрыдалась.

Мы стали жить вместе. Квартира у меня была однокомнатной. Я уступил Саше свой диван, а сам ставил себе раскладушку на кухне. Отношения у нас сложились какие-то официальные. Порой мне казалось, что девушка меня просто боится. Мои взаимоотношения с Жюлькой изменились. Она по-прежнему спала на коврикe возле дивана, но стоило мне приблизиться к нему, когда на нем находилась Саша, Жюлька начинала сердито рычать, защищая девушку.

Я не думал, что все так повернется. И жизнь моя превратилась в пытку. Саша этого не заметила. Она сильно любила Жюльку, отдавая ей всю свою нерастрченную нежность. Остальной мир ее просто не интересовал. Однажды, вернувшись с Жюлькой с вечерней прогулки, я застал дома сильно пьяного мужика, который стоял на коленях перед диваном, вздымая вверх руки, и что-то бессвязно бормотал. А на спинке дивана, прижавшись к стене, стояла Сашенька и с ужасом глядела на мужика. Увидев меня, она прыгнула через мужика, обхватила меня за шею и закричала:

– Это он! Он! Спаси меня! Спаси меня! Он опять отдаст меня этим подонкам!

И в то же мгновение Жюлька свирепо зарычала, бросилась на мужика и впиалась зубами в его бок. Незнакомец дико закричал, вскочил на ноги и кинулся к дверям, волоча вцепившуюся Жюльку за собой.

– Жюлька, назад! Фу! – закричал теперь уже я, положил дрожащую от страха девушку на диван и бросился вслед за незнакомцем. Собака повиновалась моему приказу. Разжав челюсти, она подбежала к дивану и легла рядом. А мужик выскочил на лестничную площадку, кубарем скатился по лестнице и дал деру.

Я вернулся в комнату, сел рядом с девушкой на диван. Саша схватила меня за руку и, глядя на меня безумными глазами, пролепетала:

– Спрячь меня поскорее. Он опять придет. Он отдаст меня своим друзьям.

– Что ты, Сашенька. Успокойся. Разве мы с Жюлей дадим тебя в обиду? – Я крепко обнял девушку за плечи, прижал к себе, целуя ее волосы. Только теперь дошло до моего сознания, что Сашенька снова заговорила. Волна огромной радости нахлынула на меня. Саша успокоилась, положила голову на мои колени и мгновенно уснула. Жюлька примостилась у моих ног. Так просидели мы всю ночь, охраняя сон любимого человека. А я все думал: «Кто он такой, этот пьянчуга, так напугавший нашу Сашеньку?» Утром, проснувшись, Саша торопливо стала складывать свои вещи в сумку.

– Ты что это делаешь, Сашенька? – поинтересовался я, еще не понимая, почему так заволновалась Жюля.

– Мне надо поскорее уехать отсюда. Он обязательно вернется и отдаст меня своим друзьям. Второй раз я не выдержу...– и она отчаянно зарыдала.

– Да кто он такой, этот алкаш? – возмутился я, – и почему ты его так боишься?

– Он мой жених, – всхлипывая, объяснила Саша. – Бывший жених. Он страшный человек. Он не оставит меня в покое. Мне лучше уехать.

– Куда ты поедешь, Саша? Разве ты сможешь теперь жить без Жюли. И мы с Жюлькой без тебя не сможем. Ты поделись своей бедой, и мы вместе подумаем, как нам справиться с ней.

Девушка некоторое время молчала, глядя в упор на меня. Потом доверчиво прижалась ко мне и, заикаясь от волнения, стала рассказывать...

То, что я услышал, потрясло меня. Казалось невероятным, что такое могло произойти.

...Та трагическая ночь, когда мы с Жюлькой вырвали Сашу из цепких лап смерти, была для девушки первой брачной ночью.

Отшумела пышная свадьба, устроенная родителями жениха для единственного любимого сына. Молодые уединились в отведенной им спальне, готовясь совершить положенное. Жених был сильно пьян, и Саша впервые почувствовала к нему отвращение. Со страхом ожидала она того, что должно было произойти. Саша любила этого парня пылкой любовью, на которую способны тихие, застенчивые девушки, не познавшие в детстве материнской и отцовской любви. Саша была подкидышем, она выросла в детском доме, где самым большим дефицитом была материнская любовь. Поэтому чувство любви для нее было самым главным в жизни. И она жаждала этой любви, и в то же время боялась ее.

...Жених потушил верхний свет, оставив гореть ночной светильник. Наклонился над Сашей, и, дыша самогонным перегаром, заплетающимся языком промолвил: – Я счас. – и выскользнул из комнаты.

Саша закрыла глаза и, повинувшись судьбе, стала ждать. Вот скрипнула дверь, и через какое-то мгновение на нее навалилась массивная незнакомая туша, и она поняла, что это не ее возлюбленный. Она не успела вскрикнуть: огромная ладонь закрыла ей рот и сердитый голос прорычал:

– Тихо, девка, тихо! Жених твой оплошал. Проиграл нам в карты свою первую брачную ночь. Так что я у тебя буду первым.

Она боролась с ним, пока хватило сил. И прежде, чем сознание ее отключилось, в тусклом свете ночника она увидела толпу парней, пожирающих ее глазами, и у самой двери пьяно ухмыляющуюся рожу своего любимого, стоящего последним в очереди к ней...

Очнувшись, она долго переползала через храпящие тела собутыльников ее возлюбленного, пока не очутилась на улице. Город еще спал. Тускло светили уличные фонари. Все тело ее, она вся сама были сотканы из боли. Жить не хотелось. Она выпрямилась и побрела по пустынной улице, отмечая свой путь каплями крови. Вот и спасительный пруд. С трудом поднялась на верхнюю площадку вышки для прыгунов в воду. Постояла у самого края площадки, глядя на угасающие звезды, и сделала шаг вперед...

Крапка замолчал, достал сигарету, закурил.

– А дальше ты уже знаешь. Правда, женишок Сашин не давал нам покоя, все наведывался. Мне даже пришлось нанять команду крутых парней, чтобы они отбили охоту у него посещать нас. И это не помогло. Тогда я решил переехать в родной город. Мы ведь жили не

здесь, на севере страны, куда я попал после института. Бросил я там квартиру, работу, и вот теперь живем здесь. Скучно живем, но счастливо. Саша ответила на мою любовь, не побоялась большой разницы в нашем возрасте. И вот теперь готовится подарить мне сына. Только пришлось ей долго по больницам скитаться, чтобы сделать мне этот подарок. Вот такие дела. Ты не осуждаешь меня?

– Ну что ты, Слава, я очень рад за тебя и Сашу, что вы нашли друг друга. И желаю вам быть всегда такими счастливыми, как сегодня.

– Спасибо, дружище! – Крапка обнял меня и крепко прижал к себе. Радостный лай колли возвестил, что Саша и Жюлька возвратились.

– Нам пора домой, – сказал Крапка, поднимаясь с лавочки, – пойдем с нами, посидим еще, поговорим. Ты ведь не рассказал о себе.

Я глянул на часы: до отправления моего поезда оставалось совсем немного. – Прости, Крапка, не могу. У меня скоро поезд.

– Ну, что ж, тогда прощай. Даст Бог, еще свидимся когда-нибудь. Будь здоров.

И они пошли по аллее парка: опирающийся на палку седой мужчина, юная женщина и преданный друг – собака.

Вскоре их фигуры растворились в золотистом предвечернем тумане. Только я думаю, то не туман был, то была их солнечного цвета аура. Аура любви.

ГДЕ-ТО ЕСТЬ СЫН

(рассказ)

– Ну, кого там еще принесло? – раздраженно воскликнул Валентин Владимирович в ответ на несколько робких звонков в дверь, нехотя отрываясь от пишущей машинки.

В дверях стояла средних лет женщина, ее испуганные глаза с надеждой смотрели на него.

– Валентин Владимирович, – вымолвила она, слегка заикаясь от волнения, – мне очень нужна ваша помощь.

– Помощь? – с досадой переспросил Валентин Владимирович. Женщина кивнула головой.

– Тогда входите. – Он пропустил незнакомку впереди себя и

захлопнул дверь. – Слушаю Вас.

Женщина стояла, опустив глаза, и молчала, ее пальцы нервно теребили последнюю пуговицу вязаной кофточки.

– Ну, что же Вы? – спросил он и глянул на часы.

– Не знаю, как начать, – тихо проговорила она.

– Попробую Вам помочь, – нетерпеливо сказал Валентин Владимирович, – Вы – начинающий писатель или поэт, принесли свою рукопись, так сказать, на суд. Что, нет? Тогда, быть может, Вы принесли письмо в газету, какие-нибудь разоблачающие материалы, или жалобу на несправедливость? Что? Опять не угадал?

Женщина продолжала молчать, и это стало злить Валентина Владимировича.

– Ну, вот что, – сказал он, – или говорите суть дела, или уходите. У меня срочная работа и совсем нет времени.

– Мне нужна Ваша помощь, – повторила еле слышно незнакомка, подняв на него глаза.

– Я уже это слышал. Чем я могу Вам помочь?

– Я...я... очень хочу... Вас... – прошептала женщина, и ее бледное лицо стало напоминать спелую вишню.

– Не понял! Повторите! – еле сдерживаясь, чтобы не наругать, воскликнул Валентин Владимирович.

– Мне... очень нужно... Я Вас хочу...

– Так! – уже не сдерживаясь, загремел он, – Значит, Вы предлагаете мне себя в любовницы. Я правильно понял?

Женщина с ужасом смотрела на него.

– Только из меня любовник вряд ли получится, – продолжал Валентин Владимирович, не скрывая злости. – Я лет на двадцать старше Вас. Вы же в дочери мне годитесь!

– На двадцать три, – тихо произнесла женщина и грустно улыбнулась.

– Тем более, – воскликнул он. – Так что, поищите себе мужчину помоложе.

– Мне не нужен никто, мне нужны только Вы, журналист Валентин Владимирович Дмитриев, – твердо сказала незнакомка. – Я хочу ребенка от Вас. Сына. Вот справки, что я нормальная и ничем Вас не заражу. – И она вынула из сумочки несколько бумажек с печатями и протянула ему.

– Что-о-о? – с возмущением воскликнул Дмитриев. – Вы в своем уме? Если Вам так нужен ребенок, почему бы не взять его в детском

доме, или в Доме ребенка, усыновить, и будет Вам сын, опора в старости.

– Если женщина может сама рожать, она должна произвести на свет хотя бы одного ребенка! – гневно сверкнула глазами незнакомка.

– Вышли бы замуж и родили себе сына или дочку, — уже мягко сказал Валентин Владимирович.

– Я была уже замужем... – с грустью сказала женщина. – А потом, я не нашла достойнее Вас человека быть отцом моего сына.

– Я тоже был женат. И решил, что одного раза с меня довольно. Так что, жениться на Вас я не собираюсь, – зло воскликнул Дмитриев. – Да и как можно... без любви?

– А я давно Вас люблю, – радостная улыбка озарила лицо женщины. – Люблю героев Ваших книг. В их душах – Ваша душа, в них – Вы сами.

– Герои – это романтика! – с пафосом воскликнул Валентин Владимирович. – Вы, ведь, совсем меня не знаете, а я Вас. И предлагаете мне такое.

– Можно я сяду? – устало спросила женщина и, подучив разрешение, присела на краешек стула. – Я очень хочу ребенка от Вас. Сына, такого же красивого, умного, талантливого, как Вы. Пожалуйста, уважьте мою просьбу. Я заплачу Вам, сколько скажете, конечно, в пределах разумного.

– Вон! – заорал Дмитриев, широко распахивая входную дверь. – Немедленно вон!

Женщина попятилась к двери, с трудом сдерживая нахлынувшие слезы. Потом стремглав выпорхнула на лестничную площадку и торопливо застучала каблучками по ступенькам лестницы.

А Валентин Владимирович еще долго не мог успокоиться. Он ходил взад-вперед по комнате, размахивая руками, и время от времени восклицал:

– «Нет, как упали у нас мораль и нравы! Это же надо – «Хочу от Вас ребенка!» До чего же стервы все эти бабы! И хищницы! Ненавижу!»

Работать над рукописью он уже, конечно, не мог. Его мысли то и дело возвращались к происшедшему событию. Поостыв, он задумался над поступком незнакомой женщины, и его журналистское, писательское чутье подсказывало ему, что во всем этом кроется большая трагедия, по всей вероятности, одинокого человека, женщины. И он корил себя, что не дослушал ее до конца.

«Немолодая уже, наверняка долго живет одна, семью не создала, – рассуждал он. – А возраст уже критический для рождения ребенка. Замуж во второй раз не захотела, решила вот таким путем обзавестись сыном. Смелая! Не каждая на это решится. Но почему она выбрала именно меня? Красив? Несомненно, хоть и в годах. Талантлив? Все так говорят, да и книги мои имеют спрос у читателей. Вот и ей полюбились мои герои. Но откуда она меня все-таки знает? Я что, знаком с ней?

Целый день на работе в редакции Валентин Владимирович ломал голову над вопросом: где он мог повстречать вчерашнюю незнакомку раньше? Но так ничего и не вспомнил.

А вечером, когда он уже готовился ко сну, в дверь настойчиво позвонили. На пороге стояла, держась за стену, вчерашняя посетительница.

– Эт-то... я! – заплетающимся языком произнесла женщина и, отодвинув Дмитриева плечиком, нетвердой походкой вошла в комнату.

– Эт-то я... пришла к тебе... к Вам... Нет, к тебе... Вот... – и она попыталась обнять его.

– Вижу, что ты! – в тон ей с усмешкой сказал Валентин Владимирович, – брезгливо отстраняясь, – Где это ты так нализалась?

– Нализалась? – возмущенно воскликнула незнакомка. – Выпила немного... с горя... для храбрости... Вчера ее у меня нехватило. Я что, тебе совсем не нравлюсь? Ни капельки? Конечно, ты же меня еще не видел... – И она торопливо начала расстегивать кофточку, обрывая пуговицы непослушными пальцами.

– Ну, ты, перестань безобразничать! – гневно воскликнул Дмитриев и схватил посетительницу за руки.

– Почему не надо? – бормотала она. – Вот видишь, ты меня уже и обнял. Я теперь вся твоя. Ты не бойся, ты будешь у меня первым ... Я ведь еще девушка.

– Ну, вот что, девушка, – решительно сказал Валентин Владимирович, – проспаться тебе надо. А потом обсудим с тобой наши дела.

Незнакомка покорно легла на диван и тут же уснула. А Дмитриев сел рядом и долго смотрел на лицо спящей женщины, и, несмотря на то, что она напоминала ему сейчас его бывшую жену, ненависти к этой женщине он не испытывал.

Утром посетительница проснулась раньше и бесшумно исчезла,

Валентин Владимирович ожидал ее прихода целый день, до глубокой ночи, ругая себя за это. Незнакомка не появлялась несколько суток, и он успокоился, снова принялся за рукопись своей новой книги. И вдруг, возвращаясь с работы, он встретил ее в подъезде.

– Я пришла извиниться за тот ужасный мой визит, – она смотрела на него виноватыми глазами, и у него от ее взгляда защемило вдруг сердце. – Я вообще не пью, не подумайте плохо. Хочу, чтобы мой сын был нормальным человеком, а не каким-то дебилом. Это я так, по глупости... сто граммов для храбрости. Вы уж простите меня.

– Идемте пить чай, – сказал Дмитриев и взял женщину под руку.

Они долго чаевничали, сидя за столиком, разглядывая друг друга и ни о чем не спрашивая. Он отметил про себя, что не блещет она внешней красотой, но есть в ней какая-то притягательная сила. Она смотрела на него влюбленными глазами, сама этого не замечая. Наконец, он первым нарушил тишину:

– А как Вы себе представляете это с точки зрения моральной и юридической, я имею в виду Вашу просьбу?

– Я прошу Вас только об одном: поселите у меня под сердцем сына, – взгляд, женщины выражал мольбу и отчаяние. – Я сумею его воспитать одна, у меня хватит сил и средств. Ваша финансовая помощь не понадобится, я много лет откладывала на это деньги из зарплаты. Сын будет носить мою фамилию и отчество по имени своего деда. Мы ничем никогда не напомним Вам о себе. Ребенок будет только моим сыном.

– Да, но ведь и моим тоже! – Валентин Владимирович нервно заходил по комнате. – Каково будет мне жить с этим? Вы подумали?

– Не знаю, не знаю, – отчаянно застонала женщина. – Только молю Вас: выполните мою просьбу, В сыне – весь смысл моей оставшейся жизни. Без него не стоит и жить...

– Боюсь, что у нас с Вами ничего не получится. – Дмитриев с жалостью смотрел на знакомку. – Ведь для этого надо любить друг друга, а мы даже не знакомы до сих пор,

А Вы влюбитесь в меня, пожалуйста, хотя бы на время. – Женщина в упор смотрела на Дмитриева. – Разве в меня нельзя влюбиться?

– Влюбиться? Я уже давно забыл, как это делается, – горько усмехнулся Валентин Владимирович. Но, глядя в переполненные слезами глаза женщины, добавил: – Я постараюсь вспомнить... И мне надо подумать, дайте мне время.

Женщина ушла, а Дмитриев лежал на диване, не зажигая света, и думал. «Как глупо сложилась его жизнь. Ошибся в первом браке, да так и остался одиноким. Воспевая в своих книгах пылкую любовь, он в жизни не испытал настоящей любви к женщине. Жена сделала из него чуть ли не женоненавистника, что к счастью не отразилось на героинях его книг. Но в жизни... А теперь эта женщина разбудила в нем пока не понятные ему чувства. Конечно, она требует от него поступка аморального, но он, кажется, его совершит. И сделает это не только для нее, но и для себя. Жизнь проходит, а что останется после него? Книги? Но пройдет время, и их забудут. Кто продолжит его жизнь, кто станет наследником его души, его дел, всего того, что так дорого ему в этом мире? Другого такого случая ему уже не представится.

И когда женщина снова пришла к нему, он, не глядя ей в глаза, твердо отчеканил: «Я подумал и решил: я исполню Вашу просьбу. Только сначала давайте познакомимся».

– Зовите меня Надеждой, – сказала, улыбаясь сквозь слезы, женщина, и протянула маленькую руку. Он взял ее за руку, и так они стояли долго, не решаясь сдвинуться с места».

– Ну, что ж, давайте попробуем... – наконец, сказал он, шагнул к окну, задернул штору. Но приблизиться друг к другу они не решились.

– Нет, – вымолвил он после долгой и мучительной паузы. – Нам надо хорошенько привыкнуть друг к другу. Тогда, быть может, у нас с Вами что-то и получится.

И они несколько месяцев привыкали друг к другу, посещая концерты и театры, устраивая интимные обеды и ужины, просто гуляя по улицам вечерами, держась за руки, как юные влюбленные.

Новогодний праздник они встречали вместе у него дома. И когда Новый год вступил в свои права, оба поняли, что пришел час самого главного. Они долго лежали рядом, не прикасаясь друг к другу.

– Обними меня, – наконец прошептала она, и в ее голосе звучали надежда и тревога. Он привлек ее к себе, и их губы встретились...

– Почему ты не вышла замуж? – спросил он ее потом.

– А Вы, почему не женились? – задала она встречный вопрос.

– Я был женат, только к счастью вовремя разбежался со своей благоверной, – сухо ответил он.

– Я тоже собиралась замуж. Жених мой был летчик-испытатель, военный. Мы любили друг друга с первого класса... Он погиб в день

нашей свадьбы... А я так и не стала замужней женщиной.

Надя замолчала, отвернулась, чтобы он не увидел ее слез.

– Ты очень его любила? – спросил Валентин Владимирович, и положил руку на ее плечо.

– Я и сейчас его люблю, – повернулась лицом она. – Потому и хочу от тебя только сына, и ничего большего. Да и ты, кажется, дал клятву никогда не жениться. Так что все нормально. Спасибо тебе, я думаю, что у нас сегодня обязательно кто-то появится, уж очень мы сладкие были оба. А завтра я уйду, и больше не буду Вам докучать. И Вы забудьте меня, просто выбросьте из головы. Я живу в другом конце города, так что случайных встреч не будет. И жизнь Ваша снова войдет в нормальную колею.

Они не сомкнули глаз до рассвета, думая каждый о своем. А после утреннего кофе, приготовленного Надей, женщина заторопилась уходить.

– Ну, что ж, прощайте, Валентин Владимирович, – сказала Надежда, подавая ему руку, – я ухожу навсегда. Спасибо Вам за все.

– До свидания, – сказал в ответ Дмитриев, целуя ей руку. Он не любил слово «прощайте», и не хотел говорить его женщине, к которой сильно привязался в последнее время. Она внимательно посмотрела на него и отрицательно покачала головой.

Валентин Владимирович стоял в дверях квартиры и смотрел, как она медленно спускается по лестнице. И чувство большой потери вдруг вошло в его душу.

– Колька, – сказал он вышедшему из соседней квартиры мальчику, – ты не мог бы оказать мне маленькую услугу, выполнить секретное поручение? Видишь женщину, что спускается вниз по лестнице с белой сумочкой через плечо? Догони ее и проводи до самого места жительства, узнай улицу, номер дома и квартиры, а потом мне доложишь. Это мне нужно по работе. Только сделай все незаметно, чтобы она ничего не заподозрила. Вот тебе деньги на расходы.

– Будет сделано по высшему разряду! – с радостью согласился мальчик, сунул в руки Дмитриеву свой школьный рюкзачок и помчался догонять уже вышедшую на улицу женщину...

Вечером Колька рассказывал: – «Ох, и далеко живет эта тетенька. Мы больше часа ехали двумя трамваями, а потом еще и автобусом. Проживает она в семиэтажном доме на пятом этаже. Вот название улицы, номер дома и квартиры, – мальчик отдал аккуратно

сложенный листок бумаги. – Здесь же записаны номера трамваев и автобуса, названия остановок, на которых мы пересаживались, и конечной, где ее дом стоит. И еще ее фамилия с именем-отчеством, я списал с указателя жильцов в подъезде. А еще я подождал полчаса и решил проверить: живет сама она в этой квартире, или пришла в гости. Позвонил, попросил позвать Вовку. Дверь мне она открыла.

И была теперь в домашнем халате, значит, не в гостях, а дома. На мою просьбу ответила, что Вовка здесь не живет, а когда я нарочно усомнился, добавила, что кроме нее здесь вообще никто не живет».

– Молодец, Колька, – похвалил мальчика Валентин Владимирович, – быть тебе знаменитым сыщиком!

– А она, что, шпионка? – шепотом спросил Колька.

– Нет, что ты! Просто персонаж из моей будущей книги, – улыбаясь, ответил Дмитриев.

Валентина Владимировича сильно удивили фамилия и имя незнакомки: Валентина Васильевна Надеждина. «А ведь назвалась она Надеждой, – думал он с обидой, – видно, это псевдоним ее, из фамилии взят, чтобы я не смог ее отыскать, значит, тетка она мне, а сказать об этом не захотела».

Адрес Надежды-Валентины он спрятал в самую дальнюю папку в сейфе на работе, чтобы он в глаза не бросался. Дмитриев решил раз и навсегда забыть эту женщину, так внезапно ворвавшуюся в его жизнь и нарушившую его покой. Но мысль о сыне не позволяла ему это сделать. В том, что будет сын, Валентин Владимирович не сомневался. Малыш снился ему по ночам, он прочно вошел во все его мечты и планы на будущее. И каждый раз рядом с маленьким сыном была его мама, женщина, без которой Дмитриев уже не представлял своей дальнейшей жизни. Он старался не думать о ней, и думал. Он постоянно тосковал по ней, жаждал видеть ее. Он полюбил эту женщину, как не любил еще в жизни никогда, и боялся признаться себе в этом. Каждый день без нее стал для него страшной мукой. Эти мучения он терпел долгих четыре месяца. На майские праздники Валентин Владимирович достал из сейфа заветный адрес, купил множество различных соков и фруктов и отправился к Валентине. Она встретила его с изумлением:

– Как вы нашли меня, Валентин Владимирович? – Женщина растерянно смотрела на него, но в глазах ее Дмитриев увидел огоньки радости.

– Ты забываешь, Валюша, – сказал он, выделяя интонацией ее

имя, – что я все-таки журналист, а все журналисты в какой-то степени разведчики.

А еще он постоянно зовет меня, – Валентин Владимирович нежно погладил уже наметившийся кивот женщины, – так я вас и нашел,

– Простите меня за то имя, – смутилась она. – Я вспомнила вдруг из школьной физики, что одноименные заряды отталкиваются, и очень испугалась, ведь Вы – Валентин, я – Валентина, имена у нас с Вами одинаковые, вот и взяла я себе другое имя.

– И совершенно напрасно, – улыбаясь, сказал Дмитриев, – имена у нас разные: у тебя – женское, у меня – мужское, а женщина и мужчина всегда тянутся друг к другу. Это мы с тобой уже доказали...

Знаешь, – вдруг встрепенулся он, – давай назовем и нашего сына Валентином. Вот будет здорово: три Вали в одной семье!

Женщина грустно посмотрела на него и промолчала, устремив взгляд на портрет молодого летчика, стоящий на письменном столе... Валентин Владимирович ездил к Вале каждые три дня, возил витамины и соки, разговаривал с малышом, живущем под Валиным сердцем, и даже напевал ему песни, хотя Валентина каждый раз слезно умоляла его больше не приезжать. Он просил у нее прощения, обещал, но все повторялось снова. Дмитриев видел, чувствовал, как боролись в его любимой женщине любовь к нему с верностью первой своей любви, как мечется она между желанием быть с ним и страхом изменить памяти своего жениха-летчика. Дмитриев не торопил Валю, терпеливо ожидал ее окончательного решения. И вдруг однажды, когда шел седьмой месяц беременности, Валентина бесследно исчезла. В ее квартире Валентин Владимирович обнаружил новых жильцов, которые не смогли вразумительно ответить, куда выехала прежняя хозяйка.

И Дмитриев понял: победил молодой летчик. Для Валентина Владимировича это было страшным ударом. «Эх, Валюша, Валюша, что же ты натворила! – думал он, глядя невидящим глазом в трамвайное окно. – Ты испугалась своих чувств ко мне и убежала, забыв, что от себя убежать невозможно.

Ты убежала от своего счастья, лишив счастья родного сына».

Сознание того, что где-то на Земле живет его кровный сыночек, с которым он не может общаться, помогать ему расти, оберегать от болезней и злых людей, сделало жизнь Валентина Дмитриева просто невыносимой, она потеряла для него всякий смысл. Но Дмитриев был журналистом, человеком особой закалки, и это помогло ему

преодолеть беду. Он начал поиск Вали и уже родившегося сына, привлек на помощь своих коллег – журналистов. Но проходили месяцы, а результаты поисков были нулевыми: Валентина Надеждина с малышом, словно в воду канули. Дмитриев снова впал в отчаяние.

Но тут на телевидении заработала новая программа «Жди меня», которая успешно стала разыскивать и соединять потерявшихся людей. Она вселила в сердце Валентина Владимировича Дмитриева надежду на успех.

Более полугода искали Валентину Васильевну Надеждину и ее малыша сотрудники телепрограммы «Жди меня», и поиск их увенчался успехом.

Они нашли Валу и ее сынишку в соседней стране, в маленьком городке, затерявшемся в глуши дремучих лесов и болот.

Когда Дмитриеву показали снятые скрытой камерой кадры прогуливающейся женщины с ребенком на руках, он сразу узнал в ней свою Валентину.

А имя малыша «Валентин», установленное сотрудниками телепрограммы «Жди меня», окончательно убедило Валентина Владимировича, что женщина, которую он горячо полюбил, так же сильно любит его, раз назвала сына его именем.

И вот скорый поезд мчит Валентина Дмитриева в соседнюю страну. Но журналист Дмитриев направляется не в очередную зарубежную командировку. Валентин Владимирович едет к своей жене и сыну, чтобы вернуть их в родные края и больше никогда с ними не разлучаться.

ПИСЬМОНОСЕЦ

(рассказ)

моей однокласснице Лине посвящаю.

Вернувшись с работы, Саша обнаружил в почтовом ящике среди газет конверт, подписанный незнакомым почерком. Напечатанный на цветном принтере текст, взволновал его: «Уважаемый Александр Владимирович! Приглашаем Вас на торжество, посвященное 70-летию вашей родной школы, которое состоится...» А в нижнем правом углу листка размашистым Витькиным почерком приписка: «Санька, приезжай обязательно! Ведь стукнуло 50 лет, как мы

окончили школу!» Это была первая весточка от старого школьного друга после сорокалетнего молчания.

«Боже мой, неужели прошло полвека, целая жизнь?» – Саша отложил письмо и задумался. Поток воспоминаний обрушился на него горным водопадом, увлекая в далекое время школьного детства и юности.

Ему захотелось увидеть лица своих школьных друзей. Он достал из книжного шкафа толстую папку с фотоснимками, стал перебирать их, подолгу задерживая каждый в руках. Среди вороха снимков лежал пак с надписью: «Витя и Лина». Саша открыл пакет, вынул первую фотографию и долго не отрывал взгляд от милого девичьего лица, на котором выделялись своей красотой большие светлые глаза. Эти глаза поразили Сашу еще в девятом классе, во время спектакля школьного театра по мотивам книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Лина исполняла в пьесе роль Лизы. Она была так прекрасна, что не влюбиться в нее было просто невозможно. Но Саша вот уже пять лет был влюблен в Элю, и других девочек просто не замечал. Глаза Лины совершили какой-то переворот в Сашиной душе, и он стал ловить себя на том, что видеть их время от времени ему просто необходимо. Он корил себя за это, считая изменой своей Эле, в которую был влюблен с 5-го класса, но желание видеть чудесные глаза Лины не давало ему покоя. Вскоре вспышка этих непонятных чувств в Сашиной душе утасла. Лина училась в параллельном классе, и видеть ее Саша мог только на перемене и то при случайной встрече в коридоре. А Эля сидела через две парты от него, правда, за спиной, но Саша приспособил маленькое зеркальце, взятое у сестры, чтобы любоваться предметом своей любви во время уроков, все больше влюбляясь в самую красивую девочку его школы. Только любовь Сашина была безответной.

В десятом классе случилось чрезвычайное событие: закадычный друг Саши – Витька, с которым Саша дружил с первого класса, вдруг взял и влюбился в Лину, да еще так сильно, как может влюбиться юноша, до этого не обращавший никакого внимания на девушек. Не имея возможности видеть Лину все время, не решаясь подойти к ней на перемене, Витя молча страдал, разрывая Сашино сердце.

– Напиши ты ей записку и пригласи в кино, – посоветовал он другу. Витька испуганно замахал руками:

– Нет, нет! Ты, что? Я не смогу даже подойти к ней. Да и в школе узнают.

– Ты напиши, а я передам ей. Я знаю, где она живет, отнесу домой. Так что об этом никто не узнает. Сегодня же напиши.

– А как писать? Я в жизни не писал подобных писем. Посоветуй мне, дружище. Ты, ведь, ставишь пьесы в школьном театре, ты должен знать.

– Напиши просто: «Дорогая незнакомка, хочу с вами познакомиться. А для этого приглашаю вас в кино...»

– Ты, что – сдурел? – Витька с возмущением смотрел на друга. – Какая она мне незнакомка, если мы с ней в один детский садик ходили? Так нельзя!

– Пиши, пиши! – Саша серьезно смотрел на Виктора. – Я такой текст в одной хорошей книжке прочитал. Результат был положительным.

Поскольку в кино можно было пойти только в воскресенье, Саша утром выходного дня отправился с запиской друга к Лине домой, девушка жила вдвоем с мамой в своем доме на окраине города. Она встретила Сашу у калитки, удивленно глядя на него.

– Ты? Ко мне?

– Я к тебе с поручением. Вот, возьми. – Саша протянул девушке записку друга.

– Что это? Письмо? От кого? – Лина заволновалась, и ее лицо стало расцветать розовыми маками.

– А ты прочитай и поймешь. И ответ твой желателен. – Саша в упор смотрел на Лину, снова любуясь красотой ее глаз. От его взгляда девушка смутилась и, опустив глаза, развернула записку.

По мере того, как Лина читала, лицо ее все больше приобретало оттенок утренней зари. Закончив чтение, она смяла записку, сунула в карман своего сарафанчика, и подняла гневные глаза на Сашу.

– Ну, что передать мне другу? – поспешно спросил Саша.

– Ответа не будет! До свидания! – Лина со злостью захлопнула калитку и побежала к дому.

Такая реакция Лины сильно огорчила Виктора.

– Я же говорил: не надо было писать эту глупую записку. Теперь Лина расскажет подружкам, и они будут смеяться надо мной.

Но Саша был оптимистом и горел большим желанием помочь другу.

– А ты пиши снова и снова, а я буду носить. И успех гарантирован. Так было с героем той книжки, о которой я тебе говорил. После нескольких записок девушка ответила ему

взаимностью, и они поженились.

– А что за книжка хоть? – Витька с недоверием смотрел на друга.
– И герой, наверное, выдуман.

– Книга писателя Панферова «Снега поднимитесь метелью», о 28 героях-панфиловцах, моя любимая. А герой – подлинный: Василии Клочков, командир 28 героев-панфиловцев. Я дам ее тебе прочитать. Она вышла во время Великой Отечественной войны сразу после подвига героев, в библиотеках ее нет.

Когда Лина не ответила на пятую Витькину записку, он попросил Сашу:

– Слушай, Сашок, сочини за меня письмо моей Лине, да такое, чтобы проняло ее душу до самой глубины.

– Ты, что, Витек, ведь не я, а ты влюблен в Лину. Как же я могу писать ей о твоей любви? – Саша недоуменно смотрел на друга. – У меня не получится.

– А ты представь, что ты влюбился в нее, тогда и пиши ей о своей любви, а подпишешь моим именем. – Виктор умоляюще глядел на друга. И Саша согласился. Представлять ему ничего не надо было: чувства, возникшие у него к Лине в девятом классе, разгорелись с новой силой. Он пытался их подавить, убеждал себя, что не имеет права на них. Но Лина снилась ему по ночам, а днем, в школе, он постоянно искал повод зайти в параллельный 10-й «Б», чтобы хоть на несколько секунд увидеть ее глаза.

Дверь дома открыла мама Лины. Увидев Сашу, она весело позвала:

– Дочка, выйди скорее. Твой письмоносец снова посетил нас!

– Что, опять письмо от друга? – сдерживая смех, спросила девушка. – И ответ требуется?

– Как хочешь, – сказал Саша, – Можешь и ответить.

– Тогда садись за стол и отведай пирожков, а я пока прочитаю послание. – Девушка присела на табурет и распечатала конверт,

Саша с наслаждением уплетал пирожки с тушеной капустой, которые он так любил, и наблюдал за Линой. Она читала, и вскоре ее лицо из веселого стало серьезным. Лина прочитала письмо еще раз, положила его на колени и задумалась,

– Ну, что, Лина, будешь отвечать Виктору, или нет? Так я пойду. Спасибо за вкусные пирожки. – Саша встал из-за стола и во все глаза смотрел на девушку.

– Кто писал это письмо? – Лина в упор глядела на Александра.

– Известно, кто: конечно же, Витек.

– Что-то оно не похоже на прежние письма. – В глазах Лины застыло сомнение. – Любовь делает человека умнее и талантливее! – философски заметил Саша. – Так что передать Виктору?

– Не знаю... Не знаю... – растерялась девушка. – Передай просто большое спасибо.

Ответ Лины очень обрадовал Виктора.

– Вот видишь? Надо было мне давно попросить тебя писать Лине письма. У тебя талант, ты прирожденный литератор, не то, что я. Так что теперь ты всегда будешь сочинять для Лины мои письма.

И вскоре Саша стал своим человеком в доме на улице Трансваальской. Лина и мама встречали его с радостью, и Саша чувствовал, что здесь всегда ждут его прихода.

– Слушай, Саша, что-то я не пойму: кто в меня влюблен – ты, или твой друг Витька? – как-то спросила Лина, прочитав очередное письмо, которое вручил ей Александр.

– Ты же знаешь, Линок, в кого я влюблен. Это знает вся школа. – Саша с надеждой смотрел в глаза девушки.

– Эля? – В голосе Лины звучала неуверенность. Саша молча кивнул головой.

– И что ты в ней нашел? Красивая кукла и только, – Лина с сожалением смотрела на Сашу. – Ты, что, действительно ее любишь?

– Очень! Она – дама моего сердца! – с пафосом воскликнул Александр.

– Понятно! Значит, ты ее не любишь. Ты просто боготворишь ее красоту. – Лина облегченно вздохнула. – Твои чувства к ней, как к прекрасному цветку. Но что будет, когда цветок завянет? Увядшие цветы ведь выбрасывают, и заменяют новыми. Нет, ты не любишь Элю, ты только пытаешься убедить себя в этом.

– Вот еще! – возмущенно воскликнул Саша. – Что ты говоришь? Я люблю, люблю, люблю Элю, и буду любить ее вечно!

Но потом, дома, Саша не раз мысленно возвращался к этому разговору с Линой, и после долгих раздумий вдруг понял, что девушка права.

– Скажи, Саша, почему Витя сам не скажет мне то, о чем пишет в письмах? – спросила Лина после прочтения следующего письма.

– Витька очень стеснительный парень, – сходу выпалил Александр, – он боится, что все слова у него вылетят из головы, когда он заговорит с тобой. К тому же, при волнении Витька начинает

сильно заикаться. Вот он и пишет тебе о своих чувствах на бумаге.

– А ты мог бы сказать девушке о своей любви, а не писать ей письма, проживая в одном городе с ней, и учась в одной школе? – Лина в упор смотрела на Сашу, и в ее словах он почувствовал просьбу. – Для нас, девочек, важнее услышать, чем прочитать о любви. Эле ты тоже пишешь о своих чувствах? А кто их относит ей? Витька?

– Ну, что ты! Я даже приблизиться к ней не решаюсь. Она всегда окружена толпой поклонников, и в этой толпе для меня нет места. – Саша сказал это безо всякого сожаления. А Лина грустно улыбнулась и промолчала. Однажды, когда Саша сел писать очередное письмо Лине, сами собой родились стихи:

Кем явилась ты мне? Синеглазкой?
Добрый сном, иль волшебной сказкой?
Или, может, синее неба
Васильком среди спелого хлеба?
Незабудкой синей на камне,
Чей забыть невозможно пламень?

Саша писал и думал: как он будет читать вот это Виктору. Ведь друг может догадаться о его чувствах к Лине. Но Витька пришел в неописуемый восторг:

– Ну ты и даешь! Талант! Гений! После таких стихов Лина обязательно растает и сменит гнев на милость. Спасибо тебе, дружище! Прочитай мне их еще раз.

И Саша, волнуясь, снова начал читать поэтические строки, обращенные к любимой девушке:

Или, может быть, ты – та тропка,
По которой иду я робко?
Или, может быть ты – дорога,
Иль березонька у порога?

Может быть, ты – осколок солнца,
Заглянувший ко мне в оконце?
Может быть, ты – игривый ветер?
Может, счастье мое на свете?..

Когда Лина прочитала это поэтическое письмо, она стала внимательно разглядывать Сашу, как-будто увидела его впервые.

– Скажи, Сашок, а кто писал это письмо?

– Как это – кто? Конечно же, Витька! – Саша изобразил недоумение на лице.

– И стихи тоже писал твои друг? – Глаза девушки недоверчиво смотрели на Александра.

– А кто же еще? Ну, ладно, я пошел. – Саша заторопился уходить.

– Что передать Виктору?

– Стихи замечательные! Мне еще никто стихи не писал. Спасибо тебе, что доставил мне такую радость. – Лина взяла Сашу за обе руки, и совсем близко он увидел ее красивые глаза и слегка приоткрытые губы, вздрагивающие от желания расцеловать его.

Саша отпрянул и дрожащий голосом произнес:

– Меня не за что благодарить. А Витьке я передам твой отзыв о стихах.

– Нет, нет, – испуганно взмахнула руками девушка, – не делай этого, прошу тебя, не нужно этого делать.

– Успокойся, Линочка, я Виктору ничего не скажу. – Саша усмехнулся и добавил: – А то еще зазнается ненароком. Ну, я пойду?

– Подожди, Саша, я хочу тебя спросить... девушка замялась и смолкла. Потом вдруг решила и тихо вымолвила:

– Скажи, Саня, я тебе хоть чуть-чуть нравлюсь?

Девушка, смущенно улыбаясь, ждала ответ. Саша некоторое время молча смотрел на Лину, любуясь, а потом решительно произнес:

– Лина, ты – любимая девушка моего лучшего друга, как же ты можешь не нравиться мне?

Вернувшись от Лины, Саша дал себе слово больше не писать письма за Витьку, тем более в стихах. И больше не ходить в дом на улице Трансваальской. С вечера он долго не мог заснуть, все думал о Витьке, о своей Эле, о Лине. Достал фотографию Эли, но ему почему-то не захотелось любоваться дамой своего сердца. Отложил снимок в сторону и решил написать стихи Эле. Но стихи не складывались. Даже, когда он поставил Элин портрет перед собой. Саша вглядывался в красивое лицо Эли и не видел его: перед глазами возникли чудесные, теплые очи Лины, такие родные и любимые. И сами собой родились стихи. Он писал их до утра, а потом твердо решил, что отнесет их Лине.

День был воскресный. Они с Витькой собирались сходить на индийский фильм «Бродяга» на дневной сеанс, и Виктор появился у Саши спозаранку. Саша колебался: читать или не читать другу стихи, написанные ночью. И все же решился. Виктор был потрясен.

– Слушай, Сашок, как это ты смог выразить в стихах все мои чувства к Лине? Просто поразительно!

– Ты же, ведь, мой друг! – только и сумел ответить Саша.

Лишь к вечеру Саша оказался в доме на улице Трансваальской.

– Что, опять письмо от Витьки? – спросила Лина, пропуская Александра в комнату.

– Как ты догадалась? – Саша улыбнулся и достал из кармана сложенные вместе бумажные листы. – Вот, вручаю. Там снова целая поэма. Ты читай, ответ твой мне известен, так что я пойду.

– Подожди, Саня, куда ты так торопишься? – Лина положила листы на радиоприемник и подошла к Саше. – Ты посиди со мной, мы попьем чаю, поговорим. А то ты приходишь ко мне как письмоносец, с письмом друга. А мне хотелось бы, чтобы ты приходил просто так, без Витькиных писем.

– А можно? – Саша с недоверием смотрел на девушку.

– Смешной ты. Почему нельзя? Я всегда тебе очень рада, И мама моя тоже. Ты приходи, когда тебе захочется, хорошо?

– Нет, просто так я не могу, я буду приходить с письмами от Витьки.

– Почему не можешь просто так приходить? – Удивленно спросила Лина.

– Виктор может обидеться, – простодушно ответил Саша.

– Да? Тогда пусть Витя пишет мне письма каждый день. Так и передай ему.

– Хорошо. Так я пойду?

– Мы же с тобой еще чаю не попили, – с обидой воскликнула девушка и в ее красивых глазах заблестели слезы.

Когда были съедены любимые Сашины пирожки с капустой и, опустел чайник, Лина шепотом попросила:

– Почитай мне стихи, Сашок!

– Стихи? – Александр испуганно смотрел на девушку. – Я стихи читать не умею.

– Все равно, почитай. Мне хочется услышать сейчас хорошие стихи. Я их так люблю. – Девушка ободряюще глядела на Сашу, и он начал читать:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день ...

– Нет, нет, – прервала его Лина, – ты прочитай мне другие стихи... Про любовь ...

– О любви? – Саша мучительно вспоминал. – Знаешь, что-то ничего на ум не приходит. Можно, я прочитаю тебе Витькину поэму?

Лина молча протянула ему бумажные листы. Александр глубоко вздохнул и начал читать:

Хочешь, я расскажу,
Хочешь, песню спою,
Как тобой дорожу,
Как тебя я люблю,
Как завидую я
Солнцу, ветру, воде,
Что с тобою быть могут
Всегда и везде?

Саша читал и чувствовал на себе тепло любимых очей, таких загадочных и милых.

Только знай, дорогая,
Что в сердце моем
Для тебя сотни солнц
Светят жарким огнем.
Только знай, дорогая,
Что в ласке моей
Для тебя собрались
Ветры южных морей.
Только знай, что скорее
Бурлящей воды
Я приду, чтоб спасти
От грозы и беды.

Лина слушала, впитывая сердцем каждое слово, и в душе девушки родились неизведанные чувства какой-то особенной

радости.

Когда Саша окончил чтение своего признания в любви, он глянул на Лину и замер от восхищения: крупные, прекрасные глаза девушки сияли каким-то особым светом, излучая безграничную радость и счастье. Его взгляд заставил девушку очнуться:

– Ты что так смотришь на меня?

– Какая ты красивая, Лина! – слегка заикаясь от распиравших грудь чувств, воскликнул Саша.

Они встали из-за стола одновременно и подошли друг к другу. Их взгляды встретились, они молча стояли, давая возможность говорить глазам.

Внезапно Лина метнулась к Саше и обожгла его губы горячим робким поцелуем. Это привело юношу в чувства.

– Лина, ты что? Ты что? – Саша, устремил на девушку изумленный и счастливый взгляд. – Зачем ты так сделала? Зачем?

– Дурачок, я же люблю тебя, еле слышно прошептала Лина, – Я люблю тебя. Понимаешь?

– Нет, нет! Не говори так. Нельзя! Слышишь, нельзя! Тебя любит мой лучший друг – Витька. А я друзей не предаю! И любимых – тоже. Поэтому, я не могу тебя любить. Я не имею права. Это будет подло по отношению к Витьке, и к Эле тоже. Прощай, и пойми меня.

И Саша бегом направился к дверям, едва сдерживая нахлынувшие слезы.

На другой день Витька встретил его вопросом:

– Ну, что, понравилась Лине твоя поэма?

– Понравилась. Только Лина больше не хочет, чтобы я приходил с твоими письмами. Она хочет, чтобы ты сам пришел к ней, – солгал Саша.

– Я? К ней? Как я пойду? Нет, это невозможно. – Виктор метался по комнате, не находя себе места.

– Ты любишь Лину, Витек? – Саша в упор смотрел на друга. – Если любишь, то ты должен сам пойти к ней и рассказать о своих чувствах.

– Хорошо, – согласился Витя после долгих раздумий. – Только мы пойдем вместе. Ладно?

В воскресенье они вдвоем направились к Лине. И когда Лина встретила их, Саша резко втолкнул во двор друга и захлопнул калитку. Затем бросился бежать по улице, то и дело оглядываясь, не догоняет ли его Витька. Но улица за его спиной была пустынна, что

одновременно радовало и огорчало Сашу.

Больше Саша никогда не ходил в дом на улице Трансваальской. В школе он, конечно, видел Лину, но их общение ограничивалось кивком головы. Да и Витька к нему перестал забегать, ссылаясь на занятость: был конец учебного года, за ним – выпускные экзамены. На выпускном вечере Витька был все время с Линой. Эля была, как всегда, окружена толпой поклонников. А Саша по традиции подпирал стену актового зала.

Потом Саша поехал учиться в далекий город, окруженный стеной высоких, снежных гор.

На свадьбу друга с Линой он не поехал, поздравил телеграммой.

С Витькой они изредка переписывались, ограничиваясь поздравительными открытками, а когда Александр окончил институт и стал работать, всякая связь с другом окончательно оборвалась.

И вот через столько лет первая весточка от Витьки.

Спустя два дня скорый поезд мчал Сашу от высоких гор в город его детства.

У входа во двор родной школы его уже поджидал Виктор. Друзья сразу узнали друг друга, по-мужски крепко обнялись.

А где-же Лина? – спросил Саша Виктора после взаимных рукопожатий и объятий.

– Лина? – переспросил Витька, слегка побледнев, – Она...она... где-то с девочками своего класса. Пойдем и мы в свой класс, дружище. Правда, нас собралось так мало: ты, да я, да мы с тобой. И еще Эля, да наши близнецы Вера и Надя. Вот и все. Ведь 50 лет прошло, как мы покинули школу. Что тут удивляться? – и он толкнул дверь классной комнаты.

За учительским столом хозяйничали три пожилых женщины, приготавливая бутерброды.

– А вот и наши мальчишки! – воскликнула дородная седая женщина, поднимаясь из-за стола им навстречу. – Бутылки уже заждались Вас, и мы тоже.

Саша с трудом узнал в этой женщине свою школьную любовь, даму своего сердца, как он полвека назад называл ее. От прежней Эли, тоненькой красавицы, ничего не осталось.

– Что смотришь, Сашок? Трудно узнать? Что поделать? Ведь полстолетия пролетело, а время, как известно, не красит. Давай поцелуемся, что ли. Мы с тобой ни разу не целовались в детстве, так давай наверстаем упущенное, – Эля обняла Сашу и крепко

поцеловала в губы.

А потом прижалась лицом к его плечу и заплакала.

Когда на столе еды поубавилось, и бутылки опустели, Виктор увлек сестер-близнецов в коридор, и Саша с Элей остались одни

– Ну, рассказывай, как живешь, чего достиг за эти полсотни лет, – Эля села напротив Саши и заглянула ему в глаза.

– Да что рассказывать? Живу, как все, на пенсии, но работаю еще. Жизнью доволен. Недавно с женой отметили 40 лет совместной жизни. Дочери стукнуло 36. Вот и все.

– Что, всю жизнь с одной женой прожил? – Эля с удивлением смотрела на Сашу. – А я, вот, уже с третьим мужем живу. Первого, любимого, увела моя самая лучшая подруга. От второго я ушла сама. Я и от третьего сбежала бы, но ведь надо с кем-то коротать оставшиеся годы. – Эля замолчала, глядя в окно. Потом повернулась к Саше: – Знаешь, я ни о чем не жалею, кроме одного... – Что не влюбилась в тебя тогда, в десятом классе. Вся жизнь моя пошла бы по-иному...

– Кто знает, – задумчиво сказал Саша. – Ведь не зря говорят: «Все, что ни делается, то к лучшему».

– А ты меня уже совсем не любишь? – В глазах Эли застыло пугливое ожидание.

– О какой любви можно говорить, когда завершаешь уже седьмой десяток? – с горечью вымолвил Саша. Все уже перегорело. В детстве ты была для меня эталоном красоты, прекрасным цветком, которому я поклонялся. Но детство, к сожалению, давно ушло...

Саша смолк, ловя себя на том, что повторил слова, сказанные давным-давно Линой. «Где же ты, Лина, почему не ищешь меня?» – Эта мысль заставила его подняться и отправиться на поиски.

Лины он в школе не нашел. Витька тоже куда-то запропастился. Расстроенный, Саша стоял у открытого окна, выходящего в школьный сад. Как вдруг кто-то сзади закрыл ладонями ему глаза. Саша пальцами прикоснулся к этим рукам и утвердительно сказал: «Лина!» Ладони опустились вниз. Он обернулся: перед ним стояла Лина. Пополневшая, поседевшая, но по-прежнему милая, родная, любимая его Лина. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, наслаждаясь встречей.

– Как ты узнал, что это я? – тихо спросила Лина.

– Не знаю, – откровенно признался Саша. – Вот взял и узнал. Наверное, сердце подсказало.

Они вошли в пустую классную комнату, сели напротив друг друга.

– Ты счастлив? – спросил Саша, пристально всматриваясь в красивые очи Лины.

– Не знаю, наверное – да. У меня есть сын. Я назвала его Александром. А ты?

– У меня есть дочь, она носит твое имя. – Саша хотел еще спросить о ее жизни с Виктором, но дверь внезапно распахнулась, и в комнату ввалилась ватага одноклассников Лины.

– Так вот где вы уединились! – Лысый толстяк, в котором трудно было узнать бывшего сердцееда 10-Б Вовку Бондаренко, погрозил им пальцем и властно сказал:

– Пойдем, Линуся, нехорошо изменять коллективу. Да и ресторан нас ждет. Приглашай своего хахалю за наш стол, и пошли.

– Пошли с нами, – сказала Лина, поднимаясь и направляясь к двери.

– Нет, я тоже не хочу изменять своему коллективу, – сказал Саша, – ты иди, Лина, с ними, а я пойду к своим. Вечером у Вити мы с тобой договорим.

Лина остановилась на полдороге:

– Вы идите, ребята, я вас догоню.

Когда одноклассники удалились, Лина опустив глаза, тихо сказала:

– Договорить у Вити не получится. Вот уже 40 лет, как я с ним не живу.

– Вы расстались? – С удивлением и огорчением спросил Саша, – Но почему?

– По работе Виктор часто уезжал в длительные командировки. Оттуда он присылал мне письма, но ни одно из них не было похоже на те, которые ты тогда приносил мне. И никогда за всю нашу совместную жизнь он не посвятил мне ни одного стихотворения. Я для него была только женой, хранительницей домашнего очага. А мне хотелось быть еще и любимой женщиной... Чтобы мне дарили цветы и стихи. – Лина замолчала. Она стояла перед Сашей какая-то сразу постаревшая, и он почувствовал, как виноват перед этой, дорогой ему женщиной.

– Лина, родная моя, – Саша обнял ее за плечи, – я хочу тебе сказать...

– Не надо, Сашок, – Лина ладонью закрыла его рот. – Я все

поняла еще тогда, 50 лет назад. Твои письма... твои стихи... Я полюбила тебя...

– Так почему же ты вышла замуж за Виктора? – Воскликнул Саша.

– Виктор был твоим другом, и я не хотела, чтобы ты его предал. Ведь ты об этом говорил мне во время последней нашей встречи. Я видела, я чувствовала тогда, как сильно ты меня любишь. И я поняла, что ты на грани предательства. И вышла замуж за Виктора только ради тебя. Но полюбить его так и не сумела. Потому что, люблю тебя... Вот и получается, что сломала жизнь двум хорошим мужикам. Ты уж прости меня за это. И прощай.

Лина решительно распахнула дверь класса, вышла в коридор:

– Эй, хлопцы десятого «Бе», вы где? Я петь хочу, я пить хочу, я танцевать хочу. Ведь это наш последний юбилей, когда мы все вместе...

Саша, окаменевший, неподвижно стоял посреди комнаты, устремив невидящий взгляд в раскрытую дверь, за которой скрылась, ушла навсегда его единственная любимая женщина.

Очнулся Саша от прикосновения сильных мужских рук, встряхивающих его. Перед ним стоял Витя.

– Витек, дружище, я виноват перед тобой. – Саша, задыхаясь, торопился покаяться перед другом. – Я хотел предать тебя, но все-таки не предал... Спасибо Лине...

– Перестань, Саня, во всем случившемся виноват только я один: вовремя не разглядел, что вы крепко полюбили друг друга. А сейчас уже ничего не исправишь. Вот и уйду скоро в небытие с этой виной. Ну, да ладно, жизнь продолжается. И дружба наша продолжается. Сейчас мы поедем ко мне в гостиницу, ты отдохнешь, а завтра мы махнем на улицу Трансваальскую с огромным букетом цветов. Я думаю, что Лина простит нам обоим нашу ошибку детства.

НЕОЖИДАННАЯ ДОЧКА

(маленькая повесть об отцовской любви)

Вернувшись домой с работы на два часа позже обычного, Владимир Иванович Сидоренко совсем не ожидал такой семейной «бури». Разгневанная жена встретила его в прихожей возгласом:

– Ну, что, пришел, гуляка? Тебя здесь ждут не дождутся, а ты все гуляешь. Кого ты там еще нагулял?

– Что-то я не пойму тебя, любовь моя. Ты же знаешь, что я никогда не гуляю в твоём понимании. Засиделся над квартальным отчетом. Разве ты за тринадцать лет не убедилась, что кроме тебя, моя любимая, мне другие женщины не нужны? Какая муха тебя сегодня укусила?

– Эта муха сидит в соседней комнате и смотрит телевизор, ожидая тебя. – сказала жена и распахнула дверь в зал. Там Сидоренко увидел сидящую перед работающим телевизором незнакомую девочку лет двенадцати-тринадцати, которая, прислонившись к спинке дивана, спала.

– Кто это? – шепотом спросил Владимир Иванович, боясь разбудить ребенка.

– Это я у тебя хочу спросить? – громыхнула в ответ супруга, сверля его колючим взглядом, – Что, не узнаешь?

– Понятия не имею, – так же тихо сказал Сидоренко. – Да объясни мне, наконец, что происходит? Кто эта девочка, из-за которой столько шума?

– Ты не знаешь? Очень странно. А эта девица утверждает, что она – твоя дочь, – Гневные глаза жены уставились на Владимира Ивановича.

– Кто? Кто? – изумленно воскликнул он. – Что ты несешь? у меня, кроме нашей Аленки, нет других дочерей! Кстати, где она сейчас?

– Ах, как трогательно! вспомнил о дочери! Если ты об Аленке, то она на занятиях танцевального ансамбля. Скоро придет. Так что готовься отвечать, кем тебе приходится эта девчонка, – глотая слезы, выкрикнула жена.

Шумная перебранка супругов разбудила девочку. Она открыла глаза и растерянно осмотрела комнату. И вдруг, все вспомнив, испуганно вскочила. Девочка со страхом смотрела на Владимира Ивановича, прижав дрожащие кулачки к груди, а по

щекам ее медленно стекали то ли слезинки, то ли капельки пота.

– Ты мне хочешь что-то сказать? – ласково обратился к ней Сидоренко, подбадривая взглядом, девочка кивнула головой и опустила глаза. Она долго молчала, а потом, собравшись с духом, едва слышно сказала:

– Вот... я приехала... к Вам ... Теперь, кроме вас, у меня никого нет. Ведь Вы – мой отец.

– Твой отец? – Владимир Иванович вопросительно смотрел на девочку. – А кто тебе об этом сказал?

– Мама ... – девочка всхлипнула, смахнула набегающие слезы и прошептала: – Она три дня назад умерла.

Девочка умолкла, из телевизора лилась грустная мелодия и растекалась по комнате. Сидоренко не торопил девочку, он терпеливо ждал, когда она вновь заговорит. Жена тоже молча следила за происходящим. – Мама успела написать Вам письмо, – тихо сказала девочка, доставая из старого школьного портфельчика тщательно заклеенный конверт.

Владимир Иванович взял конверт, распечатал его, вынул небольшой листок бумаги и стал читать:

«Уважаемый Владимир Иванович! Когда Вы будете читать это письмо, меня уже не будет в живых, моя болезнь неизлечима, и я знаю, что жить мне осталось считанные часы. Пришло время решить судьбу дочери. Я направляю Сашеньку к вам. Больше не к кому. Я помню Вас, как доброго и порядочного человека и прошу Вас позаботиться о Саше, как о своей дочке. Не дайте ей пропасть в нашей сумасшедшей жизни. Я сама круглая сирота, подкидыш, Долго скиталась по детским приютам и школам-интернатам. Хорошо знаю, что это такое. Не хочу, чтобы Сашенька повторила мою судьбу, я грешна перед дочкой, перед Вами и перед богом. Думаю, Господь и дочка меня простят. Простите и Вы, если можете, молю Господа, чтобы Вы оказались в этом городе. Прощайте».

– Ну, что там тебе поведала твоя любовница? – жена попыталась выхватить письмо из рук Сидоренко.

– Оно написано только для меня, и тебе незачем знать, о чем в нем говорится. – Владимир Иванович торопливо сунул конверт в карман брюк. – И вообще, Лена, выйди из комнаты, мне нужно с Сашей поговорить.

– Ах, уже с Сашей! Ты и имя ее знаешь? А мне лгал. Никуда я отсюда не уйду! – Лена демонстративно расположилась на диване.

– Любовь моя, я тебя очень прошу выйти из комнаты, девочке будет трудно говорить со мной при тебе. – Сидоренко умоляюще смотрел на жену. А за всем этим, вжавшись в угол дивана, со страхом и отчаяньем наблюдала Саша.

Телефонный звонок в прихожей сорвал Лену с дивана. Владимир Иванович плотно закрыл за женой дверь и подошел к девочке.

– Ну, что ты испугалась? Тебя Сашей зовут? – Девочка кивнула головой.

– А как зовут твою маму?

– Ее звали Ритой. – прошептала Саша и залилась слезами.

«Рита... Рита...» – Сидоренко напрягал память, но следов такого имени в ней не было.

– А как ты нашла меня, ведь на конверте нет моего адреса?

– Ваш адрес мне дали в ларьке справочного бюро на автовокзале, мне мама так велела сделать.

– А откуда ты приехала к нам?

Саша назвала город в соседней области, в котором Владимир Иванович не только никогда не бывал, но даже не слышал его названия. Он отвернулся к окну, задумался, анализируя строки письма Сашиной мамы.

«Что они незнакомы – это факт, откуда же она его знает? Почему доверяет дочь?» – Владимир Иванович резко повернулся и посмотрел на девочку, В упор на него глядели большие детские глаза, в которых он увидел столько боли, отчаяния, ожидания и надежды, что сердце его дрогнуло.

– Все правильно, Сашенька, все правильно. Ну, здравствуй, дочурка, здравствуй, родная. – Сидоренко шагнул навстречу девочке и принял ее в объятия. Она, рыдая, обхватила его за шею руками и стала неистово целовать, плача и смеясь одновременно. А в раскрытых дверях наблюдала за ними оторопевшая Лена.

– Что это значит, Владимир? – возмущенно воскликнула она.

– Это значит, дорогая, что теперь у нас с тобой две дочки: Аленка и вот, Сашенька. – Владимир Иванович радостно улыбался.

– Эта девица – твоя дочь? Ты уверен в этом? – Лена изумленно глядела на мужа.

– Несомненно! Сашенька – наша дочурка!

– Твоя дочь. – выделяя слово «твоя», произнесла Лена и

обратилась к Саше: – Девочка, тебе сколько лет?

– Тринадцать, – робко вымолвила Саша.

– И нашей Аленке тоже тринадцать, – рассуждала вслух Лена. – Значит, когда я под сердцем носила Аленку, ты с этой потаскухой...

– Перестань, Лена! – перебил ее Владимир Иванович. – Сейчас же перестань! Постыдилась бы ребенка.

– Постыдилась? А ты? Ах, какой же ты, подлец! – Лена с размаху залепила мужу пощечину.

– Вот, ты еще раз подтвердила, как сильно ты меня любишь, – сказал, потирая щеку Сидоренко.

– Люблю? Ну, нет! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! – Лена захлебывалась

от злости.

– Нет, любишь! Я знаю, я чувствую. И я тебя так же сильно люблю. И клянусь, я тебе никогда не изменял и не изменю. – Владимир Иванович попытался обнять жену.

– Не изменял? А как же эта вторая дочь? Откуда она появилась? Уж не аист ее принес? – зло усмехнулась Лена, увиливая от объятий мужа.

– Нет, не аист, любовь моя. Она приехала к нам на автобусе. – сказал Сидоренко и лицо его озарилось улыбкой.

– Ах, так ты еще и шутишь! – вторая оплеуха прозвучала подобно пушечному выстрелу.

– Что за шум? И, кажется, драка? – в дверях зала стояла тонконогая девочка-подросток, как две капли воды, похожая на Владимира Ивановича.

– Привет, Аленка! – воскликнула Лена, повернувшись к дочери. – Да вот наш папа преподнес нам сюрприз: познакомься, дочь, это твоя сестра по отцу, Александрой зовут. – Лена жестом указала в сторону замершей Саши.

– Папочка, это правда? Эта девочка – моя сестра? – Аленка радостно

смотрела на отца. И когда он кивнул головой, с восторгом воскликнула:

– Наконец-то! Я всю жизнь мечтала иметь сестренку? И теперь мечта моя исполнилась. Пойдем ко мне, будем знакомиться. – Аленка схватила стоящую неподвижно Сашу за руку и увлекла в маленькую комнату, плотно прикрыв за собой, дверь.

– Так, и дочь против меня! – горестно воскликнула Лена. – Я

здесь лишняя, мне остается только уйти. – Она быстро накинула пальто и вышла из квартиры.

Сидоренко не стал останавливать жену. Он выключил телевизор, прилег на диван и закрыл глаза. Лежал и думал: «правильно ли он поступил сейчас, признав эту девчущку своей дочкой? Не получится ли так, что счастье Саши возродится на несчастье Лены, да и его самого? Потому что жить без Лены он просто не сможет. Надо убедить жену, что иначе он поступить не может. Рассказать ей всю правду. А вдруг Лена когда-нибудь проговорится, и эта правда станет известной Сашеньке? Это будет катастрофой для девочки».

Его размышления прервала Аленка: она на цыпочках вышла из своей комнаты, и, обняв отца, примостилась на диване.

– Она заснула, – тихо сказала Аленка. – Я покормила ее, и она сразу заснула.

– Пусть поспит, – сказал Владимир Иванович, обнимая дочку, – она очень много пережила за последние дни. Я думаю, вы подружитесь.

– А она и вправду моя сестра? – Аленка внимательно смотрела в глаза отца, – Почему она появилась только сегодня? – Понимаешь, дочка, ее мама умерла, и она осталась одна. Вот и приехала к нам.

– Так у нее другая мама? А папа у нас с ней общий – это ты. Что ж, так бывает в жизни, я буду любить ее крепко-крепко, как тебя. Только вот мама... – девочка отстранилась, смахивая набежавшие слезы.

– Совсем ты у меня стала взрослой, Елена Владимировна! – Сидоренко нежно погладил дочку по голове. – И когда ты успела вырасти?

– Сегодня. Сейчас. – серьезно сказала Алена. – Я ведь все слышала, о чем вы говорили с мамой.

Владимир Иванович внимательно посмотрел на дочь, помолчал, а потом сказал:

– Ты о маме не волнуйся. Она проветрится на свежем воздухе, подумает обо всем и вернется домой. Вот увидишь.

Лена вернулась за полночь. Вошла в зал и сказала поднявшемуся навстречу мужу:

– Ты, конечно, не ожидал, а я вернулась! Это в конце концов и мой дом. Только ты запомни: здесь будут жить или я, или эта деваха. Вместе с ней я жить не желаю. – И хлопнула дверью спальни перед самым носом мужа.

– Лена, любовь моя, открой дверь или выйди сама, – тихо звал жену Владимир Иванович, боясь разбудить Аленку, заснувшую в зале на диване.

– Нам нужно поговорить. Я тебе все объясню, и ты поймешь, почему я назвался отцом этой девочки. Тобой сейчас управляет ревность. Выслушай меня, и ты убедишься, что я ни в чем перед тобой не виноват, давай поговорим, Леночк!

Но дверь спальни оставалась запертой, и за дверью стояла гнетущая тишина. Сидоренко только руками развел, и пошел на кухню устраиваться на ночлег.

Утром Лена не вышла проводить мужа на работу, как делала это раньше. Полдня в офисе Владимир Иванович не мог найти себе места и то и дело поглядывал на часы: когда же закончится этот рабочий день? Сердце ныло, предчувствуя какую-то беду. И она пришла. В третьем часу в кабинет влетела плачущая Аленка со словами: «Она ушла! Папка, она ушла!» – Кто ушел? – поднялся навстречу дочери Владимир Иванович. – Саша ушла. Оставила всю мою одежду, которую я, ей вчера подарила, одела свою старую и ушла. Это мамка виновата? Я в школу пошла, а они вдвоем остались. Она ее и выгнала. Я прихожу из школы, а Саши дома нет. Зачем же так мама сделала? – и девочка горько зарыдала. – Не нужно отчаиваться, Леночка! Сейчас я попрошу у директора его автомобиль, и мы поедем искать нашу Сашульку. Мы обязательно ее вернем. – Сидоренко поднял трубку телефона... Они нашли Сашу только в десятом часу вечера в Отделении милиции железнодорожного вокзала. Дежурный лейтенант объяснил, что девочку привезли сюда, сняв с электрички, где она просила милостыню у пассажиров. Владимир Иванович написал объяснение, почему его дочь стала бродяжничать, и Сашу отпустили. Уже в машине, по дороге домой, Сидоренко тихо спросил у Саши:

– Ну, зачем ты так поступила, Сашенька? Почему ушла из дому?

– Ваша жена... ваша жена... меня... – заикаясь, произнесла девочка и заплакала.

– Ну, ну, успокойся, доченька. – Владимир Иванович нежно обнял девочку за плечи. – Мы с Аленкой больше не дадим тебя в обиду. Правда, Леночк? – Алена только головой кивнула. Она все еще переживала жестокий поступок матери по отношению к Саше.

– Ну, а милостыню зачем просить стала? – наклонившись к самому уху, спросил у Саши Сидоренко, – Тебе нужны были деньги?

– Да, на билет, чтобы уехать домой. Там все такое родное, а здесь – И девочка снова заплакала.

– А знаешь, Сашок, – весело сказал Владимир Иванович, – завтра я отпрошусь у директора, и мы с тобой съездим в твой город и привезем все твои вещи сюда. Ты согласна?

– Правда? – Саша подняла на Сидоренко еще заплаканные, но уже светящиеся радостью глаза. – Спасибо Вам... папа.

В своем городе Саша с мамой жила в маленькой комнатухе в рабочем общежитии. Когда Сидоренко с Сашей приехали туда и попытались войти в комнату, дверь оказалась закрытой изнутри. Они долго стучали, и уже собрались уходить, как дверь внезапно распахнулась. В дверях стоял давно не бритый мужчина. – Ты кто? – удивленно спросил его Владимир Иванович.

– А ты кто такой? И почему лезешь в мою квартиру? – грозно спросил незнакомец. – Понимаешь, эта девочка проживала здесь вместе с мамой. Мы приехали за ее вещами. – объяснил Сидоренко.

– Ничего не знаю. Я вселился в совсем пустую комнату. Идите к коменданту, – и незнакомец резко захлопнул дверь.

Комендант общежития, пожилая женщина, записав данные паспорта Владимира Ивановича, сообщила им, что после смерти Риты в комнату поселили другого жильца, а вещи из комнаты забрала подруга умершей – Мария Гаврилова, и дала ее адрес.

Саша хорошо помнила тетю Машу, которая часто приходила к ним в гости, поэтому узнала ее сразу, да и тетя Маша встретила ее с большой радостью, как родную. Узнав от Саши, что Сидоренко – ее отец, посмотрела на Владимира Ивановича как-то недоверчиво, но через мгновение снова стала радушной хозяйкой.

Уложив спать в соседней комнате разомлевшую после обильного угощения Сашу, Мария вернулась за стол, налила в рюмку домашнего вина и сказала:

– Ну, что ж, Владимир Иванович, давайте помянем Риту, пусть земля ей будет пухом. Тяжко ей жилось на этом свете. Последний год душил ее рак, от него и померла. Одна радость была у нее в жизни – дочурка Сашенька. А больше у нее никого на свете родни не было.

Одна жила, много лет со мной дружила... – Женщина помолчала, потом наполнила снова рюмки:

– Теперь давай выпьем за Сашино счастье... с тобой. Ты вроде хороший мужик. Только не помню я тебя среди Ритыных ухажеров. Так ты, говоришь, родным отцом Сашеньке нашей приходишься? А как быть с тем, что по состоянию здоровья Рита не могла иметь детей? Надругалась над ней, еще девчонкой, целая свора подонков, вот и испортили ее, как женщину. Молчишь? Тогда я тебе отвечу: не можешь ты быть Сашиным отцом, потому что Сашеньку Рита из дома ребенка взяла, и удочерила. Как врачи ей окончательный приговор подписали, что бесплодна она, так она и взяла себе в дочки Сашулю. Ну, что скажешь теперь?

– А то скажу, что знаю я об этом. – быстро нашелся Владимир Иванович. – Как узнал, что Сашина мама умерла от родов, поехал в тот Дом ребенка забирать девочку, да опоздал: ее уже Рите отдали. Естественно, мне адрес и фамилию удочерившей женщины не сказали – такое правило у них. Спасибо, Рита, сама меня нашла и письмо перед смертью написала. Если не веришь, возьми, прочитай. – Сидоренко достал из кармана пиджака письмо Сашиной мамы. Мария несколько раз перечитала письмо, потом сказала:

– Я за тобой все наблюдала, вижу, что любишь ты Сашу, как родную дочь, и она льнет к тебе, как к родному. Так что за девочку я теперь спокойна. Давай выпьем по последней, да будем отдыхать. А завтра проведем Риту на кладбище.

Утром Владимир Иванович вместе с Марией и Сашей смотрели фотоальбом Риты, выбирая снимок для памятника. Черты лица Сашиной мамы показались Сидоренко очень знакомыми. Он вглядывался в фотоснимки, мучительно вспоминая, где и при каких обстоятельствах он встречал эту женщину, и вспомнил: лет пятнадцать назад она недолго работала в их отделе курьером. Имя ее Владимир Иванович не запомнил, а вот большие печальные глаза на бледном лице врезались в память. Появилась она в их отделе внезапно, так же внезапно исчезла. Говорили, что она вышла замуж и уехала из города. Больше Сидоренко ее не видел, и вот их пути снова пересеклись. «Теперь понятно, откуда она меня знала и почему доверила свою дочь» подумал Владимир Иванович.

Когда на следующий день вечером Сидоренко с Сашей вернулись домой, их ждал сюрприз: ключ от входной двери никак не входил в скважину замка. На звонки в квартире никто не реагировал. Владимир Иванович осмотрел дверь и понял, что

вставлен новый замок. А в почтовом ящике обнаружил листок бумаги, на котором было написано: «Я подала на развод. Твои личные вещи находятся в камере хранения на вокзале. Код камеры одинаков с ее номером и такой же, как день рождения моей мамы, а буква – начальная в моей девичьей фамилии. Остальные вещи разделит между нами суд. Прощай. Твоя бывшая жена Елена».

– Так, значит, ключ наш теперь не годится. Ничего, сейчас мы дверь откроем и без ключа. – Владимир Иванович нажал кнопку звонка соседней квартиры. Дверь отворил сосед, протирая заспанные глаза.

– А, это ты. Чего надо?

– Слушай, будь другом, дай мне инструмент дверь открыть. Жена, видно, ключ сломала, новый замок вставила, а сама сейчас куда-то ушла.

– Да не темни ты! Ничего она не ломала. А новый замок я ей сам ставил по ее просьбе. Выперла она тебя из дома, вот и весь сказ. Не умеешь ты гулять, сосед! Не дам я тебе ничего!

– Ну, уж если инструмент не даешь, может,пустишь нас переночевать. Время позднее, ребенок с дороги, устал. Я тебе заплачу.

– Не нужны мне твои деньги, – ухмыльнулся сосед, – себе дороже выйдет. Говорят, мамаша этой девчонки от СПИДа померла. Может, и в дочке эта зараза сидит. Заразит всех моих еще. – и сосед захлопнул дверь.

Сидоренко глянул на Сашу. Она смотрела на него виноватыми глазами, полными боли, стыда и унижения.

– Ничего, дочка, ничего! Сейчас мы поймем такси и поедим к моему школьному другу. У него и заночуем. А завтра разберемся, что к чему. Ты ведь в жизни своей уже поняла, что люди разные есть. Друг мой – не такой, как этот наш сосед.

Такси они так и не поймали. Ночь коротали в домике сторожа кооператива «Гараж». А утром поехали к школьному другу.

В квартире у друга ремонт был в самом разгаре, поэтому он предложил Сидоренко пожить у него на даче, куда отвез на своей машине. Уложив Сашеньку спать, Владимир Иванович поехал с другом решать назревшие проблемы, главная из которых была удочерение Саши. После консультации у юриста он узнал, что есть два пути в этом деле: один – короткий и легкий, но для него надо было иметь письменное согласие обоих супругов; и другой

– долгий и трудный, через суд с установлением кровного отцовства с помощью генетической экспертизы. Для Сидоренко, конечно, первый вариант был неприемлем. Его Лена не даст согласия на удочерение. Оставался второй путь. Но и он ничего положительного не даст, так как подтвердит, что Владимир Иванович не является кровным отцом девочки. Круг замкнулся.

Потом они поехали в школу, и Сидоренко вызвал Аленку с урока. Когда плачущая дочь прижалась к его груди, Владимир Иванович почувствовал всю тяжесть своей вины перед Аленкой, и сердце его пронзила острая боль. Он гладил светлые волосы дочки и думал: «Все ли правильно он делал в последние дни?». И в памяти возникли глядящие в душу Сашины очи, полные страдания и надежды. – «Нет, поступить иначе он не мог!».

Успокоившись, Алена стала спрашивать о Саше, категорично заявила, что убежит из дома к ним на дачу, чтобы жить вместе. Вдвоем с другом Владимир Иванович еле уговорил Алену не делать этого, подождать до суда, где будет решаться вопрос, с кем вместе ей жить: с мамой или с папой.

Суд состоялся через месяц. Поскольку податели заявлений были связаны семейными узами, слушалось сразу два гражданских дела: «О признании кровным отцом и удочерении Сидоренко Владимиром Ивановичем несовершеннолетней Александры Крыловой» и «О расторжении, брака между Сидоренко Еленой Андреевной и Сидоренко Владимиром Ивановичем».

Судья, строгая пожилая женщина, выяснив присутствие сторон, начала слушание первого дела, надеясь, что оно займет мало времени, поскольку истец, в отличие от многих мужиков, не отрицает своего отцовства и настаивает на удочерении девочки.

– Прошу представителя областного научно-исследовательского института судебной медицины огласить результаты генетической экспертизы о признании кровного родства между Сидоренко Владимиром Ивановичем и Александрой Крыловой. – громко и торжественно сказала судья.

С места поднялась молодая женщина, открыла папку, достала лист бумаги и начала читать.

– Пожалуйста, прочитайте заключительную часть, – перебила ее судья. Женщина запнулась, растерянно глянула в сторону судьи, потом перевела взгляд на передний ряд, где сидели, прижавшись

друг к другу, мужчина и худенькая девочка-подросток. Она увидела их глаза, устремленные на нее, вздрогнула, опустила голову и стала искать в тексте нужную строчку. Пауза затягивалась.

– Ну, что же Вы? – нетерпеливо воскликнула судья.

– Ага, вот нашла, – сказала женщина и бодрым голосом прочитала:

«Проведенная экспертиза показала... – женщина на мгновение замолчала, а затем продолжила, – идентичность всех параметров, на основании чего делается вывод: Сидоренко Владимир Иванович является кровным отцом несовершеннолетней Александры Крыловой».

Ожидая чего угодно, только не этого, Владимир Иванович не сразу понял, что произошло. Он был просто шокирован. И только бурные аплодисменты, поздравления присутствующих и радостные слезы на лице Сашеньки вывели его из шока. Он крепко обнял девочку и поцеловал в щечку. Не поздравлял их только один человек в зале – Лена, растерянная, потерявшая все надежды, она закрыла лицо руками и замерла в кресле.

– Ваша честь, передаю вам документ, – взволнованно сказала представительница НИИ, когда умолкли аплодисменты и радостный шум в зале, и положила перед судьей бумажный лист. Судья взяла бумагу и заглянула в нижнюю часть текста. Сразу бросилась в глаза подчеркнутая строчка и в ней слова: «результат экспертизы отрицательный». Она подняла взгляд на представительницу института и увидела ее огромные молящие очи. Глянула в зал. Оттуда на нее устремились радостно сияющие глаза девочки-подростка и настороженный, полный ожидания взгляд сидящего рядом мужчины.

– Замечательно, – сказала судья, пряча документ в папку, – Тогда суд постановляет: признать Сидоренко Владимира Ивановича кровным отцом Александры Крыловой и выдать соответствующие документы для удочерения. Вы не против? – спросила она у сидящих рядом народных заседателей.

И снова буря аплодисментов рванулась с мест к потолку зала, и когда вновь наступила тишина, отчетливо прозвучал возглас поднявшейся с места Елены:

– Так, значит все-таки кровная дочь! А я еще сомневалась! Какой же ты подлец, Владимир! Ненавижу тебя! Ненавижу! – и она с

рыданьем выбежала из зала.

Судье не сразу удалось восстановить порядок в зале. Когда это произошло, она тем же торжественным голосом объявила:

– Слушание по второму делу о расторжении брака откладывается на неопределенное время, поскольку одна из сторон отсутствует. – И для порядка стукнула своим молоточком.

Прошел месяц. Сидоренко по-прежнему жил с Сашей на даче школьного друга, Саша училась в той же школе, что и Аленка, поэтому они виделись ежедневно. Друг на машине каждый раз подвозил Владимира Ивановича на работу, а Сашу в школу и обратно. По воскресеньям Аленка приезжала на дачу, и это было праздником для всех ее обитателей.

Однажды, возвращаясь из магазина на дачу, Сидоренко столкнулся лицом к лицу с пожилой женщиной, которая показалась ему знакомой.

– Это Вы? – радостно воскликнула женщина. – Что Вы тут делаете?

– Я живу здесь, на этой даче. – ответил Владимир Иванович.

– Вот как! Значит, мы с Вами соседи. Только раньше я Вас что-то не видела. Вы тут всем семейством живете?

– Нет, только с одной дочкой: Сашенькой. – сказал он и вспомнил, кто была эта женщина – судья, которая вела судебное заседание,

– Это с той, которую Вы взяли себе в дочки? – спросила судья, внимательно глядя ему в глаза. – А жена по-прежнему не хочет к Вам вернуться?

Сидоренко утвердительно кивнул головой, И глаза у него стали очень печальными. Это сразу заметила женщина. Она приблизилась к Владимиру Ивановичу и тихо, почти шепотом, спросила:

– А Вы знаете, что было написано в документе о результатах генетической экспертизы?

– Знаю, – так же тихо ответил Владимир Иванович, – «результат отрицательный», потому что я никак не мог быть кровным отцом этой девочки.

– Вы были уверены в этом?

– Лена – единственная женщина, с которой я был близок.

– А все-таки назвали эту чужую Вам девочку своей родной дочерью. Да еще на генетическую экспертизу согласились.

Почему?

– А Вы бы видели глаза этой девчушки, когда она переступила порог моего дома, тогда не задавали бы такой вопрос! Ведь она верила, что, я ее отец, разве мог я выгнать ее из дома, лишиться последней надежды на счастье? А на генетическую экспертизу пошел, чтобы доказать жене, что я ей не изменял, думал, она поймет меня и даст согласие на удочерение Сашеньки. Только мне не понятно положительное заключение генетической экспертизы.

– Эта девушка из НИИ соврала, когда читала документ. Она так же, как и мы с вами видела глаза вашей Сашеньки. Потому и солгала. И молодец, что так сделала, потому что правда документа могла сильно ранить сердечко девочки. А я ее ложь скрыла, закон нарушила, и только во благо этой девчушки, для которой Вы решили стать кровным отцом. Я преклоняюсь перед вашим благородным поступком, и очень рада, что Сашенька с Вами обрела свое счастье. Правда, цена этого счастья для Вас оказалась слишком большой. Но я постараюсь Вам помочь. Вы по-прежнему любите свою жену?

– Да я просто не смогу жить дальше без нее, без дочурки Аленки, без Сашульки, к которой я так привязался, она мне тоже родной стала. Как мне жить теперь, судья?

– Не давайте ни в коем случае жене развода! И увидите – все образуется. Это у нее просто вспышка сильнейшей ревности. Я уверена, что пройдет время и Ваша Лена признает своей дочерью Сашу, вернется к Вам, и заживете вы счастливо, как прежде.

На следующий день судья навестила городскую квартиру Сидоренко.

– Что Вам нужно? – зло спросила Лена, узнав стоящую перед ней женщину. – Мое заявление о разводе с мужем лежит у вас в суде. Что еще?

– Я пришла к Вам не как судья, а как женщина к женщине. – спокойно ответила судья. – Хочу показать Вам одну интересную бумагу, так сказать, информацию к размышлению, как у Штирлица. Читайте и размышляйте, желательно вслух. – И она протянула Лене лист бумаги с напечатанным текстом.

«Результаты генетической экспертизы ...» – начала читать Лена.

– Читайте заключительную часть, в ней вся суть, – сказала судья. И Лена продолжила чтение:

«Проанализировав все параметры, мы установили их не идентичность, и сделали вывод: Сидоренко Владимир Иванович НЕ является кровным отцом несовершеннолетней Александры Крыловой».

– Что-то я ничего не пойму, – воскликнула Лена, окончив чтение документа. – А на суде звучало совсем другое заключение.

– Да, звучало. Это я взяла грех на душу, чтобы не разрушить счастье двух людей, и, прежде всего Саши Крыловой, круглой сироты, не имеющей никого родных в этом мире, чужой всем тринадцатилетней девчужки. Встретился ей на пути благородный человек – Ваш муж – и взял на себя обязанность быть ей любящим отцом. А Вы его не захотели выслушать, не поняли его поступка и теперь пытаетесь разрушить счастье его, своей дочери Алены, девочки Саши, да и свое тоже. Одумайтесь, милая, пока не поздно.

– А Вы не бойтесь, что я донесу на Вас, и Вас строго накажут. – Перебила судью Лена, пряча документ в карман домашнего халата.

– Нет, не боюсь, я себя уже строго наказала: решила, что после моего поступка я больше не имею права работать судьей, и подала в отставку. Но поступить иначе на суде я тоже не могла, я действовала тогда, как человек, как мать, как женщина, в конце концов. Ведь решалась судьба ребенка, потерявшего недавно единственного родного человека – свою мать. Нельзя было лишать девочку и отца. Так что, отдавайте мне документ, и прощайте. Я уйду. Вот адрес, где Вы найдете своего мужа и вторую дочку Сашу. Я надеюсь, что то, о чем Вы сегодня узнали, никто, кроме нас больше знать не будет. Особенно Сашенька.

Судья ушла, и Лена видела в окно, как она присела во дворе на лавочку, достала из сумки злополучное «Заключение» и сожгла его. Потом устало побрела по улице и растворилась в толпе.

С вечера Лена никак не могла уснуть. Она лежала одна в темной комнате и все думала о поступке мужа, той молодой женщины из Областного НИИ, пожилой женщины-судьи. О своем поведении по отношению к этой, неожиданно вошедшей в их семейную жизнь девочке.

«Эта Саша родилась на две недели позже моей Аленки. Значит, ее мама забеременела почти одновременно со мной, – рассуждала Лена, – Но в это время мы с Владимиром проводили свой медовый месяц в Крыму. Поэтому с мамой Саши мой муж встречаться никак не мог. Это подтверждает и генетическая экспертиза. Если бы это был

его ребенок от другой женщины, с которой он встречался до нашей свадьбы, девочка была бы старше. Получается, что Саша ему совершенно чужая. При этой мысли сердце у Лены болезненно сжалось от вины перед мужем. «Как я обидела Володю, не поверила его клятвам, что он никогда не изменял мне, не выслушала его. Какая же я глупая, сама разрушила свою семью. Но почему он так сразу полюбил эту девочку, как свою родную дочь? Наверное, все объяснило бы письмо Сашиной мамы. Но Володя не дал его мне прочитать. Почему?..».

Так без сна Лена провела всю ночь, а когда проснулась Аленка, повела с дочерью откровенный разговор, как со взрослым человеком. И они поняли друг друга, и простили. И решили вместе немедленно исправлять ошибку.

В дачный поселок они добрались только к середине дня... В воскресенье осенние холода не дали Владимиру Ивановичу и Саше долго нежиться в постелях. Дачный домик отапливался только электрокамином, а он, как назло, накануне вечером перегорел. Сидоренко занялся ремонтом камина, а Саша принялась готовить обед и «мучила» отца трудными вопросами:

– Папа, а ты меня очень любишь? Так же, как и Аленку?

– А ты как думаешь?

– Не думаю, а вижу, что сильно-сильно. А маму мою ты очень любил?

– Я влюбился в нее с первого взгляда!

– А почему ты не женился на ней?

– Не успел, мы встретились с ней в нашем городе, а потом она вдруг уехала неизвестно куда.

– Папка, а почему Аленка так похожа на тебя, а я – ни капельки?

– Саша глядела прямо в душу Сидоренко.

– Это капризы природы, – уверенно сказал Владимир Иванович. – Наверно в тебе повторились черты какого-то далекого предка. Ведь ты и на маму свою совсем не похожа.

– Папа, а маму Аленки ты тоже очень любишь?

Их диалог был прерван стуком в калитку забора.

– Сашуль, открой, это, наверное, дядя Максим приехал. – Владимир Иванович обрадовался возможности смены направленности его трудного разговора с дочкой.

Саша выпорхнула из дома, распахнула калитку ...

Перед ней стояла мама Аленки.

– Сашенька, доченька, прости меня глупую за все зло, что я тебе причинила! – Лена опустилась перед девочкой на колени и заплакала.

– Ну, что вы? Встаньте! Не надо! – Саша попятилась и позвала:

– Папа, папка!

– Что там случилось? – взволнованно крикнул Владимир Иванович, выбегая из дома.

– Там... Там... мама... приехала, – заикаясь от волнения, воскликнула Саша, и Сидоренко увидел Лену, стоящую перед дочкой на коленях.

Медленно, еще не веря, он подошел к жене, поднял ее с колен. Она прижалась к нему, и он увидел в ней прежнюю Лену – любимую, родную, дорогую ему женщину. И в тот же миг из стоящего поодаль такси выпрыгнула Аленка и с криком: «Папка, папулька, мой родненький!» бросилась к Владимиру Ивановичу, обхватила руками за шею и повисла на нем, целуя без конца.

Вдруг в раскрытой двери дома сверкнула молния, раздался треск и повалил дым.

– Камин! Опять сгорел! – закричал Сидоренко, и все кинулись в дом. Когда опасность пожара была ликвидирована, они глянули друг на друга и расхохотались. Больше всех радовалась Саша: «Вот это салют был! Вот это салют! В честь вашего приезда к нам». – Танцуя, восклицала, она.

– Ну, вот, мы снова все вместе, – сказала Лена, обнимая мужа и девочек. Хватит нам тут мерзнуть, поехали домой. Сегодня вечером у нас будет праздник. Мы с девочками приготовим такой ужин, что пальчики оближешь. Да и таксист нас уже заждался.

И, подтверждая это, с улицы донесся многократно повторенный звук автомобильного сигнала.

АБОНЕНТ НОМЕР СЕМЬ

(рассказ)

Вечер, посвященный презентации новой книги писателя Свиридова, подходил к концу. Окончив чтение, Алексей Иванович, когда стихли аплодисменты, обратился к собравшимся с традиционной фразой:

– Может быть, у кого-то возникли вопросы? Или кто желает выступить? Не стесняйтесь.

– У меня вопрос, – раздался из зала звонкий девичий голос, – Вот в рассказе, который Вы нам читали, говорится о крепкой дружбе между двумя мужчинами. А может быть настоящая дружба, а не какая там любовь, между мужчиной и женщиной?

Зал сразу зашумел, возникла полемика, мнения разделились.

Алексей Иванович подождал, пока стихли споры, а потом сказал:

– В одной из песен моего времени есть такие слова: «За хорошей дружбою прячется любовь». Разве можно дружить и не любить своего друга? Да и настоящая любовь невозможна без дружеских отношений.

А дружба между юношей и девушкой, между мужчиной и женщиной во многих случаях перерастает в любовь, как правило, неразделенную, платоническую. Я мог бы привести множество классических примеров настоящей дружбы между мужчиной и женщиной. Но лучше я прочитаю вам еще один рассказ из моей новой книги. Он как раз на эту тему. Называется рассказ «Абонент номер семь», в нем многое из моей биографии.

Зал одобрительно загудел, и Свиридов начал читать.

...Просматривая после ужина очередную почту, я обнаружил в местной газете новую рубрику: «Служба знакомств».

– Интересно, интересно, – сказал я сам себе, – что там придумали мои городские коллеги? – Ага, это всего лишь объявления о поиске потенциальных женихов и невест. /Я опять поймал себя на мысли, что с возрастом у меня появилась привычка разговаривать с самим собой. Как говорил мой редактор, это называется «люблю побеседовать с умным человеком»/.

– Нет, какая реклама! Вы только посмотрите! – восклицал я, читая одно объявление за другим. «Симпатичная брюнетка 37 лет ищет интересного, умного, одухотворенного мужчину не старше 40 лет и не без чувства юмора. Рост, объем груди и талия – на уровне

стандартов Голливуда».

А вот еще... Ха! И мужики туда же: «Мужчина 40 лет без вредных привычек познакомится с симпатичной, стройной, независимой женщиной для серьезных отношений». Молодец, что для серьезных!

Среди десятка подобных объявлений, пронумерованных редакцией, выделялось одно, самое скромное: «Женщина 40 лет познакомится с приятным мужчиной для дружеских отношений. Адрес в редакции. Абонент № 7».

Не знаю, почему, но у меня защемило сердце. Так захотелось, чтобы эта женщина нашла себе достойного друга.

И теперь каждый день, просматривая газеты, первой я брал местный «Вестник» и на последней странице искал объявление с подписью «Абонент №7». Если объявления не будет, – думал я, – значит, она нашла, кого искала. Но проходили недели, а призыв «Абонента №7» все повторялся и повторялся. И тогда у меня возникла идея: пригласить «Абонента №7» на свой творческий вечер, который состоится в городском Дворце культуры через неделю. И в редакцию полетело мое официальное приглашение.

Все дни перед моим бенефисом я постоянно думал: «Придет она или не придет? И как я ее узнаю среди массы поклонников моего творчества?» И когда я вышел на сцену, пока звучали аплодисменты, я вглядывался в лица сорокалетних, на мой взгляд, женщин, пытаюсь угадать ее. Но, увы.

Потом я читал стихи и небольшой рассказ из своей первой книги, отвечал на вопросы о своем творчестве, принимал многочисленные букеты цветов.

Вечер окончился. Люди начали расходиться. Я стал собирать разложенные на столе книги и рукописи, как вдруг заметил в последнем ряду сидящую женщину. «Она!» – мелькнула мысль, и в тот же миг женщина поднялась с кресла и решительно направилась в мою сторону. Подойдя ко мне, она застенчиво опустила глаза и робко спросила:

– Это Вы пригласили меня на свой творческий вечер?

– А Вы, – «Абонент номер семь»? – в свою очередь задал вопрос я. Женщина молча кивнула головой, и лицо ее стало похожим на закатное солнце, посылающее свои прощальные лучи через нежную пелену тумана.

– Да, это я пригласил Вас на свой бенефис, – сказал я, не

отрывая любопытного взгляда от лица незнакомки.

– Ну, зачем Вы это сделали? – женщина задала этот вопрос то ли с упреком, то ли с сожалением.

– Вам не понравилось здесь? — в моем голосе проскользнули нотки возмущения.

– Ну, что Вы, – спохватилась незнакомка, – Как может такое не нравиться?! А все же?

«Действительно, и зачем я ее пригласил? – подумал я, – Из жалости, что-ли?» А женщине ответил:

– Когда я много раз видел в местной газете Ваше объявление, я подумал, что между нами могли бы возникнуть дружеские отношения. Вот и пригласил для знакомства.

– А Вы верите, что между мужчиной и женщиной может быть бескорыстная дружба? – с иронией воскликнула незнакомка.

– А Вы считаете, что между ними могут быть только сексуальные отношения? – с возмущением спросил я, – тогда мне Вас просто жаль.

Мы замолчали, погружившись каждый в свои мысли. В моей памяти возник образ девочки Люси, с которой я подружился еще в школьные годы, и наша дружба продолжается не один десяток лет. В нее влюбился мой друг, но замуж она вышла за другого. А я ее люблю, как сестру, мы даже в письмах называем друг друга братом и сестрой. И дружим втроем.

Я глянул на женщину: она стояла, опустив глаза, и, видно, тоже что-то вспоминала. «Симпатичная, – отметил я, – даже красивая. Рост средний, фигурка – что надо! И одета со вкусом. А вот замуж не вышла, или муж ушел к другой. Устала от одиночества, и теперь ищет «приятного мужчину», чтобы ощутить, что ты кому-то нужна.

Пауза затягивалась, я решил прервать ее:

– Ну, так как насчет моего предложения?

– Не знаю, не знаю... – еле слышно выдохнула женщина. – Я подумаю.

– Тогда думайте сегодня. А завтра давайте встретимся после работы где-нибудь в парке для продолжения знакомства.

– Лучше в кафе, – воскликнула незнакомка, – в том, что на бульваре Пушкина. Я люблю там бывать.

– Вот и договорились. Вас проводить?

– Нет, нет, – в глазах женщины промелькнул испуг. – Я прекрасно доберусь сама, мне здесь не далеко.

– Тогда до встречи завтра в восемнадцать часов.

Она пришла без опоздания, что меня сильно удавило. Обычно женщины считают опоздание атрибутом всех свиданий и встреч. Букет роз, который я ей вручил, сильно взволновал ее. Видно не часто дарили ей цветы. Мы разместились за столиком друг против друга и начали беседу.

– Давайте для начала познакомимся. – сказал я, глядя в ее глаза.

– Обо мне Вы уже многое знаете – слышали на вечере. К этому добавлю, что до работы журналистом был геологом, много колесил по свету, поэтому так и не женился. Друзей среди женщин у меня нет. Как звать меня – Вы тоже знаете. Теперь Ваша очередь рассказать о себе.

– Зовут меня Викторией, отчество не обязательно. Просто Вика. Работаю инженером в строительной фирме. Не замужем, так получилось, друзей среди мужчин не имею, вы – первый, кто предложил мне дружбу. Подруг у меня тоже нет. – в тон мне исповедовалась она.

– Знаете, – я взял ее за руку, – чтобы дружба наша была крепкой, мы должны перейти на «ты». А для этого надо выпить «на брудершафт». Знаете, как это делается?

– Видела в кино. Только давайте без поцелуев.

– Как скажете, – сказал я, наливая вино. – Ну вот, теперь нам будет проще общаться.

Оркестр начал играть.

– Потанцуем? – предложил я, поднимаясь из-за столика. Вика удивленно глянула на меня и кивнула головой.

Танцор из меня был никудышный, да к тому же я не танцевал целую вечность. И оркестр играл мелодию современного молодежного танца. В мыслях я уже проклинал себя за такую безумную храбрость. Но тут музыка смолкла, и через мгновение оркестр заиграл мелодию старого любимого вальса. Как оказалось специально для нас. Мы с Викторией были единственной танцующей парой, солирующие в кругу молодых людей. И когда мы окончили танцевать, нас одарили бурными аплодисментами. Потом Вику стали приглашать на танец молодые мужчины, и она каждый раз глазами спрашивала у меня разрешение. Раскрасневшаяся, с радостно сияющими глазами она была такой счастливой, что я подумал: «Нет, не зря я пригласил ее тогда на свой творческий вечер». Потому что делать счастливыми других – было моим хобби». Потом мы

ежедневно перезванивались по телефону, желая друг другу доброго утра и спокойной ночи. А по субботам и воскресеньям встречались на «нейтральной территории», гуляли в парке или просто по городу, ходили в кино или в театр, на различные выставки в музеях. Прохожие, наверное, считали нас влюбленной парочкой, хотя разница в возрасте у нас была заметной. А мы просто дружили, раскрывая друг другу свой внутренний мир и обогащая его. И нам было хорошо вдвоем.

С приходом зимних холодов наши встречи осложнились. В кафе, музеях и театре в наш мир постоянно вторгались посетители, а это нас тяготило. Наши встречи стали не регулярными и скучными, мне пришлось долго уговаривать Вику встречаться у меня дома. Наконец она согласилась. К этой встрече я готовился, как к большому празднику. Виктория пришла, как всегда, без опоздания. Но была какой-то скованной, молчаливой. Отказалась от шампанского и чаю при свечах, и только, когда я стал показывать ей свою коллекцию минералов, рассказывая историю каждого камня, глаза Вики вновь засияли радостным светом. Она, как и я, любила все красивое.

Впоследствии мы стали регулярно встречаться у меня. Я рассказывал ей о своих экспедициях, показывал многочисленные фотографии горных пейзажей, читал стихи – свои и любимых поэтов. Виктория, забравшись с ногами на диван и укрывшись пледом, смотрела, слушала, сожалея о том, что ей не довелось увидеть все это воочию. И у меня возникла идея летом съездить с ней в горы.

Как-то Вика призналась, что немного рисует, в основном, пейзажи. И я изъявил желание увидеть ее рисунки, стал набиваться к ней в гости. Виктория долго раздумывала, а потом все-таки пригласила меня к себе. Она встретила меня в великолепном вечернем платье, с удивительной прической и радостным блеском глаз, мои цветы и шампанское были приняты с восторгом. После чаепития, Вика стала показывать мне свои акварели. Это были маленькие шедевры. Они наполнили грудь каким-то особым чувством, какое приходит к человеку при посещении христианского храма. И вдруг Виктория начала читать стихи, дополняющие чувства, вызванные рисунками. Несомненно, это были ее стихи, и когда она кончила чтение, я шагнул к ней, взял за руки и пролепетал: – Вика, Вика, ты даже не знаешь, какая ты!.. Я не находил слов, чтобы выразить свой восторг. И тогда я поцеловал ее в щечку.

О, Вы бы видели ее глаза в этот момент! Они, как молнии, сверкали гневом.

– Алексей Иванович! Никогда больше так не делайте! Поклянитесь, что это в первый и последний раз!

Я, конечно, поклялся, хотя не был уверен, что смогу сдержать свою клятву, потому что почувствовал, как дорога стала мне эта женщина. Виктория дулась на меня еще целую неделю, а потом сменила гнев на милость. Мы продолжали встречаться, поддерживая дружеские отношения. Только одно смущало меня: она по-прежнему называла меня на «Вы» или по имени-отчеству. Наверное, называть меня на «ты» ей не давало то обстоятельство, что я был старше почти на два десятилетия.

В июле я взял двухнедельный отпуск, Вика тоже была в отпуске, и мы отправились с ней в горы Крыма. Виктория долго не решалась ехать со мной, ее смущало, что мы будем находиться вдвоем в одной палатке. Тогда я рассказал ей, что горцы в такой ситуации кладут между мужчиной и женщиной кинжал, переступить через который – считается тяжким моральным преступлением. Потом показал ей подаренный грузинским другом кинжал, и она согласилась.

Крымские пейзажи привели Викторцию в неопикуемый восторг, я водил ее по своим, любимым местам: мы встречали восход солнца на вершине Ай-Петри, любовались причудливыми скальными скульптурами Долины привидений в районе вершины Демерджи, поднимались на Чатыр-Даг и Роман-Кош, прошли от начала до верховьев знаменитый Большой каньон Крыма – 300-метровой глубины щель, пропиленную речушкой в известняковых породах, стены которой в верхней части отстоят друг от друга чуть более ширины плеч. На последние дни я оставил посещение бухт Нового света и потухшего крымского вулкана Карадага. Вика все рисовала, рисовала, бурно выражая свои эмоции.

Последнюю ночь я решил провести в одной из бухточек Кара-Дага, где ночевал когда-то с любимой девушкой много лет назад. Мы поставили палатку почти рядом с прибойной полосой, и волны подкатывались к самому входу. Было очень жарко, и море звало в свою голубую прохладу. Вика наконец-то изъявила желание искупаться, чего не позволяла себе на протяжении всего похода. Она юркнула в палатку и через несколько минут появилась передо мной в купальнике, купленном уже здесь в Крыму, так на всякий случай:

она смущенно улыбалась и не находила места рукам. Такой красивой я ее еще не видел, и, конечно же, не смог оторвать от нее восхищенного взгляда.

– Что Вы так на меня смотрите? – слегка заикаясь от волнения, спросила она. – Что, купальник слишком не скромнен?

– Красивая ты! Любуюсь! К тому же во мне еще не умер мужчина.

– Да-а? – вопросительно воскликнула она. – Тогда я поспешу в море.

И она с разбегу врезалась в пену прибоя и поплыла к выходу из бухточки. Она не позвала меня за собой, и я остался на берегу, наблюдая, как она играет с волнами, Вика пробыла в море около часа, а потом вернулась на берег. Выйдя из воды, она остановилась, отжимая волосы. Мокрый купальник превратил ее в прекрасное изваяние древнегреческой богини Венеры. И опять мой взгляд смутил ее. Она спешно пробежала мимо, подхватив из палатки свое платье, и не переодеваясь, натянула свое платье поверх мокрого купальника и торопливо начала подниматься по склону вверх. Я не стал ее останавливать.

Появилась она, когда уже совсем стемнело. От ужина отказалась, сразу же завернулась в одеяло с головой и затихла. Я тоже приготовился спать. Как и прежде, положил между нами кинжал и отвернулся к стенке палатки. Но сон не шел. Не спала и Вика: ее выдавало дыхание. Внезапно она спросила:

– Вы спите? Нет? Вы что-то там недавно говорили, что в Вас не умер еще мужчина? Это так?

– Да, я это чувствую, – сказал я, поворачиваясь лицом к ней.

– Тогда идите ко мне... Идите же... Да уберите этот дурацкий кинжал!..

Утром Вика сказала:

– Ну вот, и кончилась наша дружба.

– Почему же? – с удивлением воскликнул я.

– А разве после вчерашнего мы сможем по-прежнему дружить?

– Но ведь за хорошей дружбою прячется любовь! Так в песне поется. А я полюбил тебя. Я тебя очень люблю, слышишь! А ты?

– Совсем недавно Вы клялись мне в дружбе, а теперь клянетесь в любви. Я Вам не верю, Алексей Иванович, вчера мы с Вами доказали, что между мужчиной и женщиной не может быть только дружба. Разве не так? – И она с плачем выскользнула из палатки.

В тот же день мы уехали домой... На вокзале она протянула мне руку:

– Что ж, прощайте. Спасибо Вам за компанию, за горы и море, за все.

– Я Вам как-нибудь позвоню.

Но проходили дни, недели, а она не звонила. И на мои звонки ее телефон молчал. А сходить к ней домой я как-то не решался. Через два месяца она разыскала меня на работе. По ее лицу я понял, что у нее случилась беда.

– Вот, пришла к Вам попрощаться. Я уезжаю, насовсем. Один человек, который очень давно предлагал мне руку и сердце, тяжело болен. Он одинок и нуждается в помощи. Я еду к нему.

Потрясенный услышанным, я не сразу понял, что вижу Вику в последний раз.

– Вика, родная, любимая, я тебя никогда не забуду. Я напишу рассказ о нашей дружбе, о моей любви, и помещу его в своей новой книге. Я верю, что ты приедешь на презентацию этой книги, и мы снова будем вместе, потому что мы не сможем теперь жить друг без друга. Ты обязательно приедешь. Я буду ждать.

Виктория протянула мне руку:

– Прощайте, Алексей Иванович. Не поминайте лихом.

И она ушла, уехала, исчезла из моей жизни, оставив прекрасные воспоминания о незабываемых днях, нашей дружбы. И на презентацию моей новой книги она так и не приехала...

– Благодарю вас за внимание. – Свиридов поклонился сидящим в зале и стал прятать рукописи и книгу в портфель. Зал молчал, переживая услышанное. И вдруг тишину взорвал возглас:

– А вот и неправда! В концовку Вашего рассказа вкралась неточность!

Алексей Иванович поднял взгляд и увидел женщину, торопливо идущую к сцене по проходу между рядами кресел. Он узнал ее сразу:

– Вика, ты? Ты приехала? Какое счастье!

Они бросились навстречу друг другу и замерли, крепко обнявшись. И тогда зал громыхнул бурей аплодисментов. Но Свиридов их не слышал: рядом с ним стояла любимая женщина и шептала ему на ухо:

– Прости, я не стала тебя тревожить. Я с самого начала была здесь, в зале, и слышала все твое выступление. Спасибо тебе за

рассказ о нас. Ты сдержал свое слово. Но теперь твой рассказ придется переписать. Не весь, а только заключительную часть. И книгу переиздать в новой редакции. Ты согласен?

В ответ Алексей Иванович только крепче обнял любимую женщину и хотел подарить ей долгий поцелуй, но она остановила его:

– Целоваться мы будем позже, Алеша, в твоём доме. А сейчас пойдем, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Виктория взяла изумленного Свиридова за руку и повела в конец зала, где в проходе у крайнего кресла последнего ряда спала в коляске очаровательная малышка, как две капли воды, похожая на Алексея Ивановича.

НАЗВАЛ ТЕБЯ ВНУЧКОЙ

(повесть)

Когда я встречаю знакомых или друзей, которых давно не видел, между нами происходит такой диалог:

– Как живешь?

– Хорошо, – отвечаю я.

– Дети есть?

– Да, дочка, взрослая уже.

– А внуки?

– А как же: внучка!

– Внучка – это хорошо, – говорят они. – А сколько ей лет?

– Невеста! – с гордостью отвечаю я, и достаю из левого кармана пиджака потертый бумажник, в котором, кроме мелких денег, и пенсионного удостоверения, хранится самая большая драгоценность: фотоснимок моей Юльки.

– Какая красивая девочка! – восклицают они, рассматривая фотокарточку, – И так похожа на тебя!

– А иначе и быть не может! – с пафосом говорю я, – ведь она моя внучка. И, кажется, они мне немного завидуют.

А еще совсем недавно такой диалог был бы невозможен. Дочка моя уже третьего мужа поменяла, но ни внука, ни внучки мне так и не подарила.

И наверняка уже не подарит. И я никогда не стал бы дедом, если бы не случайная встреча с Юлькой...

Я возвращался из поездки к дочке и коротал время на небольшом вокзале, ожидая прихода ночной электрички. Народа в зале было немного, в основном, пенсионеры, дремлющие в деревянных креслах. Рядом со мной размещалась крупногабаритная старуха, владелица массивной сумки, поставленной на переделанную под тачку детскую коляску. А напротив сладко посапывал во сне небольшого роста мальчишка, одетый в грязную, многократно залатанную рубашку, на которой была оторваны все пуговицы, кроме верхней и нижней, и в спортивные брючки, давно потерявшие свой цвет и усеянные мелкими дырочками. Надвинутая почти на глаза кепка, из-под которой выглядывали длинные, давно не мытые космы, скрывала лицо подростка. Видимо почувствовав мой взгляд, мальчишка застонал во сне и повернулся на спину. Верхняя пуговица на его рубашке расстегнулась, и я увидел, что ошибался: подросток оказался девочкой. Наверняка она была одной из тех бродяжек, каких немало появилось в нашей сегодняшней жизни.

Моя массивная соседка вдруг решила покрепиться. Она достала из сумки целый круг домашней колбасы и хлебный батон и с наслаждением принялась за еду, запивая напитком из бутылки.

Вкусный аромат домашней колбасы разбудил бродяжку. Она вскочила, испуганно озираясь, долго не могла справиться с расстегнутой пуговицей, затем привалилась к спинке кресла и устремила свой взгляд на колбасу. Я глянул в ее глаза и ужаснулся. Это были глазища слабого, голодного звереныша, в которых застыли мольба и ненависть, страх и отчаяние. Девочка вся сжалась в упругий комок и была готова наброситься на старуху, вырвать из ее рук эту дразнящую колбасу, и рвать, рвать ее зубами, утоляя голод. Но старуха этого не видела, и продолжала наслаждаться едой.

– Пойдем, покушаем, – сказал я, поднявшись, тронув бродяжку за плечо. – Пойдем, я тебя угощаю.

Девочка повернула ко мне лицо, и в ее красивых глазах я увидел такой ужас, что мне стало не по себе.

– Отвали! – бродяжка сбросила мою руку с плеча и отпрянула в сторону.

– Пойдем в буфет, перекусим. Я тебя угощаю. – повторил я.

– Ты зовешь меня похавать? – девочка нерешительно поднялась и некоторое время стояла, сверля меня изучающим взглядом. Затем с обреченным видом медленно поплелась за мной. Я взял ей бутерброд с сыром и стакан горячего чая. Бутерброд она проглотила мгновенно.

Я взял ей еще один, она расправилась с ним так же быстро, и во взгляде ее я увидел мольбу.

– Нет, больше тебе нельзя. Потом я тебя еще покормлю, – сказал я и купил пачку печенья.

– Я усекла, – опустив глаза, тихо сказала девочка. – Тогда пойдем. – Куда пойдем? – удивленно спросил я.

– Ну, не здесь же мы будем... – бродяжка с изумлением уставилась на меня. – Пойдем на улицу, что ли.

До меня не сразу дошел смысл ее слов, мы вышли из здания вокзала, сели на лавочку под деревьям. Июньская ночь была еще прохладной, и моя спутница вскоре начала дрожать от холода.

– Ну, что, мы так и будем здесь сидеть? – с досадой вымолвила бродяжка. – Я тебе, что совсем не нравлюсь? Посмотри, какая я!

Она вскочила с лавочки, торопливо расстегнула обе пуговицы на рубашке и, распахнув полы, повернулась ко мне лицом. Я не успел ничего сказать, как она запахнула обе половинки рубашки и устремила на меня пронзительный взгляд:

– Ну, как, приглянулась я тебе?

– Не успел разглядеть, – сказал я со злостью. – Пойдем в помещение, а то здесь совсем замерзнем.

Девочка покорно пошла за мной, опустив голову. Только теперь мне стал понятен смысл ее слов и действий. И щемящая боль заполнила мою душу и сердце.

– Тебе сколько лет? – спросил я бродяжку, когда мы сели рядом на скамью в зале ожидания.

– Ну ты даешь! Кто же у женщин спрашивает об этом? – с вызовом воскликнула она,

– А ты разве женщина? – спросил я с иронией.

– Нет еще... Еще нет... – прошептала девочка, опустив глаза. – Поэтому учти, я ценюсь дороже.

Я пропустил мимо ушей ее последние слова. – Ну, да ладно, можешь не говорить. А звать то тебя как?

– Меня зовут Юлькой, – она помолчала, а затем продолжила: – Зимой мне пятнадцать будет.

– А что, Юля, у тебя родных никого нет?

– Никого. – девочка прислонилась к спинке скамейки и закрыла глаза.

В зал вошла шумная ватага великовозрастных девиц. Одна из них, заметив Юльку, подошла к нам.

– Ну, что, Юлька, скоро долги отдавать начнешь? – девица ударила девочку по плечу.

– Не мешай! Видишь, я работаю! – со злостью крикнула Юлька.

– Работаешь? Ну, ну, работай. – девица критически осмотрела меня. – Только помни: долги отдавать надо, и чем скорее, тем лучше для тебя.

– Я помню, хорошо помню! – крикнула Юля вслед уходящей ватаге. Потом повернулась ко мне:

– Ну, пойдём, что ли. Я хоть с тобой рассчитаюсь за то, что ты мне похавать давал.

– Ты что, чокнулась? – с возмущением воскликнул я. – Никуда я с тобой не пойду. Скоро моя электричка. И вообще, отстань от меня. Ты мне ничего не должна.

– Я к тебе не приставала! – со слезами в голосе крикнула Юлька. – Это ты первым ко мне приклеился, А теперь сматываешься... И девочка горько заплакала.

– Ну, ладно, не обижайся, Юленька. – я нежно обнял ее за плечи. – Хочешь, поедём вместе. – еще не осознанное решение уже созревало в моей душе.

– А куда ты едешь? – Юля перестала плакать и с интересом посмотрела на меня. Я назвал ей свой городок.

– Это недалеко, они смогут там найти меня. – тихо сказала девочка и задумалась.

– А что, ты им много задолжала? – спросил я.

– Так много, что за век не рассчитаться. А не отдам долг, они меня убьют. – голос Юльки задрожал, и она отвернулась.

– Так поехали со мной! – воскликнул я, уже приняв решение.

– А кем я там буду? – повернулась ко мне Юлька, – любовницей, что ли?

– Ну, какая из тебя любовница! – усмехнулся я.

– Ты прав, – с горечью прошептала девочка, – телом я не вышла. Но ты еще не знаешь, какая я сладкая.

– Как конфетка? – спросил я с улыбкой.

– Слаще! Ты дай мне похавать еще раз, а потом делай со мной, что хочешь.

– Тогда поехали ко мне, дуреха ты моя. А там решим, кем ты для меня будешь.

– Нет, ты смотри, что делает старый хрыч! – воскликнула вдруг сидящая неподалеку женщина. – И не совестно? Ведь она соевем еще

ребенок! Надо бы вызвать милицию.

Юлька со страхом посмотрела на женщину. В это время по радио объявили о приходе нашей электрички, и мы вдвоем побежали на перрон.

Домой мы добрались на рассвете. Юлька в нерешительности остановилась у дверей моей маленькой квартиры:

– А ты не боишься, что я обчищу твою хазу?

– Ну что ты, Юленька? Проходи, это теперь твой дом. – Я взял девочку за руку, ввел в комнату. – Сейчас я тебе ванну приготовлю, и пока та будешь мыться, я завтрак сооружу. А потом будем отсыпаться, ведь всю ночь не спали.

– А где мы будем спать? – слегка заикаясь, робко спросила Юлька.

– Ты – на моем диване, а я на полу.

– Я буду спать одна на диване? Это правда? – в голосе девочки звучала радость, а взгляд выражал недоверие.

– Конечно, правда. Иди купайся, а я займусь завтраком. – сказал я и ушел на кухню.

Юля долго плескалась в ванне, смывая многомесячную грязь, и когда она вышла из ванной комнаты, ее было прямо не узнать: от прежней бродяжки не осталось и следа.

– Юленька, какая ты красивая! Ты самая прекрасная девочка на свете! – воскликнул я, глядя на ее розовое личико с большими темными глазами в рамке из светлых вьющихся волос.

– Ну, да, особенно в этом тряпье! – с иронией сказала девочка. – Прямо Королева помойной ямы! Так что хватит брехать! Ты, что, снова клеишься ко мне?

И тут я только увидел, что Юлька после купания вновь одела свои грязные рубашку и брюки.

– Ой, Юленька, прости меня, я совсем забыл, что приготовил тебе кое-что из своей одежды. Мы позже купим тебе все необходимое, а пока оденься в мои футболку и тренировочные брюки.

После купания и сытного завтрака девочку сморил сон, и она заснула прямо за столом. Я уложил Юльку на диван, а сам пошел в магазин и приобрел для нее девичий спортивный костюм и кеды.

Юлька проспала до самого вечера, но окончательно не выспалась. Когда после ужина мы смотрели телевизор, она постоянно «клевала носом». Я несколько раз предлагал ей лечь спать, и каждый раз она отвергала мое предложение. И я понял: девочка боится меня и просто

тянет время. Тогда я достал из кладовки свой старый спальный мешок, расстелил его у книжного шкафа на полу и сказал:

– Ты можешь смотреть телек хоть до утра, а я ложусь спать. Спокойной ночи! Не забудь только выключить телевизор.

Я лег, и Юлька тут же выключила телевизор и юркнула под одеяло на диване. Я уже начал засыпать, как вдруг почувствовал, что кто-то стоит надо мной. Это была Юлька.

– Тебе что-то надо? – спросил я девочку.

– Нет, нет, – испуганно сказала она, и бегом бросилась к дивану.

В комнате стоял полумрак. Мерно тикал будильник на столе. Я чувствовал, что Юля не спит, да и у меня сон пропал.

– Слушай, старик, почему ты меня закадрил? Ну зачем я тебе нужна? – нарушила тишину Юлька. Я промолчал, делая вид, что сплю. Действительно, зачем мне нужна эта бродяжка? Я и сам этого не знал.

– Я знаю, ты не спишь. Ты что, влюбился в меня? – вновь спросила Юля.

Я снова промолчал.

– Если влюбился, то ты должен заниматься со мной любовью. А ты этого не делаешь. Почему?

– Любовью занимаются с любовницами, – ответил я, – А я тебя полюбил, как родненькую внучку. Поняла? Теперь спи, и пусть тебя больше ничто не волнует.

В ответ на мое признание Юлька вдруг горько заплакала, я подхватился сел рядом на диване:

– Ты, что, Юленька? Что с тобой? – я ласково погладил девочку по голове.

– Ты... назвал меня... родненькой... – сквозь рыдания выдавливала слова Юлька, – меня так никто еще не называл...

Девочка успокоилась. Я наклонился над ней, поцеловал в щечку и сказал:

– А теперь постарайся заснуть. Спокойного тебе сна!

– Еще! – взволновано вдруг сказала Юлька. – Еще!

– Что «еще»? – не понял я.

– Поцелуй меня еще. Ты первый, кто целует меня перед сном. – и девочка снова заплакала. Я несколько раз поцеловал ее в щечку и в ушко, как давным-давно целовала меня перед сном мама. Юлька схватила мою руку, поднесла к лицу и затихла. Я никак не реагировал на это, понимая, что так девочка выражает свои чувства

благодарности.

Утром я Юльку не узнал: лицо ее просто сияло от счастья. Весело напевая, она возилась на кухне, готовя завтрак, потом так же весело она мыла полы, убирала в квартире, не давая мне ничего делать по хозяйству. Потом мы пошли с ней в магазин, вызывая раздражение продавцов, долго выбирали все, что необходимо девочке в 15 лет.

Перед вечером мы вышли с Юлей прогуляться. Девочка одела красивое платье, что мы купили, сделала себе удивительную прическу, распустив волосы по плечам, и я опять не мог оторвать от нее восхищенных глаз.

– Это что же за красавица появилась у нас в доме? – воскликнули хором сидящие у подъезда соседки, увидев Юльку.

– Это моя внучка, – с гордостью ответил я. – Вот, приехала ко мне.

– Пойдем, деда! – Юлька, счастливо улыбаясь, взяла меня за руку, и мы пошли по улице, провожаемые, как мне показалось, завистливыми взглядами соседок.

И начались для меня и Юльки самые счастливые дни.

Вечерние прогулки стали у нас традиционными. Мы любовались закатами и ночными звездами, просто сидели на лавочке в городском сквере, вдыхая аромат цветов и деревьев. И я рассказывал Юльке обо всем, что знал и любил в окружающем мире. А днем мы учились читать и говорить нормальные человеческие слова вместо жаргонных, занимались по программе младших классов письмом и математикой. В знаниях у девочки были большие пробелы.

Иногда мы ходили в детский городок на качели. Юлька с упоением могла качаться бесконечно, визжа от удовольствия, когда доска качели взлетала с ней высоко в поднебесье. А я смотрел на счастливую Юльку и думал, что было бы с девочкой, если б мы случайно не встретились на ночном вокзале. И мне становилась не по себе от этих мыслей.

Как-то я захотел сфотографировать Юльку, но она запротестовала:

– Не надо, деда! Я такая некрасивая, снимай лучше что-нибудь покрасивей.

– Ну, что ты, Юля. Ты у меня очень красивая девочка, поверь мне.

– Красивая? Ты, деда из любви ко мне так говоришь. А на самом деле... голос ее задрожал, и она отвернулась, смахивая слезы.

– Знаешь, Юленька, жил на Земле самый добрый человек – писатель Андерсен. Он писал сказки, полные доброты и любви. И есть у него одна сказка, как раз для тебя, про гадкого утенка. Ты помнишь, что случилось с ним?

– Я не читала эту сказку, – тихо сказала девочка, – я вообще раньше ничего не читала, только у тебя полюбила книги.

– Тогда сегодня вечером я прочитаю тебе эту сказку.

История гадкого утенка, превратившегося в красавца-лебедя, произвела сильное впечатление на Юльку. Она взяла меня за руки, заглянула в глаза:

– А я тоже стану красивым лебедем?

– Несомненно, – убежденно сказал я, – только нужно немного подождать, пока ты повзрослеешь.

Прошел месяц, и у меня на глазах сказка Андерсена воплощалась в жизнь. За этот месяц Юлька сильно внешне изменилась: подросла, похорошела. С каждым днем она расцветала все больше и больше, превращаясь из угловатого, колючего подростка в милую, прекрасную девушку. Это заметили и мои соседки: однажды, когда мы вдвоем с Юлей проходили мимо них, вслед нам прозвучала такая фраза: «Гляди, как расцвела девчонка за это время. Что значит дедова любовь!» А другая женщина добавила: «Да и дед сам так изменился, помолодел лет на десять. А счастливый какой! Что значит иметь внучку!»

И я чувствовал, как правы были эти женщины.

Но ничто не вечно под луной, как говорили мудрые предки. Всему приходит конец. Окончился мой отпуск, и я приступил к работе. Теперь мы с Юлькой общались только по вечерам. Август подходил к концу, нужно было определять девочку в школу, но у нее никаких документов не было. Да и в каком классе ей учиться? После консультации у юриста, погасла надежда на удочерение или хотя бы на опеку. У меня появилось предчувствие надвигающейся беды. И она не заставила себя ждать.

Я возвращался домой с работы, и возле дома меня остановил наш участковый милиционер.

– Простите, – козырнул он, – мне нужно с Вами поговорить.

Мы сели с ним на лавочку у подъезда.

– У Вас в квартире живет девушка, кто она Вам? – участковый внимательно смотрел на меня.

– Это моя внучка, – сказал я уверенно. – Она приехала ко мне

погостить.

– Внучка? – милиционер смотрел на меня с большим недоверием,
– Тогда почему ее разыскивает мать?

– Этого не может быть! – изумленно воскликнул я. – Здесь какая-то ошибка,

– Нет никакой ошибки. По всем отделениям Внутренних дел разослана вот эта фотокарточка, – участковый достал из папки снимок и дал его мне. – Ведь это же Ваша внучка?

С фотокарточки на меня смотрела моя Юлька, только моложе года на два.

– Вы знаете, какое-то сходство есть, – едва сдерживая волнение, сказал я. – Только с какой стати моя дочь будет разыскивать мою внучку?

– Резонно, – ответил участковый, – если, конечно, Вы ее не похитили. А Вы можете показать Свидетельство о рождении девочки?

– Моя внучка приехала ко мне сама, и Свидетельство с собой не взяла.

– Понятно, – произнес милиционер. А как зовут Вашу внучку и сколько ей лет?

– Внучку зовут Юлией, и ей 15 лет, – ответил я, поднимаясь с лавочки, показывая этим, что разговор наш окончен.

Участковый заглянул в какую-то бумагу, лежащую в папке, потом поднял глаза на меня:

– Совершенно верно – девочку зовут Юлией, и ей скоро исполнится 15 лет. Как видите, все сходится, даже маленькая родинка на левой щечке. Так что придется Вам съездить к дочке, взять Свидетельство о рождении Юлии и показать его мне. Иначе Вас ждут большие неприятности. Два дня Вам хватит?

Я кивнул головой.

– Ну, вот и хорошо, – милиционер снова отдал мне честь и степенно удалился.

– Что хотел от тебя этот мент? – спросила меня Юлька, едва я переступил порог.

– Он сообщил мне, что тебя разыскивает твоя мать. Он узнал тебя по фотоснимку, который есть теперь в каждом отделении милиции.

– Мать? – девочка с ужасом смотрела на меня. – Она все-таки нашла меня. Слезы хлынули из глаз Юльки. Она обняла меня за шею, прижалась к моему груди, и, рыдая, все время повторяла:

– Деда, милый хороший, не отдавай меня ей, не отдавай, не отдавай...

– Юленька, родная моя, успокойся. Я тебя никому не отдам. Только, что нам делать, ведь закон на их стороне?

– Лучше сразу умереть, чем снова вернуться к ней – прошептала Юля. – Ты не знаешь, какой она страшный человек! Спаси меня, деда! Увези куда-нибудь.

– Юленька, девочка моя, расскажи мне всю правду о своей прошлой жизни. Я должен знать все, чтобы решить, что нам делать дальше.

И Юлька рассказала мне такое, что не увидишь даже в кошмарном сне...

...Отца своего я никогда не видела, – рассказывала девочка, – а мать меня ненавидела, наверное, с самого рождения. Она много пила и приводила в дом разных мужиков. Я мешала ей жить, поэтому она избивала меня за малейшую провинность, или просто так, безо всякой причины. И почти не кормила, наверное, думала, что я не выживу. Но я взяла и выжила, что больше всего раздражало мать.

Когда мне исполнилось 11 лет, мать решила зарабатывать на мне деньги: она заставляла меня раздеваться перед своими клиентами, за что брала с них дополнительную плату. Сначала я, как могла, сопротивлялась этому, за что мать зверски меня била и запирала в комнате, не давая по несколько дней еду и воду. И я не выдержала, и согласилась. Но клиентам матери что-то не нравился мой «стриптиз». Помню, первый клиент смотрел на меня с жалостью, когда я снимала свою одежонку, и не дал мне даже совсем раздеться. Сунул мне за трусики десятку и вышел из комнаты. Поэтому мать перестала мной торговать и начала лучше кормить и меньше бить, рассчитывая, наверное, позже снова использовать меня.

Так и вышло: когда мне пошел четырнадцатый год и я стала больше походить на девочку, она перестала давать мне еду, сказала, что теперь я буду сама себе зарабатывать деньги у ее клиентов. Поголодав неделю, я согласилась на требование матери.

Накануне ночью мать забрала всю мою верхнюю одежду и заперла комнату, в которой я спала. Обнаружив это, я и просила, и плакала, но мать к двери даже не подошла. Я села на пол в углу комнаты и стала ждать своей участи.

В середине дня, отперев дверь, в комнату вошел здоровенный мужик, деловито запер дверь изнутри, вынул из кармана куртки

бутылку водки, поставил на пол у кровати и начал раздеваться. Я с ужасом смотрела на него, страх сковал меня всю. Раздевшись, громила сгреб меня обеими ручищами, поднял под потолок и со всей силы швырнул на пол и навалился на меня всем своим многопудовым весом. Когда уже не стало сил сопротивляться, моя рука нащупала стоящую на полу бутылку. Схватив ее, я ударила мужика по голове. Он сразу же отключился. Наверное, я его убила, деда.

Выбравшись из-под его массивной туши, я отперла дверь и выбежала во двор. Мать попыталась меня догнать, но была сильно пьяной. Пробежав через огороды соседей, я затаилась в кустах посадки, растущей вдоль дороги. Одежды на мне никакой не было, что мне делать, я не знала, мне было холодно и страшно. И вдруг я как-будто бы заснула.

Разбудили меня звуки веселой песенки. Выглянув из кустов, я увидела рослую девчонку, идущую по дороге. И тут я совершила еще одно преступление: выскочила из кустов, сбила девчонку с ног. Увидев меня в таком виде, девчонка от страха потеряла сознание. Я стащила с нее платье и сандалии, одела их и побежала к железнодорожному вокзалу. Там я вскочила в первую же электричку. В кармане платья я нашла кошелек с деньгами и воспользовалась ими. Пусть простит меня эта девчонка, и ты прости меня, деда. Но что мне было делать?

Юлька замолчала, я тоже молчал некоторое время, потрясенный рассказом девочки. Потом спросил:

– А что было дальше, Юленька?

– Дальше? – Юлька задумалась. Затем продолжила рассказ:

«– Дальше было еще страшнее. Я пересаживалась с электрички на электричку, пока не окончились деньги. Потом стала попрошайничать, тут же попала в приемник-распределитель, а затем в детский приют. Директором приюта был мужик, чуть моложе тебя, деда. Это был страшный человек. Приютские девчата рассказали мне, что по воскресеньям, когда в здании оставался один дежурный воспитатель, приходил директор, обычно сильно пьяный, устраивал разгон воспитателю, а когда тот мчался наводить порядок, брал за руку одну из девчонок, вел в свой кабинет, запирали дверь и делал с девочкой, что хотел. Взгляд у него был какой-то особенный, он подчинял не только пацанов и девчат, но и воспитателей. Девчонки в основном были малолетки, боялись его и молчали, особенно после того, как одна из них сбежала из приюта и рассказала все в милиции.

Приехала высокая комиссия, но никаких подтверждений рассказанному не наша. А девчонку упрятали в психушку за решетку,

Я не стала дожидаться своей очереди и сбежала из приюта. Я знала, что меня будут ловить, поэтому мне надо было сменить приютскую одежду на другую. И я опять совершила воровство, ты прости меня деда! К моему счастью, в одном из ближайших дворов на веревке сушилась одежда, только вся мужская. Делать было нечего, я выбрала по своему размеру мальчишечью рубашку и тренировочные брюки, и превратилась в пацана. Кепку я тоже отобрала у прохожего мальчишка. Вот так, деда, видишь, какая я была плохая.

Вскоре я поняла, как хорошо быть пацаном, хотя бы внешне. А девчонкой быть, к тому же бродяжкой, сейчас просто невыносимо. Пацаны и взрослые мужики насмотрелись всяких видиков и лезут к тебе то и дело, пристают с постыдными предложениями. А если отказываешь, стараются взять силой. Все мужики прямо помешались на этом.

– Не все, Юленька, – перебил я девочку. – Просто пока ты встречала только таких людей.

– Я знаю, – тихо сказала Юля, – вот ты, деда, не такой. И не потому, что уже старый. Ко мне и постарше тебя приставали.

Юля замолчала, погрузившись в тяжелые воспоминания. Чтобы отвлечь ее, я спросил:

– А как ты попала в город, где мы встретились?

– Пришла пешком. Лучше бы не приходила. Здесь я попала в рабство к Тамиле, ну, той, что ты видел на вокзале. Она нашла меня спящей под скамейкой на улице и привела в свое логово. Там было так заведено: все добывали деньги сами, а за питание и ночлег должны были платить Тамиле «налог». Два дня Тамила считала меня пацаном и посылала воровать на рынок. Но я не воровала, а просила подаяние. Сердобольные торговки давали мне то пирожок, то кусок хлеба, а деньги редко кто давал. Поэтому на второй день Тамила меня сильно побила. Когда я плакала от боли, сидя на тряпье в своем углу, один из охранников вдруг воскликнул: «Томка, а ведь это девка, а не пацан!».

Тамила бросилась ко мне, рванула мою рубашку, оторвав все пуговицы, и убедилась, что я девчонка.

« – Так, – сказала она, – с завтрашнего дня будешь ходить с девками на трассу. Там ты больше заработаешь. А вы присмотрите за

ней, – обратилась она к охранникам, – чтобы не сбежала».

И я стала ходить на трассу, но мне не везло: владельцы крутых машин проезжали всегда мимо, зато охотно забирали с собой моих подружек по несчастью. Конечно, я была для них очень непривлекательной.

Я снова стала попрошайничать, но денег Тамиле приносила очень мало. Так вырос мой долг до огромнейшей суммы. Тамила пригрозила мне, что если я не верну долг в ближайшие дни, она отдаст меня на поругание своим телохранителям, и я умру лютой смертью. И прогнала меня, лишив ночлега и еды. В поисках «клиентов» я бродила по улицам, заходила в кафе, бары, разные забегаловки, но отовсюду меня прогоняли. Ночевала я на вокзале, стараясь не попадать на глаза железнодорожным ментам. И к счастью встретила тебя, родной мой деда».

Девочка прильнула ко мне, все еще всхлипывая, А я гладил ее по голове и думал: «Через два дня придет участковый за Юлькиным Свидетельством о рождении. Что тогда будет?».

Милиционер пришел, как обещал.

– Ну, что, привезли документы девочки? – спросил он, глядя на меня в упор.

– Понимаете, Юля – не родная мне внучка, а приемная. И я хочу, чтобы Вы ее выслушали, а потом решали, как Вам поступить.

– Юленька, – обратился я к девочке, – расскажи товарищу милиционеру все подробно, что ты рассказывала мне.

После Юлькиного рассказа участковый долго молчал, глядя в окно, потом обратился к девочке:

– Значит так: матери тебя возвращать, естественно, нельзя. О директоре принята я сообщу, кому надо. Но пока они там разберутся, в приюте тебе тоже не место. Ты посиди дома у дедушки, а я что-нибудь придумаю. Только не ходи гулять на улицу, не высовывайся с балкона, ведь твои портреты расклеили по всему городу. Если тебя найдут здесь, твоему дедушке грозит тюрьма, ведь он тебя практически похитил, а за похищение несовершеннолетних, да еще девчат, много лет дают.

Участковый не приходил целую неделю, и Юлька томилась в квартире одна, пока я был на работе. Чтобы не скучать, она занялась вдруг рисованием, и у нее открылся природный дар. Юля рисовала цветы и деревья, животных и птиц, а из людей только прекрасных принцесс и принцев.

Мир ее рисунков был светел и чист, точно такой была и душа этой девочки, несмотря на все пережитое в прошлом и настоящем.

Милиционер пришел к нам в субботу под вечер. Он был в штатской одежде и поэтому выглядел добрее, человечнее, что ли.

– Значит так, – сказал он, садясь за стол, – вот что я придумал: тебя, Юля, я определил в школу-интернат в соседней области. Направление и необходимые бумаги оформлены их областным приютом для несовершеннолетних. По документам ты должна учиться в 8 классе, так что тебе придется поднатужиться. Коллектив учителей и воспитателей там вроде бы нормальный. Побудешь в интернате до окончания девятого класса, а потом я определю тебя в училище. А стукнет тебе 18 лет, ты вернешься жить к бабушке, чтобы больше с ним никогда не разлучаться. Если тебя и найдут в школе-интернате, то вернут матери без уголовного дела против твоего дедушки, а ты от нее снова сбежишь, ведь опыт у тебя есть. Только возвращайся опять в тот интернат. Но я думаю, что тебя в другой области искать не станут. Ты согласна? – Юлька кивнула головой и на глазах у нее выступили слезы. Заикаясь, она тихо сказала:

– Только как я буду жить без моего родненького деда?

– Ничего, девочка, потерпишь. Дедушка сможет тебя там проведывать, а на каникулах ты сама будешь приезжать сюда. Иди, собирайся. Машина ждет за домом. А Вас я попрошу всем говорить, что внучка поехала домой к маме, ведь начинается учебный год.

Юленька уехала, а у меня на душе и в доме поселилась гнетущая пустота. Все валилось из рук, жизнь казалась бессмысленной и глупой.

Я так ждал писем от Юльки, но они почему-то не приходили. И я уже собрался ехать в соседнюю область, взял на работе отгулы, но, возвращаясь с работы, увидел сидящую около двери квартиры мою Юленьку.

Увидев меня, Юлька с трудом поднялась, губы ее задрожали, и она, сильно заикаясь, тихо сказала:

– Деда, прости... я сбежала из интерната... Я больше не могу там... И, рыдая, она прижалась к моей груди. Я обнял ее за плечи и сам, сдерживая слезы, вымолвил:

– Ну что ты, Юленька. Успокойся, родненькая моя девочка. Все хорошо. Я так рад, что ты вернулась. Пойдем домой.

– Не называй меня больше так, деда! Я уже не девочка... Я грязная, грязная... Слышишь, деда, я грязная...

Юлька зарыдала еще сильнее, внезапно опустилась на пол и забилась в истерике. Я подхватил ее на руки, внес в квартиру, положил на диван. Из Юлькиных слов я понял, что моя внучка пережала самое страшное в своей такой короткой еще жизни. И сердце мое сдавила ужасная боль.

Немного успокоившись, Юлька села на диване:

– Что делать мне, деда? Как... жить... дальше?

– Что делать? – воскликнул я, – Немедленно отправляться в ванну смывать, смывать с души и тела всю грязь. Пусть грязь и боль твоя уйдут вместе с водой, и выйдешь ты из ванны снова чистой и красивой девочкой, какой была прежде.

Юлька долго мылась под душем, и когда вышла из ванной комнаты, на лице ее светилась радостная улыбка. И я подумал, что то страшное, что пережила моя внучка, навсегда ушло из ее памяти. Но ошибся.

Среди ночи я проснулся от истошного девичьего крика. Включив свет, я увидел, что Юлька, как безумная, мечется по дивану, со стоном выкрикивая отдельные непонятные слова. И я понял: к моей девочке в страшном сне снова вернулись события последних дней.

– Не трогай меня, слышишь, не трогай меня! Прошу тебя: не надо, не надо... – закричала Юлька, когда я наклонился над ней. Глаза ее были широко открыты, но она не видела меня, она целиком находилась в том проклятом мире, из которого вернулась ко мне.

– Успокойся, Юленька, – сказал я, крепко обняв ее за плечи. – Это я, твой деда. Ты уже проснулась, и все плохое ушло вместе с твоим сном.

– Деда, родненький, спаси меня, спаси! Они опять придут и будут мучить меня. Мне страшно, страшно, страшно... – Юлька обхватала меня за шею руками, прижалась ко мне, дрожа всем телом.

– Не придут! – сказал я твердо, глядя девочку по голове, – Не придут, потому что я рядом с тобой, и всегда буду рядом. А ты поделись со мной своей бедой, и тебе станет легче, вот увидишь.

Юля долго молчала, собираясь с силами. Потом, заикаясь от волнения, стала рассказывать.

Из отдельных фраз ее сбивчивого рассказа, прерываемого рыданиями и долгими паузами, открылась мне картина событий, ранивших душу моей внучки. Потом, когда девочка уснула, я записал ее рассказ со всеми подробностями, чтобы передать его нашему участковому милиционеру. Потому что еще раз пережить все это,

рассказывая участковому, девочке будет не под силу. Прочитав записанное, я пришел в ужас. И было от чего:

«Он начал приставать ко мне, как только я появилась в интернате. Был он старше всех учеников, и все его боялись, даже учителя и воспитатели. Я, как могла, отшивала его, старалась не попадаться ему на глаза, а он наглел с каждым днем. В прошлую субботу у нас проводили дискотеку, и все девчата моей группы ушли вместе с воспитательницей. А я осталась одна в спальне, потому что плохо чувствовала себя, приболела немного. Я уже собиралась ложиться спать, как вдруг в спальню ввалился он со своими друзьями, среди них были и две девки из его класса. От них шел какой-то дурманящий запах, то ли самогона, то ли травки. Они окружили меня, а он воскликнул:

– Ты уже легла, вот молодец. Сейчас и я запрыгну к тебе в постель. Я поднялась, села на кровати и попросила их уйти, сказав, что заболела и хочу спать.

– А мы тебя сейчас вмиг вылечим, – весело сказал он, – А спать ты будешь только со всеми нами, – и он дико захохотал.

Я вскочила и хотела убежать из спальни, но он сильным ударом в живот бросил меня на кровать и стал срывать с меня платье. От сильной боли я потеряла сознание. Привела меня в чувства одна из девиц, вылив мне на лицо бутылку газированного напитка. Она заклеила мне рот липкой лентой. И тут он навалился на меня. Я начала сопротивляться, и тогда обе девицы схватили меня за руки и ноги и придавили к кровати. И они держали меня, деда, все время, пока он издевался надо мной, и когда он колот меня ножом в грудь и живот, и когда делал свое гнусное дело. А дружки его стояла рядом, жадно пожирая меня глазами, ожидая своей очереди. И никто за меня не заступился. И тут у меня сильно пошла кровь. Это напугало его и всю банду, они выбежали из комнаты. Спасла меня одна девчонка, заглянувшая в спальню. Она сообщила воспитательнице, вызвали скорую, отвезли в больницу. На следующий день беседовал со мной мент из прокуратуры.

После моего рассказа он мне сказал: «Я тебе верю, но у тебя нет свидетелей, а раз нет свидетелей, то и нет уголовного дела, и виновность твоих обидчиков ты не докажешь».

– В тот же день я убежала из больницы и вернулась к тебе, деда».

На следующий день я разыскал нашего участкового милиционера и передал записанное со слов Юли. Прочитав мои записи, он долго

молчал, потрясенный, а потом вымолвил:

– Да, такое может быть только в нашей сегодняшней стране... Что же нам делать с бедной девочкой? Остаться здесь ей никак нельзя; один из моих коллег опознал ее по фотокарточке и поделился со мной своим открытием. Я убеждал его, что девочка, какую он видел вместе с Вами, никак не может быть той бродяжкой, которая разыскивается, что я сам проверял документы девочки, и они подтверждают, что она – Ваша внучка. Но боюсь, до конца я его не убедил, потому что он ушел от меня с выражением сомнения на лице. Такой будет «копать», пока своего не добьется. Так что, пусть Юля сидит дома, не появляется перед окнами, никому не открывает дверей, когда Вас нет дома. Да и Вы не реагируйте на звонки и стук в дверь. А я обязательно что-нибудь придумаю и прийду к Вам. Стучать буду вот так, – и участковый продемонстрировал условный стук.

Милиционер пришел к нам только через 10 дней.

– Я пришел за тобой, Юленька, – сказал он, садясь за стол. – Мы поедem сейчас с тобой в соседнюю страну. Ты будешь жить у хороших людей в семейном детском доме. Там тебя никто не найдет и не обидит. Эти люди – мои верные друзья, мы учились вместе в школе. Творец не дал им детей, и они отдают все тепло своих сердец таким, как ты, Юля. Я приготовил тебе все необходимые документы, – участковый вынул из папки бумаги и стал раскладывать их на столе:

– Вот твое Свидетельство о рождении. Дату твоего рождения я записал, как ты говорила, а фамилию и отчество взял твоего дедушки. А это справка о том, что оба твоих родителя, Юленька, погибли в автомобильной катастрофе, и ты теперь круглая сирота. Это, конечно, большая неправда, но сделал я это для пользы дела. Ты, девочка, не бойся, эти бумажки не принесут тебе неприятностей. Моим знакомым они не нужны, понадобятся тебе эти документы через год, когда ты будешь получать паспорт и гражданство, а потом и Свидетельство об окончании школы. А как станешь совершеннолетней, вернешься жить к дедушке, если конечно замуж не выскочишь за границу. Так что собирайся, машина ждет нас за углом. А я, пока вы будете прощаться, посижу на кухне, попью чайку. Юлька начала укладывать в сумку свои вещи, а я присел на диван и безучастно наблюдал за этим. В голове теснились ужасные мысли: «неужели через несколько минут я не увижу рядом свою Юльку? Да увижу ли я ее еще когда-нибудь?»

Как сложится жизнь девочки там, куда едет она по воле злого рока?"

Юля, закончила сборы, села рядом, Я молча гладил ее красивые волосы. Она взяла мою руку и приложила к своим губам. Гнетущая тишина разлилась по квартире.

– Ну, что собралась, Юленька? – спросил милиционер, выходя из кухни, тогда целуйтесь, и поехали. Дорога длинная у нас впереди.

– Дедушка, родненький, я не хочу уезжать от тебя, – обхватив меня за шею и целуя, заплакала Юленька. – Как я буду жить без тебя? Для чего мне такая жизнь?

Сердце мое пронзила острая боль, спазма сдавила горло.

– Юленька, родная моя, – слезы душила меня, – мы ведь с тобой договорились: ты поживешь там три года, а потом вернешься ко мне. Мы будем часто писать друг другу и приезжать в гости. Ты же понимаешь, что у нас нет другого выхода.

– Деда, родной мой, я обязательно к тебе вернусь, и мы будем жить с тобой вдвоем радостно и счастливо. Ведь у меня, кроме тебя, никого родных нет. Только ты не умирай, деда, я очень прошу тебя, не умирай. Мне без тебя тоже не жить. – Юлька говорила это, глотая слезы и крепко обнимая меня. – Ты не грусти, деда, три года пролетят быстро, и мы снова будем вместе. Только ты не умирай.

Юлька несколько раз поцеловала меня и повернулась к участковому:

– Поехали, что ли? А то у мена сейчас разорвется сердце.

Я проводил Юльку до машины, и долго смотрел вслед удаляющимся красным огонькам, увозящим любимую мою внучку, быть может, навсегда.

Юленька уехала, и потянулись дни, унылые и однообразные. Отвыкший за три месяца общения с Юлькой от одиночества, я с трудом переносил его сейчас. Мне все время так нехватало моей приемной внучки.

Милиционер часто заходил ко мне по вечерам, интересовался, нет ли письма от Юльки. Было видно, что судьба моей внучки ему не безразлична. И это сблизило нас.

Наконец пришло долгожданное письмо от моей девочки.

«Деда, родненький, мне здесь хорошо. – писала Юля, – я живу в многодетной семье, теперь у меня есть шесть братьев и четыре сестрички. Я сразу с ними подружилась и люблю их, как родных. Мои новые родители такие добрые, что мне даже не верится, что могут быть, кроме тебя, деда, еще такие люди. Дом у нас огромный, рядом

большущий огород и сад, где мы все вместе работаем. Я многому уже здесь научалась. Через два дня начнутся занятия в школе. Я буду учиться в восьмом классе вместе с одним из своих братиков. Да, чуть не забыла: мне, как самой старшей дочке, в доме выделили отдельную комнату. Так решили всей семьей. Я была очень рада этому. Днем мне скучать некогда. А вот ночью, когда я остаюсь в комнате одна, я скучаю по тебе, деда, и тихонько плачу. Поэтому мои сестренки решили ночевать со мной по очереди, чтобы мне было не так грустно. Родители разрешили им.

Все передают тебе большой-большой привет и желают крепкого здоровья».

Я несколько раз перечитал Юлькино письмо и убедился, что моей внучке там действительно хорошо живется. И я повеселел.

Юлька писала мне часто, чуть ли не каждую неделю, только письма от нее шли целый месяц. В письмах она сообщала новости своей жизни, советовалась по разным вопросам, присылала свои рисунки. И мне казалось, что внучка снова рядом со мной.

А через месяц я получил письмо от Юлькиных названных родителей.

«Дорогой дедушка нашей старшей дочери Юлии, – писали они, – Мы от всей души благодарим Вас за нашу девочку, которую мы сразу полюбили и теперь в ней души не чаем. Мы все время ее хвалим, и в школе ее любят и хвалят. А она такая скромница, все стесняется похвал.

Особенно ее хвалит учитель рисования, говорит, что у Юли божий дар к живописи, даже стал заниматься с ней отдельно и в школе организовал выставку ее рисунков. Говорит, что вырастет из Юленьки большой художник. Посылаем Вам наше семейное фото, и отдельно Юлино фото. На зимних каникулах Юля приедет к Вам погостить. А Вы приезжайте к нам по весне...».

Я читал эти строки, и чувство большой гордости за Юльку заполняло всего меня.

Я так благодарен судьбе за то, что послала мне встречу на ночном вокзале с девочкой-бродяжкой, ставшей мне родной внучкой. Какой была бы моя жизнь без нее? Я не испытал бы самого большого счастья – быть дедом.

Три длинных года пролетели, как птицы, спешащие на юг после суровой зимы.

Юля окончила школу с золотой медалью, стала студенткой

столичной Академии искусств. В конце августа, перед занятиями в Академии, Юля провела своих названных родителей, а потом несколько дней гостила у меня. И вот мы снова идем с Юлей мимо сидящих у подъезда соседок, и вслед нам звучат слова восхищения и удивления:

– Смотри, как похорошела дедова внучка. Королева красоты и только.

– А дед какой счастливый! Так и сияет, так и сияет.

– И ты б сияла, если бы имела такую внучку.

– Да, повезло деду. Намедни хвастался управдому, что внучка в Академию поступила, художником будет. Талант у нее открылся.

– И девочке повезло: не каждый дед так любит и лелеет свою внучку, как этот. Вот и расцвела Юлька, что тут удивляться.

Было сказано еще много теплых слов в наш адрес. Я слушал, и мне казалось, что женщины завидуют нам доброй завистью.

СВЕТ КАССИОПЕИ

(рассказ)

Эту книгу-альбом, изданную в немецком городе Лейпциге, я купил на книжном рынке у пожилой женщины, продававшей книги из домашней библиотеки, ставшей, по-видимому, уже не нужной.

Прекрасные рисунки двух чешских художников в альбоме воссоздавали облик ландшафтов планет Солнечной системы и звездных миров Вселенной.

Уже дома, знакомясь с книгой, я обнаружил среди ее страниц несколько листков из школьной тетради, исписанных мелким почерком. Это было письмо хозяина книги своей дочери, так и не отправленное адресату. Углубившись в чтение найденной рукописи, я познакомился с судьбой двух замечательных людей, каких не часто встретишь в нашем сегодняшнем мире. Жизнь этих людей достойна подражания, поэтому я позволяю себе сделать содержание письма достоянием широкого круга читателей.

«Дорогая моя девочка!

Наконец пришел час раскрыть тебе тайну, почему я назвал тебя таким редким, красивым именем.

Прости, что раньше, отвечая на твой вопрос, я ограничивался

банальным «Мне так захотелось», или «Оно мне понравилось». Причина выбора твоего имени была совсем другая. Поскольку мое время стремительно истекает, да и ты стала достаточно взрослой, я открою тебе самое сокровенное...

Каждый раз, когда передо мной открывается ночное небо, засеянное мириадами ярких и тусклых звезд, я сразу же начинаю искать среди них созвездие Большой Медведицы. Это огромный звездный «ковш», принимающий в свои объятия жизнетворные струи Космоса, тысячелетия питая надеждой души странствующих людей. Рядом с «ковшом» – Полярная Звезда, вокруг которой вращается Мирозданье, определяя наши судьбы и сроки.

Мой взгляд, скользит по окрестностям «Медведицы» и останавливается перед группой звезд, расположенных таким образом, что если соединить их прямыми линиями, получится созвездие, по очертаниям напоминающее латинскую букву «дубль-В». Это – Кассиопея. Говорят, там есть разумная жизнь, думаю, более разумная и счастливая, чем наша.

Я уверен, что у каждого человека есть в окружающем мире талисман, к которому обращаются в часы душевной непогоды или в минуты солнечной радости. Для меня таким талисманом стало созвездие Кассиопеи, подаренное мне в юности.

Когда я бываю в городе, где прошли мои школьные и студенческие годы, я непременно приезжаю электричкой в небольшой пригородный поселок с букетом алых роз или белых гладиолусов. Сразу за станцией начинается улица, ведущая к той, кому предназначен мой букет.

Неделю назад я снова шел по этой улице, прижимая к груди огромный букет алых роз. Остановился, как всегда, у крайнего дома, где во дворе есть колодец с прохладной водой. Перед домом на лавочке сидят три пожилых женщины. Увидев меня, одна из них поднялась навстречу.

– Тебе воды? – как и в прошлые годы, спрашивает она после приветствия, глядя серьезно в мои глаза. Я молча киваю головой, и она уходит во двор и вскоре возвращается, неся в руках банку, наполненную водой.

Женщины на лавочке удивленно смотрят то на меня, то на хозяйку дома. Сразу видно, что они – приезжие. Наверно, подруги или дальние родственники.

– Проведать идешь? – спросила седая женщина, подавая воду. –

Многих лет тебе еще, мил человек!

И в глазах ее я вижу светлую зависть.

Я поставил банку наземь и стал опускать в воду розы по одной. Слышал, как хозяйка дома просвещала старушек:

– Вот так каждый год приезжает с цветами, воду для них у меня берет. Когда впервой наливала ему воду для цветов, девчонкой была: мне десять годков тогда исполнилось. А третьего дня уже седьмой десяток разменяла. Сколько времени прошло, а вот не забывает ее. К любимой идет...

«Любимой? Я так никогда ее не называл» – думал я, бережно ступая по теплой земле, нагретой щедрым июльским солнцем, боясь расплескать воду. – «Все берег это слово для другой девушки, которую полюбил безответно, да и сейчас люблю. А любимым я был для той, кому цветы ношу уже полвека. Родной она мне стала, ведь была единственной, девушкой на свете, горячо полюбившей меня. Возможно, позже я назвал бы ее любимой, но судьба распорядилась иначе...».

Так размышляя, я обогнул овраг, густо заросший кустарником, и подошел к ее обители за железной оградкой. Она встретила меня, как всегда, улыбаясь одними глазами с овального портрета. Я поставил банку с цветами возле оградки и прижался щекой к теплему от солнца мрамору...

И воскресли в памяти события пятидесятилетней давности ...

...Я учился тогда на первом курсе геофака университета. В группе у нас было много девушек, юных и красивых, а мне было двадцать лет и, естественно, я увлекался то одной, то другой сокурсницей в поисках той единственной подруги, любимой на всю жизнь. Девушки меня своим вниманием не баловали, но я верил, что главная встреча еще впереди. И она состоялась. Я влюбился отчаянно, пылко, навсегда, но, увы, безответно. И тогда, чтобы не хандрить, я ушел в науку, ничего и никого не замечая вокруг.

Однажды на лекции мне передали записку без подписи с приглашением на свидание. Я прождал в назначенном месте более двух часов, но автор записки так и не пришел. Я понял, что это розыгрыш, и на последующие приглашения не реагировал. И тогда самая бойкая однокурсница – Жанна поделилась со мной страшной тайной: оказывается, одна из моих подруг по учебе страстно влюбилась в меня и сильно страдает от моего невнимания. Это меня заинтриговало, и я стал наблюдать за девчатами курса. И вскоре

нашел ее. То была тихая, скромная, застенчивая девушка из пригородного поселка, с редким, красивым именем и постоянно грустными глазами. Она избегала общения не только с нашими ребятами, но и с подругами по курсу. Встретившись с моим взглядом, девушка всякий раз сильно краснела и опускала глаза, не зная, куда девать свои тонкие руки. Нет, такая девочка никогда не решилась бы писать мне любовные записки. Я начал расследование, и вскоре та самая Жанна призналась, что писала эти записки мне от имени девочки, и ей от меня просто ради шутки. И записки «от меня» сделали свое дело: девочка действительно влюбилась серьезно, и эта любовь принесла ей радость и страдание.

Из жалости, что ли, я начал временами оказывать девочке знаки внимания, и каждый раз она расцветала красивым цветком. Никаких чувств к ней, кроме как к беззащитному ребенку, я тогда не испытывал. И в этом была моя большая вина перед ней. Я ходил с девочкой в кино, провожал после занятий на электричку, объяснял непонятный учебный материал, иногда садился с ней рядом на лекциях. А она наверняка ждала от меня слова любви, строки стихов, просто нежности. Но свои стихи я давно уже посвящал другой, а взять девочку под руку, идя с ней по улице, я почему-то не решался.

Когда пришло время летней полевой практики, мы оказались в одной бригаде. И тут мой «беззащитный ребенок» сразу преобразился. Она была своей в среде цветов и трав, кустарников и деревьев, различных букашек и птиц. Девочка горячо любила природу и сливалась с ней в единое целое. Она так много знала природных тайн и все время стремилась поделиться ими. Но нам всегда было некогда и недосуг ее слушать. И в душе ее не осталось больше места для всего другого, кроме природы. Днем она с упоением работала над заданиями практики, а по вечерам уходила подальше от нашей шумной, поющей компании, уединялась и подолгу сидела, глядя в ночное звездное небо.

Однажды я подошел к ней и сел рядом. Глаза девочки тут же засияли от радости, наверное, ярче, чем небесные созвездия. Она тронула меня за рукав, указывая взглядом на звездное небо.

– Посмотри, как красиво! Философ Кант говорил, что самое прекрасное и удивительное в нашем мире – это звездное небо над головой и глубины человеческой души. Как он прав, неправда ли? Как он прав...

Мы долго молчали, глядя на звезды. И вдруг она тихо сказала:

– Знаешь, я хочу подарить тебе одно созвездие. Пусть оно будет всегда с тобой. Вот, посмотри, видишь его недалеко от Большой Медведицы? Оно напоминает букву «В» из немецкого алфавита. Это – Кассиопея. Мой любимый звездный цветок на нашем небе. Я дарю его тебе на счастье.

– Спасибо, конечно, – сказал я, растроганный таким необычным подарком.

– Только в честь чего ты мне его даришь? Мой День рождения уже прошел, а других праздников пока не предвидится.

– А просто так разве нельзя сделать подарок... – девочка на мгновение запнулась – ...хорошему человеку? Знай, что на небе есть звезды, которые так мне дороги. Они всегда помогут тебе в трудную минуту... Потом, когда меня... не станет... – голос ее задрожал, – ты посмотришь на Кассиопею... и вспомнишь меня.

В звездном свете на глазах у девочки заблестела звездочки-слезинки. Она отвернулась и закрыла лицо ладошками.

Я решил развеселить девочку, и стал дурачиться:

– Спасибо тебе, моя Королева, за такой щедрый подарок. Только уж больно мудреное название у звезд этих. Сразу и не запомнишь!

А можно я буду звать их по простому: Косолапея? И мне это слово ближе: друзья детства зовут меня «Бурый Миша» за сходство во всем с косолапым медведем. И звезды твои любимые прижимаются к Матери-Медведице. Так что буду звать твой подарок Косолапеей.

– Как? Как ты сказал? Повтори! – в голосе девочки зазвучали веселые нотки. – Косолапея? Замечательно! – и она радостно засмеялась.

– А знаешь, – сказала девочка, окончив смеяться. – Ты не прав насчет отсутствия ближайшего праздника. Завтра у меня День Рождения. Мне исполнится восемнадцать лет, и стану я совершеннолетней девушкой.

Ты мне тоже сделай подарок по такому случаю. Подари мне цветы. Я очень люблю розы и гладиолусы. Только ты этих цветов здесь не найдешь. Знаешь, подари мне «котики» камыша. Ну, такие коричневые, бархатные. Камыш растет здесь недалеко, на заболоченном участке реки. Я их тоже очень люблю, они всегда стоят у меня дома в цветочной вазе.

Девушка замолчала и снова стала грустной. И вдруг она придвинулась ко мне и шепотом сказала:

– Пусть у тебя тоже всегда стоят камышовые «котики». Ты

полюби их, пожалуйста. Они будут напоминать тебе обо мне, когда меня... не станет. Она прижалась лицом к моему плечу и залилась слезами.

– Ну, что ты, девочка? – я попытался обнять ее. Девушка, испуганно отшатнулась, вскочила на ноги и тихо повторила:

– Не надо... Не надо... Не надо...

И медленно пошла к сидящим у костра ребятам...

А на завтра был мокрый от дождя песок на берегу реки, спекшийся в одном месте от удара молнии... И кусочек ее розовой кофточки в белый горошек, обугленный по краям... И еще ее признания мне в любви, написанные вперемешку с записями наблюдений и вычислений в «Дневнике полевой практики» студентки первого курса... Вот и все, что осталось от нее. И еще осталась память...

Кровинка моя, теперь ты знаешь все о той, чье имя ты носишь. Я думаю, что ты правильно поймешь меня и оценишь мой поступок, который так и не смогла понять твоя мама.

Яркой, вспышкой света пронеслась эта девочка в моей жизни, подобно метеориту, прилетевшему из глубин Космоса. А может быть, она и была посланцем того неведомого мира, обитающего на планетах созвездия Кассиопеи. И не ушла она из жизни, а просто вернулась назад, чтобы озарять светом Вселенную и человеческие души.

Пятьдесят лет живет она в моей Памяти, и будет жить до конца дней моих, и ее несостоявшаяся любовь будет согревать мне душу и сердце, освещая мой путь ярким светом далеких звезд Кассиопеи.

И я завещаю тебе, моя дочь, самое дорогое, что есть у меня в жизни – этот немеркнущий звездный свет. Пусть он всегда помогает тебе в трудные минуты и разделяет с тобой мгновения солнечной радости».

ДЫМКА (рассказ)

Находка археологов на острове Кипре сильно взволновала меня.

Она напомнила мне события недавнего времени и убедила в правоте моих убеждений и действий.

В древнем захоронении, возраст которого определен, как девять с половиной тысяч лет, рядом с останками человека был обнаружен скелет маленькой кошки. Это говорит о том, что в то далекое время, на много раньше, чем появились пирамиды Египта, кошка была уже верным другом человека, он считал ее членом своей семьи, и жить друг без друга они просто не могли.

Вот так же не смогла жить без своей хозяйки Дымка.

В нашем городе возле железнодорожного вокзала еще недавно проживала одинокая старая женщина, мало кто знал ее имя, все звали ее только по отчеству: Нестеровна. Раньше она работала на железной дороге, и руководство выделило ей маленькую комнатку в ведомственном доме, где и прошла вся ее жизнь.

Выйдя на пенсию, Нестеровна подрабатывала техничкой в учреждении, где я работал. Там я с ней и познакомился. Была она простой женщиной-труженицей, испытавшей в жизни много страданий, но не потерявшей сердечной доброты и душевной отзывчивости. Не было у Нестеровны ни семья, ни детей и внуков. Даже подруги юности раньше нее ушли из жизни. Не было у Нестеровны никого на целом свете. Только кошка Дымка. Дымка появилась у нее лет пять назад. До этого жил с Нестеровной симпатичный песик Чап, маленький, беленький, безгранично преданный своей хозяйке. Нестеровна в Чапе души не чаяла, любила его, как ребенка, отдавала ему всю неизрасходованную за жизнь любовь и ласку.

Но не долго длилось их обоюдное счастье: свалилась на собачку какая-то болезнь, и Чапа не стало. Для Нестеровны это было страшным ударом. И, наверное, старая женщина не перенесла бы эту потерю, если бы не появилась Дымка.

Однажды, вернувшись домой после бесцельного хождения по улицам, Нестеровна увидела возле двери грязного, облезлого, совсем маленького котенка с окровавленной мордочкой, видно,

получил он хороший пинок ногой, на какие так щедры некоторые наши люди.

И дрогнуло сердце женщины, взяла она на руки несчастного котенка, прижала к груди и дала волю слезам.

Больше недели выхаживала Нестеровна этот маленький комочек жизни: лечила, кормила с ложечки, ласкала, шептала нежные слова. Мы ей предоставили отпуск, как для ухода за больным ребенком. И стал котенок поправляться, а вместе с ним оттаивала душа старой женщины, замороженная потерей любимой собачки.

Прошло несколько месяцев, и котенок превратился в красивую кошечку приятной дымчатой окраски, поэтому и назвала Нестеровна свою любимицу Дымкой.

Любили они друг друга горячо и преданно, и так привязались один к другому, что даже несколько минут не могли быть в разлуке. Если Нестеровна шла в магазин или на базар, Дымка сопровождала ее, весь рабочий день она проводила вместе с хозяйкой в учреждении, и все мы тоже полюбили эту ласковую, игривую кошечку, соревнуясь в угощении ее различными лакомствами.

Спала Дымка вместе с Нестеровной на кровати, не в ногах, как многие кошки, а под боком. По вечерам они вместе смотрели телевизор, и Дымка, лежа у хозяйки на коленях, массировала мягкими лапками ее больные ноги, тихо напевая свои кошачьи песни-заклинания. Это было счастливое для обоих время. Только и старели они тоже вместе.

Однажды Нестеровна заболела. Соседи не сразу заметили, что она давно не выходит из комнаты. И ушла бы Нестеровна из жизни раньше положенного срока, если бы не Дымка. Видя, что хозяйке ее очень плохо, бедная кошка металась между запертой дверью и окном, жалобно мяукая и стуча лапками по стеклу. Этот стук и слышали соседи, вызвали скорую помощь.

Врачи поставил диагноз: инфаркт, увезли в больницу, Дымке удалось незаметно забраться в машину скорой помощи, но в здание больницы ее не пустили. И кошка поселилась в больничном дворе, часами просиживая перед окнами палаты, где лежала хозяйка. Я посещал Нестеровну ежедневно и приносил Дымке что-нибудь покушать. Да и больные подкармливали ее. Забрать Дымку отсюда я попытался только один раз, но кошка через полдня вернулась назад.

Через месяц Нестеровне разрешили выйти во двор на прогулку, где произошла трогательная встреча ее с Дымкой. И, конечно же, Нестеровна забрала Дымку с собой в палату. Старшая медсестра тут же подняла большой шум, но врач оказался добрым понятливым человеком: разрешил, говоря, что любимая кошка лучше всяких лекарств для больной, быстро поставит ее на ноги. И Дымка постаралась: вскоре они вернулись домой. Но коварный инфаркт затаился в добром сердце женщины...

О том, что Нестеровна внезапно скончалась, мне сообщили в день ее похорон. Когда я приехал, все приготовления Нестеровны в последний путь были соседками завершены. Спокойная, умиротворенная, лежала Нестеровна в гробу посреди своей комнаты. И прижавшись к ее рукам, тут же лежала, закрыв глаза, ее любимица Дымка.

Пришел священник совершить положенный обряд, увидел лежащую рядом с покойной кошку, возмутился, велел убрать. Дьякон попытался схватить Дымку руками, но она ударила его лапой и сердито зарычала. Тогда я, нагнувшись, тихо сказал: – «Дымочка, миленькая, иди ко мне», – и протянул к ней обе руки. Дымка посмотрела на меня, узнала. В ее глазах я увидел столько горя и боли, что мне стало не по себе. Я взял кошку на руки, прижал к груди. Она положила передние лапы мне на плечи, прижалась мордочкой к моей щеке. И я почувствовал, как по щеке медленно покатались ее слезинки. Тупая боль сдавила мое сердце, и тяжелый комок подкатил к горлу. Дымка переживала смерть Нестеровны сильнее, чем собравшиеся здесь люди.

Священник закончил свое действие. Соседские мужики подняли гроб и стали выносить его из комнаты. Отчаянно мяукая, Дымка спрыгнула с моего плеча и бросилась вслед. Остановившись у порога дома, она со страхом смотрела, как поднимали в кузов машины гроб, как рассаживались вокруг него мужики с лопатами. А когда машина тронулась с места, Дымка побежала за ней, припадая на задние ноги, видимо совсем обессилив.

Я сидел в кабине рядом с водителем и в зеркало видел, как упала Дымка и не могла никак подняться, как подхватила ее одна из соседок на руки и понесла назад, в дом.

Потом, как обычно, были небольшие поминки в комнате Нестеровны. Дымка лежала с открытыми глазами на кровати хозяйки, положив голову на лапы, безучастная ко всему. Она не

притронулась ни к пище, ни к воде, и мне показалось, что Дымка никого и ничего не видит.

За столом обсуждались житейские вопросы: кому достанется теперь комната Нестеровны, куда девать ее оставшиеся вещи? Я добавил вопрос о дальнейшей судьбе Дымки, и одна из соседок сказала, что заберет кошку к себе. Она хотела взять Дымку на руки, но та, царапнув ее, вырвалась и убежала из комнаты. Женщина заверила меня, что кошку она отыщет и заберет домой.

Ночью, размышляя о дальнейшей жизни Дымки, я пришел к решению забрать кошку к себе, хотя членами моей семьи были уже три кошки. Но утром в доме соседки Дымки не оказалось. Женщина сказала мне, что не смогла ее нигде отыскать.

Я нашел Дымку в темном коридоре, она сидела в углу недалеко от комнаты Нестеровны и смотрела на дверь, наверное, ожидала, что дверь откроется, и ласковый голос хозяйки позовет ее. Я вынес кошку на улицу. Она спрыгнула с рук и медленно пошла к выходу со двора, все время поворачивая голову в мою сторону, как бы зовя меня за собой. Я пошел вслед за Дымкой. Кошка уверенно шла по улице в том направлении, куда вчера увозили ее хозяйку на вечное поселение, и когда вдали показался забор кладбища, я понял, что Дымка идет к могиле Нестеровны.

Идти кошке было тяжело, она совсем выбилась из сил, сказывался ее возраст, нервное потрясение и уже долгое голодание. И я взял Дымку на руки, она снова расположилась на моем плече. Так мы дошли до ворот кладбища. И тут Дымка спрыгнула с плеча и что есть силы побежала впереди меня, лавируя между могильными холмиками. Она безошибочно нашла среди свежих могил захоронение Нестеровны, бросилась к могильному холмику и стала лапами быстро разгребать землю, желая освободить свою хозяйку из земляного плена. Но силы Дымки все таяли, и вскоре она не могла уже двигаться. Тогда Дымка разместилась в ямке, которую выкопала, и закрыла глаза. «Пусть немного отдохнет», – подумал я и занялся укреплением деревянного креста, поставленного кое-как вчера спешившими мужиками.

Когда я вновь нагнулся над Дымкой, жизнь уже покинула ее.

– «Эх, Дымка, Дымка, – думал я, глядя на неподвижно лежащую кошку, – Не смогла ты перенести свое горе, не

захотела жить на этом свете без своей любимой Нестеровны». Решение быстро созрело в моей голове, и я посчитал его самым верным.

Неподалеку несколько молодых людей работали над установкой памятника. Я попросил на время у них лопату и принялся раскапывать могильный холмик. «Прости, Нестеровна, что нарушаю твой покой, – шептал я, проникая лопатой вглубь могилы, – но я привел к тебе твою любимую Дымку, которая не смогла жить без тебя». Потом я сидел рядом с Дымкой, смотрел на нее и думал, как ее похоронить. Негоже, чтобы земля ложилась на ее красивую шерстку, а под рукой у меня ничего подходящего не было. Тогда я снял с себя рубашку, завернул в нее мертвую Дымку и бережно опустил сверток вниз.

Подошли парни, у которых я одолжил лопату, долго стояли поодаль и подозрительно смотрели на меня, пока я восстанавливал могильный холмик. Я окончил работу, отдал им лопату, и они молча удалились, так ничего и не спросив, и не сказав. А я стоял и думал: правильно ли я поступил? И уходя, сказал: «Спите спокойно, теперь ваши души будут всегда вместе». В том, что у Дымки была душа, я не сомневался.

ТИШИНА (рассказ)

Все мои попытки уснуть не имели успеха. Я лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. А оттуда на меня низвергался бешеный поток рок – поп – или не знаю еще какой сумасшедшей музыки, такой громкости, по сравнению с которой шум кузнечного цеха, где я работал, был просто детским лепетом. Дребезжали стекла в оконных рамах, жалобно звенела в серванте посуда. А панельные стены откликались на эту какофонию каким-то гулом, как во время землетрясения. Это мои соседи сверху отмечали то ли очередной семейный праздник, то ли просто приход гостей.

Я посмотрел на часы: было три часа ночи. До начала моего рабочего дня оставалось всего четыре часа. «Видно, без снотворных таблеток сегодня мне не обойтись», – подумал я и

поднялся за лекарством. Но и после приема снотворного сон никак не приходил...

Небо за окном начало светлеть. Я оделся и вышел на улицу. Бредя по тротуару в каком-то полусонном состоянии, я наслаждался предрассветной тишиной. И вдруг она была взорвана громкими звуками музыки, какая звучит на вокзалах, привлекая внимание перед передачей объявления. Из громкоговорителя, установленного на милицейской машине, стоящей у тротуара, вслед за музыкой донеслось:

«Граждане! Горожане! Земляки! Отнеситесь с пониманием к экстренному сообщению! Сегодня в 9 часов начнется операция по спасению жизни маленькой Настеньки Воробьевой, единственной оставшейся в живых после вчерашней авиакатастрофы. Операцию будут проводить известные нейрохирурги из столицы. Им придется работать с открытым мозгом девчушки, а для этого необходима полнейшая тишина, в операционной нашей больницы нет звукоизолирующего оборудования. Поэтому городской Совет постановил: с девяти часов и до конца операции прекратить работу всех предприятия и учреждений, всего городского транспорта и личного транспорта граждан, а к жителям города просьба соблюдать полнейшую тишину. Сообщите об этом своим детям, родственникам, соседям, знакомым и незнакомым людям. Наш город должен замереть на много часов, от этого зависит жизнь нашей девочки. И мы сделаем это! О ходе операции будет сообщать без звука местное телевидение». Милицейская машина медленно поехала дальше по улице, повторяя текст экстренного сообщения. Из домов стали выходить люди, собирались небольшими группами, обсуждая вполголоса услышанное. У края тротуаров спешно парковались легковые и грузовые машины и автобусы. Замерли на рельсах не доехавшие до депо трамваи. Закрывались двери магазинов, кафе и столовых. Ровно без десяти минут девять город замер в ожидании.

Томительно тянулось время. Тишина плыла над городом, но он не был вымершим. Наверное, все жители вышли из домов на улицу. Они группировались вокруг припаркованных автомобилей, в которых были портативные телевизоры, читая время от времени пробегающие по экрану слова сообщений из городской центральной больницы. Эти сообщения, как эстафетную палочку, шепотом передавали друг другу стоявшие поодаль. И лица людей

то мрачнели, то светлели и озарялись радостными улыбками. Из небольшой церкви, расположенной в городском сквере, вышел к людям пожилой священник и начал моление о здравии рабы божьей Настасьи, произнося тихо слова молитвы. И стоящие вокруг него люди шептали слова надежды, осеняя себя крестным знаменем. Даже те, кто никогда раньше этого не делал.

Часы на здании горсовета медленно отсчитывали час за часом. Ничто не нарушало тишину. Жизнь в городе на время замерла, чтобы могла продолжаться жизнь маленькой Настеньки. И никто из горожан не роптал, не возмущался, всех объединило желание помочь девочке победить смерть. И когда прощальные лучи солнца окрасили предвечерние облака в розовый цвет, первой звездой на экранах телевизоров вспыхнуло радостное сообщение: «Операция прошла успешно, маленькая Настя будет жить».

...Дикая, громкая музыка вновь обрушилась на меня, и я проснулся.

За окном было уже довольно светло. Потолок давил на меня децибелами «тяжелого металла». Я глянул на часы: они стояли. Наверное, я забыл их вчера завести. Чтобы узнать время, включил репродуктор. Местное радио передавало последние известия:

«И напоследок печальное сообщение: Настя Воробьева, маленькая девочка, пострадавшая в недавней авиакатастрофе, скончалась сегодня утром в городской больнице. Видные нейрохирурги страны, прилетевшие к нам из столицы, не смогли в наших условиях спасти жизнь девочки. А транспортировать Настеньку в столицу при ее состоянии было смертельно опасно».

Я выключил динамик, подошел к окну. За окном громыхал двадцать первый век, шумный и жестокий.

ЛЭЛЭКА ИЗ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

(рассказ)

Осенью сорок третьего года на Полтавщине шли тяжелые бои. Фашистские войска, отступая, оказывали упорное сопротивление, часто переходя в контратаки. Но победоносное наступление советских войск уже началось, и остановить его было невозможно.

Сильно поредевший в боях стрелковый батальон вынужден был перейти к обороне на окраине сгоревшего села. Гитлеровцы окопались в балке за селом, и «выкурить» их оттуда нашим бойцам никак не удавалось. И вот уже два дня шли так называемые позиционные бои. Много вреда приносил фашистский снайпер, отстреливающий по одному наших бойцов. Для его уничтожения из штаба полка прислали аса снайперского дела, который оказался хрупкой юной девушкой по имени Надежда. Для ее охраны в команду прикрытия комбат отобрал трех лучших автоматчиков, и началась охота за немцем. Но он был неуловим и продолжал убивать красноармейцев.

Сквозь оптический прицел своей винтовки Надя обследовала все места, где мог бы прятаться фашистский снайпер, но никого там не обнаружила. После каждого выстрела немец быстро менял позицию и никогда не стрелял дважды с одного и того же места.

На третьи сутки ночью Надежда и бойцы прикрытия незаметно пробрались в развалины сгоревшего сарая за селом, откуда хорошо просматривался кустарник, густо разросшийся на невысоком холме. По мнению девушки, лучшего места для снайпера не найти. Они пролежали в сарае целый день, но немец так и не появился.

Утром следующего дня автоматчик Петр заметил какое-то движение в кустах.

– Надюша, подывысь, щось у кущах ворухається, – обратился он к девушке.

Дрожа от волнения, Надежда приникла к окуляру оптического прицела своей винтовки. Она долго вглядывалась в сплетение веток кустов, а потом тихо сказала:

– Там какая-то птица среди веток прячется.

– А ну, дай-ка твою гвинтивку. – Петр забрал у девушки винтовку и стал смотреть в прицел. – Так и е, птах якийсь. Та цэ ж наша лэлэка, крыло у нэй пэрэбыто.

– Что еще за лэлэка? – спросила Надя.

– Птах такый, що людям диток прыносыць. Аист по-русски.

– А ну-ка, дай сюда, – Надежда отобрала у бойца винтовку и стала разглядывать шевелящиеся ветки кустов.

– Да, это аист, – воскликнула она. – И крыло у него перебито. Вот и не смог улететь со своими. Смотрите, а он к нам идет.

Аист, действительно, вышел из кустов и, припадая на раненое крыло, заковылял в сторону развалин сарая.

И вдруг яркой звездочкой блеснула среди сплетения веток оптика немецкой снайперской винтовки. Видно, овладел фашистом охотничий азарт. И в тот же миг меткий выстрел Надежды успокоил немецкого аса. Не успел его труп, ломая ветки, рухнуть на землю, как на развалины сарая обрушился шквал автоматного огня. Это стреляли фашистские автоматчики из прикрытия снайпера. А между кустами и сараем на открытом месте в страхе металась раненая птица.

– Нада спасать птычку! – воскликнул широкоплечий, плотно сбитый автоматчик. – А то некому будет детишек людям приносить!

Диким прыжком он выскочил из развалин и побежал к аисту.

– Назад, Леван! Назад! – закричала Надежда и припала к прицелу своей винтовки. Но было уже поздно: скошенный очередью немецкого автомата, грузин раскинул руки и рухнул на землю.

– Ваня, прикрой! – крикнул Петро и, извиваясь, как змея, пополз к раненой птице. Надя била из винтовки по шевелящимся кустам, короткими очередями стрелял автомат Ивана.

Откуда-то из балки глухо ухнул немецкий миномет, и первая мина разорвалась возле сарая. За ней вторая, третья...

– Надо уходить, Ваня, Петро! – кричала девушка, продолжая стрелять. А Петр уже полз к развалинам сарая, держа на вытянутых руках аиста и прикрывая его тело при каждом взрыве немецкой мины. Он дополз до развалин и подтолкнул птицу внутрь. Вся спина его была посечена осколками и залита кровью.

– Врятуйтэ лэлэку, – прохрипел он и затих навеки.

Немцы из балки пошли в атаку, сначала медленно, с опаской, а потом ускорили темп.

– Надюша, бери птицу и уходи к нашим! – крикнул Иван, продолжая стрелять по залегшим фрицам. – Уходи! Это приказ! Слышишь, уходи! Твоя жизнь и мастерство еще будут нужны нашим! И птицу спаси! Пусть она принесет тебе много детей! Да уходи же ты!

Глотая слезы, девушка подхватила птицу на руки и бросилась

бежать в сторону расположения обороны батальона. Развалины сарая и автомат Вани прикрывали ее от немцев. Но шальная пуля догнала ее у самого окопа. Уже свалившись с бруствера в окоп и передавая кому-то из бойцов раненую птицу, Надя вдруг ощутила, что почему-то стало очень тихо. Сидящие на дне окопа бойцы молча сняли каски. И прежде чем сознание девушки отключилось, она увидела в глазах спасенной лэлэки почти человеческую скорбь и благодарность людям, отдавшим за нее свои жизни.

ДВА ШАГА К БЕССМЕРТИЮ

(рассказ)

Лето стояло в полном разгаре, купаясь в горячих лучах южного солнца. Разомлевший от жары поезд еле тащился по степным просторам. Мне досталось нижнее боковое место. Полку надо мной занимал мужчина лет сорока, как сейчас говорят, кавказской национальности. Он сидел напротив и внимательно разглядывал меня.

– Что вы так смотрите? – раздражено спросил я. – Понравился, что ли?

– Понимаешь, никак не могу вспомнить, где я тебя видел раньше? – кавказец всплеснул руками. – Знаю, что встречал тебя, но где и когда – не помню. И голос твой мне очень знаком.

Теперь уже я стал внимательно рассматривать соседа. Память мне ничего не подсказала.

– Может, на Кавказе встречались? Я там часто бывал в молодые годы.

Сосед даже подскочил после этих моих слов.

– На Кавказе, говоришь? Ну, конечно же, на Кавказе! В Абхазии!

Помнишь: село Ажара? Мы тогда хоронили найденного солдата, и ты выступал, я сейчас тебя по голосу узнал.

И сразу вспомнилось все: 1982 год, июль, абхазское селение и салют из милицейского пистолета над свежей могилой.

– Рассказывали тогда, что его браконьеры в горах нашли. Охотились на горных козлов и обнаружили его останки. Он вроде связистом был: рядом нашли пустую катушку от телефонного кабеля и трубку. Я правильно помню?

– Верно говоришь. Только ты всего не знаешь. А я знаю. Потому что я – один из тех браконьеров, – кавказец умолк, смущенно опустив глаза.

– Не может быть! – удивленно воскликнул я. – Ты же тогда совсем еще мальчишкой был!

– Правду сказал. Мне 15 лет было. И другу моему, с кем на охоту ходил, тоже 15 было. За турами пришлось по скалам лезть. И вдруг его увидели. Понимаешь, даже страшно стало. Не лежал на земле он, а висел, держась рукой за выступ скалы. Поднялись мы к нему, осмотрелись. Сумка с телефонной трубкой там валялась, катушка пустая от провода у самого обрыва лежала. А провод к одной ноге его был привязан и вниз по скалам уходил. Потом среди камней мы нашли брелок такой, пластмассовый, а внутри его бумага. Только она сразу же в пыль рассыпалась. Остался небольшой кусочек, а на нем буквы, часть слова какого-то. До сих пор помню: «...линской» там было написано.

Дома отец мой отругал нас, что мы брелок открыли, говорил, что там фамилия солдата была написана и адрес домашний. А бумага на свежем воздухе и солнце сразу истлела. Ведь пролежал брелок на земле четыре десятка лет. В лаборатории специальной открывать брелок надо было.

А мы этого не знали. Вот и стал солдат неизвестным. Отец с соседями и участковым ездили снимать его со скал, в село доставили. После рассказывали, что висел солдат, привязанный за руку, на телефонном проводе. Наверное, немецкие егеря так над ним поиздевались... Ну, а на торжественном захоронении ты сам был...

Кавказец замолчал, заново переживая давние события. А я стал записывать услышанные факты. Потом, в течении многих дней я размышлял над ними, и постепенно начала вырисовываться картина событий, случившихся в конце лета – начале осени 1942 года на одном из отрогов главного Кавказского хребта, когда егеря из гитлеровской дивизии «Эдельвейс» рвались в Абхазию через перевалы. Имени того солдата мы уже никогда не узнаем. Пусть в нашей памяти он останется просто солдатом. Судя по обрывку слова, который запомнил грузинский мальчишка, солдат этот – наш земляк-украинец из Донбасса. Окончание слова «...линской», думаю, принадлежит слову «Сталинской», ныне Донецкой области. К названиям других областей оно не подходит. К тому же, в 1942 году для защиты кавказских перевалов сформировали 46-ю Армию, где

большая часть личного состава была родом из Донбасса и Приднепровья. Так что все сходится, и пусть простит меня этот безымянный солдат, если то, что я расскажу сейчас о нем, происходило не совсем так. Это не умалит значения его подвига.

Клубы сизого тумана нехотя расползались по глубоким ложбинам, избородившим скальное тело гранитной вершины. Повинуясь движению воздуха, туман то стекал молочной струей вниз, то вновь карабкался наверх, то и дело, обнажая фигуру человека, медленно поднимающегося к неширокой скальной полке, крутой спиралью уходящей к зубцам вершины. Наконец человек ступил на полку, устало опустился на обломки камней, переводя дыхание. Снял пилотку, вытер пот с лица, расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки. Сбросил с плеч вещмешок, достал бинокль и принялся рассматривать нависающие скалы, прощупывая взглядом каждый метр поверхности. И вдруг внимание его сосредоточилось на одном месте. Через бинокль он отчетливо увидел свисающий круг оборванного телефонного провода.

– Вот и отлично! – воскликнул солдат хриплым голосом. – Будет у тебя связь, товарищ капитан. Скоро будет. Очень скоро.

Солдат торопливо поднялся, глянул вниз, в долину, откуда сюда пришел. Над вершинами небо то и дело озаряли вспышки света: там шел кровавый бой за Клухорский перевал. Там дрались с фашистами и умирали его боевые друзья. Он аккуратно отодвинул от края обрыва лежащую на камнях винтовку, достал из вещмешка свою рабочую сумку с инструментами и катушку с остатком телефонного кабеля и начал спускаться с полочки к тому месту, где отбитая взрывом мины каменная глыба придавила край оборванного ею телефонного провода. Солдат долго пытался сдвинуть эту глыбу с места или хотя бы приподнять её, чтобы освободить провод. И хоть обломок скалы был всего два шага в длину и столько же в ширину, ее вес оказался бойцу не под силу.

– Эх, был бы жив мой напарник, – вслух думал солдат, – он молодой, силенок поболее, чем у меня, вдвоем мы бы справились с этим камнем.

Да и ни к чему это было: у него на катушке провода еще много оставалось. Обрезали бы край провода, и делов-то всех.

Напарника солдат потерял вчера, когда нарвались они на засаду немецких егерей. Сразила товарища фашистская пуля, и улетел он с обрыва в пропасть вместе с катушкой и запасом провизии. И остался

солдат один на один с суровыми горами, жестоким врагом и чувством долга перед боевыми друзьями и Родиной.

После еще одной безуспешной попытки сдвинуть камень солдат обрезал у самой глыбы часть кабеля, уходящую вниз, соединил его края с проводом на катушке и снова полез по скалам на полочку. Кабеля, что был у него на катушке, хватило только до скальной стены, уходящей от полки вверх, на которой висели на фоне неба кольца другой части оборванного кабеля. Отдышавшись, боец с трудом поднялся по выступам скалы к висящим кольцам, развернул их, опустил провод вниз. Конец кабеля до полочки не достал. Чтобы соединить оба края разорванного кабеля, не хватало куска длиной всего каких-то двух шагов – того самого куска кабеля, что лежал внизу под каменной глыбой. А катушка у солдата была пуста.

Он привалился спиной к скале, закрыл, глаза, ветер доносил до него звуки дальнего боя. Представил солдат, как телефонистка Светлана без устали кричит в мертвую телефонную трубку свои позывные: «Я – Земля! Я – Земля!». Как его друг Сашко из разведроты, сидя на снежной вершине, неустанно сообщает «Земле» о продвижении немецких альпинистов по скалам в обход наших, называет координаты огневых точек эдельвейсовцев в надежде, что его все-таки услышат.

Надо что-то делать, – сказал сам себе солдат, поднимаясь. – Винтовка! – вдруг мелькнула мысль. – Ну, конечно же, винтовка! И два провода из телефонной трубки!»

Он начал лихорадочно работать, и вскоре два провода из трубки и металлическое дуло винтовки соединило оба конца одного из проводов оборванного телефонного кабеля. Теперь осталось соединить два конца второго провода – и связь заработает. Но соединять их было нечем.

Застонал от сердечной боли солдат, от бессилия что-либо сделать. Обхватил голову руками и замер, прижавшись к скале. И вдруг вспомнился ему учитель из училища и его слова: «Помните, хлопцы, всегда помните, что человеческое тело – хороший проводник электричества».

Решение пришло мгновенно. Достал нож и зачистил от оплетки оба края разорванного провода, затем снял с одной ноги ботинок, размотал обмотку. Конец провода, идущего снизу, обернул вокруг ноги выше щиколотки и скручивал плоскогубцами медную жилу до тех пор, пока не почувствовал, что нога стала неметь. Затем подошел

к скальной стенке, поймал рукой край верхнего провода, обнаженной частью его обмотал правую руку выше кисти и хорошо поработал плоскогубцами. Да так и застыл, распластавшись по гранитной стене, умиротворенный чувством исполненного долга...

...— Товарищ капитан! Товарищ капитан! – девушка-телефонистка влетела в командирскую палатку. – Связь появилась! Появилась связь! «Небо» уже отвечает! Саша докладывает координаты.

– Вот молодцы, хлопцы! – капитан вскочил с ящика для патронов. – Какие молодцы! Представлю к награде, когда вернутся. Только бы остались живы. Только бы вернулись живыми...

Живут на планете песни,
похожие на легенды.
Бродят по странам легенды,
как песни.

Песни и легенды
слагают люди,
И сами становятся песней,
И сами входят в легенды.
Давайте о них будем помнить,
О тех, кто вошел в легенду,
И детям о них расскажем,
И детям детей расскажем,
И правнукам нашим расскажем,
Чтоб тоже помнили их.

УНИКАЛЬНЫЙ ЭКСПОНАТ

(рассказ)

Среди множества музейных предметов встречаются уникальные экспонаты, которые представляют лицо музея, его главную ценность и гордость. В нашем музее истории города есть один особенный экспонат, уникальность которого заключена в том, что он является участником Великой Отечественной войны, прошедшим через жестокие бои, помогавшим бойцам сражаться и побеждать. Это не боевое оружие, не священное знамя, не фронтовая газета. Это – обыкновенный патефон довоенного выпуска.

Патефон я подарил нашему городскому музею как память о моем отце, ветеране Великой Отечественной войны. Патефон прошел с ним всю войну, делил все тяготы фронтовых дорог. Отец и после Великой Победы не расставался со своим «фронтовым другом». В памяти моей нетленно живут те волшебные, счастливые вечера, когда под тихое звучание патефонных мелодий отец рассказывал мне о войне.

После ухода отца из жизни героический патефон и уцелевшие в боях граммофонные пластинки стали экспонатами в моем домашнем музее. Когда открылся городской музей и меня назначили его директором, я твердо решил, что этот уникальный экспонат должен находиться в музее города: пусть радуется не только меня, но и многочисленных посетителей музея.

Об удивительной судьбе патефона я рассказываю экскурсантам всегда в конце экскурсии, демонстрируя его работу. Сколько радости и восторга вызывает у детворы звучание патефонной пластинки, ведь они никогда в жизни не видели такого «чуда». А довоенные песни до слез трогают душу старшего поколения, навевая воспоминания о счастливой юности. Мой рассказ об участии патефона в войне, как машина времени, воссоздает события тех далеких военных дней.

Защищать Родину мой отец ушел на второй день после начала войны. Воевал сначала в составе знаменитой кавалерийской дивизии генерала Панфилова. В боях под Москвой был тяжело ранен и выжил благодаря преданности личного коня Орлика, который вынес его с поля боя и доставил в медсанбат. После лечения в госпитале отец был направлен в артиллерийский полк. Здесь он снова встретился с лошадьми – незаменимыми помощниками солдат-артиллеристов. Пушки того времени передвигались по фронтовым дорогам с помощью четверки или шестерки запряженных в них лошадей. Была

даже такая солдатская должность – «ездовой», который управлял лошадьми.

В первый день прибытия отца на батарею был тяжелый бой с фашистскими танками. Танки повернули назад, но радости от этого у бойцов не было. Они потеряли двух боевых товарищей, трех лошадей и одно орудие. Повсюду в воронках от снарядов и мин дымилась земля. Изможденные, смертельно уставшие бойцы, понуриив головы, сидели неподвижно на земле. Только санитар перевязывал раненых, и ездовой по очереди обнимал за шею лошадей и что-то шептал им на ухо, успокаивая после боя. Стояла какая-то гнетущая, обманчивая тишина, все знали: немцы снова вот-вот пойдут в атаку. И вдруг в этой тишине зазвучало что-то такое родное, знакомое. Над дымящейся землей тихо плыла веселая музыка, и голос любимого певца Леонида Утесова вплетал в мелодию слова песни о старом извозчике.

Еще не понимая, откуда это «чудо», бойцы стали подниматься с земли, вслушиваясь в песню. И светлели лица людей, и появились первые улыбки. Вслед за песней зазвучал марш «Москва майская», вселяя бодрость в уставших солдат. Мелодия лилась из небольшой лощинки, где прятались во время боя батарейные лошади. В кругу лошадей на земле сидел новенький ездовой Василий Петренко, прибывший на батарею два дня назад с пополнением. Рядом с ним стоял самый настоящий патефон, на котором крутилась пластинка. Как пояснил всем Василий, этот патефон он увидел в разбитой хате соседнего села. Будучи страстным любителем музыки, он, конечно, не мог пройти мимо и взял патефон и неразбитые пластинки с собой. Возил их на одной из лошадей в переметных сумках, которые сшил сам.

Концерт любимой песни был прерван командой: «Батарея, к бою!». Из-за горизонта медленно выползали на поле тяжелые немецкие танки. За ними перебегали, как мыши, фашистские автоматчики.

Бой длился больше часа. Уже пылали четыре немецких танка, но остальные, обходя подбитые, упорно продвигались к батарее, стреляя почти в упор. Закончились снаряды для пушек, бойцы приготовили гранаты. Положение спасли два советских танка – присланное подкрепление. Они на полном ходу врезались в ряды фашистских машин и завязали бой. Немцы отступили, потеряв еще три танка.

Дымилась земля, искореженная воронками от немецких снарядов.

Сиротливо подняла ствол к небу единственная уцелевшая пушка, как будто молилась. То тут, то там лежали погибшие артиллеристы. А в лощине среди убитых коней умирал смертельно раненый ездовой Василий Петренко. Рядом с ним, опустив голову, стояла лошадь с переметными сумками по бокам. Из ее красивых синих глаз медленно стекали на землю слезы.

Петренко жестом подозвал моего отца и с трудом прошептал:

– Там... в сумках... патефон... пластинки... сохрани... лошадь не бросай... Поставь любимую... «Закувала та... зозуля»...

Еще звучала над остывающим полем боя мелодия украинской песни «Закувала та сива зозуля», а ездовой Василий Петренко уже ушел из жизни. Похоронили его отдельно от остальных погибших рядом с захоронением лошадей. Патефон с пластинками теперь был у отца, их по-прежнему возила в сумках уцелевшая лошадь.

Артиллерийский полк, в котором воевал отец, был отправлен на переформирование. Вместо устаревших пушек пришли самоходные артиллерийские установки. Отца назначили командиром батареи, в его распоряжении был «газик», так что проблема перевозки патефона и пластинок была решена. С лошадью пришлось расстаться: отец подарил ее одному старому крестьянину из освобожденного села. А концерты любимых песен отец устраивал после каждого боя. В репертуаре были самые популярные песни довоенного времени: «Нам песня строить и жить помогает», «Спой нам, ветер», «Катюша», «Три танкиста», грузинская песня «Сулико», «Спят курганы темные», «Синий платочек» и многие другие в исполнении Марка Бернеса, Николая Крючкова, Михаила Жарова, Клавдии Шульженко, Леонида Утесова.

Эти концерты возвращали память солдат в мирное время, в родные дома, к любимым семьям. Батарею стали называть «Эстрадой», слух о ней распространился далеко за пределами ее дислокации. Прослышал об особенной батарее командующий Константин Константинович Рокоссовский и заглянул при случае. В результате его посещения отец был награжден орденом Боевого Красного Знамени с формулировкой: «За умелое воспитание боевого духа у личного состава». Позже командующий прислал на батарею бесценный подарок: комплект новых граммофонных пластинок, среди которых были «Темная ночь» и «Смуглянка». Эти две песни больше всего любили слушать бойцы, а под «Смуглянку» они, ликуя, неистово плясали в поверженном Берлине.

Теперь патефон на заслуженном отдыхе, но в музее продолжает работать для людей, передавая молодому поколению жизненные ценности ветеранов войны, спасших планету от фашистского порабощения.

ДВЕ НАГРАДЫ ЗА МУЖЕСТВО (рассказ)

Закончив утреннюю пробежку, журналист Анатолий Степанов присел отдохнуть на скамью в конце аллеи, вытер со лба обильный пот, достал из кармана спортивных брюк блокнот, служивший ему дневником, и начал писать:

«Наконец-то окончились все мои хлопоты по обмену квартиры. Теперь живу в другом микрорайоне в однокомнатной «хрущевке», хоть и далеко от места работы, но зато больше не испытываю тех унижений и прямых издевательств, которые выпали на мою долю в последние месяцы.

Двухкомнатный «дворец» в центре города я отдал супруге и дочери. Ни о чем не жалею, разве, что не сделал этого раньше...».

Анатолий отложил блокнот в сторону и задумался. Он не заметил, как мимо него прошла удивительная пара: тоненькая девушка катила впереди себя инвалидную коляску, на которой дремал грузный пожилой мужчина. Степанов увидел их уже в спину, и в нем проснулось журналистское любопытство. Он быстро догнал эту пару и прогулочным шагом пошел вдоль противоположного края аллеи, искоса наблюдая за ними.

Мужчине на вид было лет сорок, сорок пять. Его лицо было покрыто пятнами ожогов. Седина обильно посеребрила густую шевелюру. Причина его инвалидности скрывалась, вероятно, в ногах, но они были покрыты шерстяным пледом, поверх которого как-то беспомощно лежали руки, тоже со следами воздействия огня.

Девушке было лет восемнадцать-двадцать. Одета была она в длинное до пят темно-синее платье, голову и плечи закрывал черный платок, надвинутый на самые брови, концы платка свободно спадали до пояса. Из-под платка в туманную

даль печально смотрели огромные синие глаза, так не совместимые с ее мрачным одеянием. Всем своим видом девушка напоминала монашку, что удивило Анатолия, так как он точно знал, что в этом микрорайоне, да и во всем городе монастырей не было. Девушка никак не среагировала на эскорт-сопровождение Степанова, поэтому он остановился у очередной скамейки, а странная пара медленно последовала дальше под сводами пирамидальных тополей и вскоре свернула на соседнюю улицу.

В последующие дни, совершая утреннюю пробежку, Степанов регулярно встречал на аллее эту пару и даже стал здороваться с ними. Мужчина и девушка отвечали легким наклоном головы, не вступая в разговор и не останавливаясь рядом. А Толя не решался задавать вопросы, заполнившие страницы потрепанного блокнота, куда он записывал информацию обо всех событиях и встречах в его жизни и в жизни города.

Девятого мая на городском празднике в честь Дня Великой Победы журналист Анатолий Степанов был в гуще пришедших на встречу ветеранов войны, переходя от одной группы к другой с вопросами и неизменным блокнотом. У постамента с танком Анатолий вдруг заметил знакомую пару. Подошел, поздоровался, поздравил с праздником. На поздравление ответил только мужчина, а девушка слегка кивнула головой. Они молча разглядывали друг друга. На мужчине был китель и фуражка летчика гражданской авиации. На кителе сверкала, в лучах весеннего солнца, правительственная награда, какую дают за проявленные мужество и героизм: медаль «За отвагу». Девушка была одета в длинное платье бежевого цвета и такой же платок, полностью скрывающий ее лоб и плечи. Но потрясло Степанова то, что на груди у девушки сияла такая же медаль, как у седого мужчины.

– За Афган? – спросил Анатолий у мужчины, слегка, коснувшись медали.

– Нет, в Афгане я не был. А вот с террористами столкнуться в небе пришлось.

– А у нее? – Степанов взглядом указал на девушку.

– У Дины? – переспросил летчик. – Так это за спасение меня из лап неминуемой смерти. – Он жестом попросил Анатолия нагнуться и прошептал:

– Понимаешь, она же совсем маленькой была, и на глазах

у нее отец с матерью погибли. И братишка с сестрой, да и все пассажиры, кроме нас двоих. А Дина нашла в себе силы вытащить меня из огня, а потом... мужчина осекся и замолчал, увидев укоризненный взгляд девушки. Она кивнула Степанову головой и решительно развернула коляску.

Весь остаток дня и ночь Анатолий думал об услышанном. Ему казалось, что давным-давно он уже слышал эту историю, или читал о ней. Ну, конечно же, читал: в памяти внезапно всплыла маленькая статья в какой-то газете, где был описан похожий случай. Целую неделю Степанов провел в архиве центральной городской библиотеки, просмотрел сотни подшивок старых газет, пока не нашел то, что искал. В газете «Труд» десятилетней давности он увидел статью «Летчика спасла маленькая девочка». В статье говорилось о том, что пассажирский самолет потерпел аварию и упал на ледник в горах Памира. В живых остались только пилот и десятилетняя девочка. Дина, у которой погибла вся семья, сумела вытащить раненого летчика из горящего самолета, оказать ему медицинскую помощь и даже вызвать по радио спасателей. У юной героини спросили: кем она хочет стать, когда вырастет? И девочка убежденно ответила: «Доктором! Чтобы вылечить дядю летчика».

Дождавшись, когда Дина ушла на базар, Анатолий показал газетную статью седому пилоту, сидящему в коляске у своего подъезда, и спросил:

– Это о вас?

Тот внимательно прочитал заметку и утвердительно кивнул головой. И тут возмутился:

– Ну, что за люди эти репортеры? Обязательно что-нибудь приврут!

– Скажите, а что в статье написано неверно? – слегка обижаясь за братьев по перу, задал вопрос Степанов.

– Ну, хоть бы то, что наш самолет потерпел аварию, – голос летчика задрожал. – Нас банально взорвала террористка. Ну, а разговаривать с кем-либо Дина просто не могла – когда там, на леднике в обломках горящего самолета девочка увидела останки своих родных, она онемела от сильнейшего стресса, и до сих пор говорить не может, мы объясняемся на языке немых, освоили его на специальных курсах. А остальное – все правда.

И только теперь Толя понял, почему девушка за все время их

общения не произнесла ни слова.

– Расскажите мне все поподробнее, – попросил пилота Степанов. – Не волнуйтесь, я писать об этом не стану. Просто мне самому очень интересно.

– Почему писать не станешь? – с возмущением воскликнул летчик.

Ты напиши, о Дине напиши, только правду. Пусть нынешняя молодежь узнает, какими были люди в советское время. Я буду рассказывать, а ты записывай для памяти.

Анатолий вынул из кармана свой блокнот и приготовился слушать...

«– Взлетели мы из Душанбе рано утром. В городе было уже беспокойно: демократы местные уже начинали поднимать головы, многие русские стали семьями покидать Таджикскую Республику. Самолет был заполнен до отказа: 52 пассажира и шесть человек экипажа – я, второй пилот, две бортпроводницы Саша и Лена, штурман-радиотехник и бортмеханик. Курс держали на Москву. Первые полчаса полета все было хорошо. А потом началось. Трое парней и одна девчонка из пассажиров вдруг вскочили из кресел и выхватили из-под курток десантные автоматы со складным прикладом. Один террорист устремился в кабину летчиков, но на его пути встала наша Аленка, повторяя подвиг Нади Курченко, помнишь, бортпроводница была на Сухумском рейсе, первая закрыла собой пилота от пуль бандитов. Свинцовая струя пронзила девичью грудь, Аленка упала, и террорист оказался в нашей кабине. Мой коллега, второй пилот бросился на него, но рухнул, сраженный автоматной очередью. А бандюга уперся в мой затылок дулом автомата и приказал менять курс на Афган. Пришлось подчиниться: за спиной у меня находилась полсотни людей, среди которых было много детишек. А тут у бортмеханика прихватило сердце. Не выдержал всего старик. Я сказал террористу, пусть наша бортпроводница воды принесет, иначе поворачивать не стану. Ему делать нечего: приказал воды принести. Наша Сашуля, отчаянная девчонка, поставила стакан с водой на медный поднос и понесла через весь салон в кабину пилотов. Бандит к девушке спиной стоял. Она в дверь вошла, да как огреет его подносом по башке, тот и рухнул на пол. Саша дверь в кабину закрыть не успела. Террористка, что близко от двери была, в нее и вскочила. Автоматом из стороны в сторону водит, что-то вопит на своем языке. Ну, а Саша ее сзади за шею схватила и рукой, согнутой в

локте, ее горло зажала. Бандитка от неожиданности свой автомат выронила, но через мгновение руку под куртку сунула... Дальше я ничего не помню. Очнулся от того, что на голову вода льется. Кабина и часть салона от остальной части самолета оторвалась.

Кругом снег, а над ним пламя полыхает. От его жара снег тает, вот талая вода меня в чувства и привела. Попробовал подняться, но от страшной боли в ногах снова отключился. Когда вновь очнулся, увидел ангела над собой: детское личико с окаменевшим взглядом и ореолом из белых волос-кудряшек. Подумал, что я уже на том свете, и снова провалился в темноту.

Пришел в себя от страшного грохота. Понял: взорвались топливные баки нашего самолета. А я лежу на каком-то скальном выступе посреди снега и льда. Рядом догорает оторвавшаяся часть самолета. А ниже выступа катается по снегу мой ангелочек, гасит тлеющую свою одежонку.

Как она меня из горячей разбитой кабины вытащила и на это место доставила, – ума не приложу. Но благодаря этой девочке живым остался. Осмотрелся я, с уступа все хорошо видно. Когда понял, что кроме нас двоих в живых никого нет, а вокруг на десятки километров только лед, снег да вздыбленные камни, стал я думать, как нам к людям добраться. Было понятно, что своими силами нам этого не сделать. Ног я совсем не чувствовал, руки были сильно обожжены. Да и крови я много потерял. Ангелочек мой, платячко свое на ленты порвала и этими лентами раны мои перевязала, кровь остановила. Но я совсем ослабел, даже ползти не мог. И девчушка совсем из сил выбилась, ведь ей всего десять годиков было. Такое страшное ей довелось пережить. От этого и речь потеряла. Все видела, слышала, понимала, а вот говорить не могла, уже десять лет молчит. Друзья мои – пилоты по разным врачам ее возили, а результата никакого...

Летчик умолк, переживая заново события десятилетней давности. Подождав немного, Степанов нарушил тягостное молчание:

– Как же вам удалось выбраться оттуда?

Летчик очнулся от мыслей, встряхнул головой, отгоняя их, и продолжил рассказ:

– Про запасную рацию вдруг вспомнил, что находилась в пилотской кабине. По моей подсказке Дина отыскала ее. К

счастью, рация оказалась в рабочем состоянии. Потом научил девочку включать передатчик и пользоваться ключом, Дина – смышленная девчонка, быстро все освоила. И полетели в эфир сигналы «СОС». Мы передавали сигналы бедствия, пока не кончилась энергия батарей. А через два дня к нам прилетели на вертолете спасатели. Вот и все.

– А о наградах Вы забыли рассказать. Где Вам их вручали? – не давая разрастись паузе, спросил Анатолий.

– Медали «За отвагу» нам с Диной вручали в Москве, сам Первый заместитель Председателя Верховного Совета страны. С ледника нас доставили сперва в Душанбе, а потом в Москву. Полгода московские клиники выхаживали нас, возвращая здоровье и относительную красоту. Ведь у меня и у Дины значительная часть кожи была не только обгоревшей, но и обмороженной. Те два дня, что мы ждали спасателей, мы находились на леднике, на большой высоте над уровнем моря, при тридцатиградусном морозе. Хорошо, что на мне была теплая полетная куртка, а у девочки вообще ничего теплого не было. Заворачивал я ее в свою куртку, прижимал к себе, – так и коротали две длинные ночи, согревая друг друга. Как мы с Диной выжили, – я и сам не знаю. В больнице нас считали героями, а когда нам награды вручили, весь больничный персонал собрался, настоящий праздник нам устроили.

Лечили нас московские светила медицины, здоровье нам вернули, вот только мои ноги и немоту девочки вылечить не смогли. А как выписали нас из больницы, забрал я девочку к себе. У нее никого в мире не осталось, у меня тоже... – пилот запнулся, а потом шепотом выдохнул: – ведь в том самолете и моя жена с сыном летели... Вот и стала Дина мне родной дочкой, а я ей – отцом.

Летчик глянул на часы и торопливо сказал:

– А теперь уходи скорее. Сейчас Дина вернется. Я не хочу, чтобы она увидела нас вместе и расстроилась.

После этого разговора почувствовал Степанов, что Алексей Иванович, так звали седого летчика, и девушка Дина вошли в его жизнь, как родные люди. Ему все время хотелось видеть их, общаться с ними, помогать им в делах, заботиться о них. Анатолий чувствовал, что под монашеской одеждой Дина скрывает следы того страшного дня, и ему было очень жаль эту юную девушку. Он не знал, как ей помочь, он видел, что его

забота тяготит Дину, но сделать с собой ничего не мог. Когда Дина уходила из дому на базар или по магазинам, Толя незримо следовал за ней, готовый в любую минуту прийти на помощь. И вскоре такая минута настала.

Однажды, когда Анатолий сопровождал Дину, шагая по противоположной стороне улицы, его остановил бывший коллега и стал расспрашивать о работе, о жизни, творческих планах и успехах. Дина тем временем свернула с улицы и пошла по аллее парка, сокращая путь. Отвечая на бесконечные вопросы коллеги, Степанов потерял девушку из виду. И вдруг он отчетливо услышал слабый девичий крик: «Папа, папа, папулька!» Еще ничего не осознавая, Анатолий бросился на помощь. Видя, как Анатолий ринулся через проезжую часть на другую сторону улицы, его коллега поспешил за ним, лавируя между сигналящими машинами,

Выскочив на аллею парка, Степанов увидел, как в конце аллеи четверо подвыпивших балбесов окружили Дину, давая волю рукам. Внезапно девушка медленно осела на землю, по-видимому, потеряв сознание. Вихрем налетел Анатолий на обидчиков Дины. Вспомнив приемы самбо, которые он изучал в молодости, Степанов сбил с ног одного из балбесов, но тут же мощный «бугай» сильным ударом отбросил его на землю. А два подонка уже тащили отключившуюся девушку в заросли кустов вдоль аллеи. Боевой клич как гром среди ясного неба, остановил их. В то же мгновение коллега Степанова схватил парней за шиворот двумя руками и, стукнув лбами, швырнул через аллею на ту сторону. Подхватившийся с земли Степанов точным приемом нейтрализовал «Бугая». Четвертый поденок, не дожидая своей участи, кинулся бежать что есть духу. Толя склонился над лежащей на земле девушкой. Сознание покинуло ее. Пуговицы на ее строгом платье были оторваны, с головы сорван платок. Алексей с ужасом смотрел на редкие короткие волосы на голове Дины: они были совершенно седыми. На лбу и шее девушки проступали следы бывших ожогов. Степанов покрыл голову Дины платком и привел ее в чувства.

Дина непонимающим взглядом посмотрела на Степанова и его коллегу, потом узнала Анатолия, вспомнила, что произошло, и залилась слезами. Степанов прижал к себе девушку и стал шептать ей ласковые слова. И Дина успокоилась. А Толя все

думал: почудилось ему, что девушка звала на помощь отца, или взаправду это было. И он решил проверить. Наклонясь к уху девушки, Толя сказал:

– Мы не будем рассказывать Алексею Ивановичу о том, что произошло? И Дина, подумав, тихо сказала:

– Не будем, а то он расстроится.

Анатолий едва сдержал радостный крик, боясь испугать девушку. Через десять лет Дина снова заговорила. Вероятно, подействовал стресс, который девушка только что перенесла. Степанов читал, что так бывает, когда сильный испуг или другое переживание, возвращают больным речь, способность двигаться, нормальную работу внутренних органов. Так произошло и с Диной. Но она этого не поняла, не заметила, что дар речи вернулся к ней.

То, что Дина вернулась домой вместе с Анатолием, удивило Алексея Ивановича. Степанов опередил его вопрос:

– Вот, шел мимо, увидел Дину, решил навестить Вас. Вы не возражаете? Летчик молча кивнул головой. Лицо его выражало волнение.

– Почему ты так долго ходила? – обратился он к девушке. – Я уже начал волноваться.

– Ну, и напрасно. – медленно, но четко сказала Дина. – Ничего со мной не случилось. Просто в магазинах были очереди, а потом в парке я кормила белочек.

– Дина... Дина... ты... – Алексей Иванович недоверчиво смотрел на девушку, еще не понимая, произнесла она эти слова вслух, или она сообщила их жестами языка немых. Анатолий, глядя на него в упор, приложил палец к губам и утвердительно кивнул головой. Лицо седого летчика озарилось радостной улыбкой, и он вдруг приподнялся в коляске, опираясь на ноги, в стремлении поскорее обнять дочь. Она сама бросилась к отцу.

– Дина, родная моя, ты заговорила! Какое счастье! – без конца повторял Алексей Иванович, и слезы радости медленно катились по его щекам.

– Папка, папулька, неужели это правда? Я говорю? Да? – Дина все еще не верила. И вдруг она заметила, что отец стоит на подножке коляски, опираясь на ее плечи. – Папка, ноги! Твои ноги! Смотри! И только сейчас седой пилот ощутил, что он стоит на своих ногах, еще мгновения назад таких бесчувственных

и непослушных.

– Я чувствую их! Динулька, ты слышишь: я чувствую их! Я стою! Теперь они плакали оба, два человека, ставшие родными друг другу. Плакали от большой радости, одержав долгожданную Победу. Степанов, потрясенный и счастливый, потихоньку выскользнул из квартиры. На следующий день Анатолий отправился в городской театр, разыскал театрального художника, объяснил ситуацию. Потом они два часа провели в костюмерной театра, и когда нашли, то, что искали, Анатолий отправился в гости к Алексею Ивановичу и Дине с букетом алых роз и маленьким свертком в руках.

– Я пришел поздравить Вас с Вашим большим семейным праздником, – сказал прямо с порога Степанов, вручая Дине розы и сверток. – Ты пойдешь в соседнюю комнату и примерь то, что в пакете. Тебе должно понравиться. И одень, пожалуйста, свое светлое платье, в котором ты была на празднике Победы. Сегодня ведь тоже праздник Победы, вашей Победы над болью и жестокой судьбой. А мы с папой пойдем готовить праздничный стол, – и взялся за ручки коляски.

– Как Вы себя чувствуете? – спросил Анатолий летчика, когда они уединились на кухне.

– Ты знаешь, Толя, мои ноги все больше отходят, я уже могу шевелить пальцами. А Дина все время щебечет, даже песенки напевает. Скажи мне, что произошло вчера, когда дочь выходила в город?

– Ничего не произошло, – уверенно вымолвил Степанов. – Просто время пришло и все вернулось на место. Ведь и ноги Ваши вернули себе свои функции.

Дверь распахнулась и Дина вошла в комнату. Двое мужчин смотрели на нее и не узнавали. Длинное бежевое платье подчеркивало стройность ее фигуры. Коса каштанового цвета спускалась с плечей на грудь и касалась пояса. А из-под густой челки смотрели на них ослепительно синие глаза, слегка растерянные, но очень счастливые.

– Какая же ты красивая у нас! – воскликнули разом пилот и журналист. Настоящая восточная принцесса! Вот это да! А мы и не знали, что такая красота таится рядом с нами.

– Ваша Светлость, разрешите поправить Вам прическу, – сказал Анатолий, подходя к девушке и склонившись в низком

поклоне. Дина с царственной улыбкой одними глазами дала разрешение. Степанов в нескольких местах подправил парик, поработал расческой.

– Ну, вот, теперь Вы еще красивее, Несравненная Звезда Востока! Не хватает только драгоценных украшений.

– Сейчас будут, – вступил в разговор Алексей Иванович. – Неси-ка, дочка наши медали. Они ведь тоже большая драгоценность.

Когда Дина ушла в соседнюю комнату, летчик обратился к Степанову:

– Помоги мне, Толя, добраться к столу. Надоела мне эта коляска. Хочу посидеть за праздничным столом, как все люди.

Опираясь на плечи Степанова, Алексей Иванович, хоть и с большим трудом, преодолел эти два метра до стола на своих ногах. И вот они все сидят за столом. Празднично сияют глаза у людей, ярче алмазов сверкают две медали «За отвагу» на груди у седого пилота и юной девушки, радостно светятся глаза у журналиста Степанова. Он поднимается с бокалом янтарного вина:

– Разрешите мне, как человеку, чью жизнь вы наполнили большим смыслом и человеческим счастьем, поднять этот бокал за вас и сказать тост. Я желаю вам, Дина, чтобы Вы были до конца дней Ваших такой же красивой и счастливой, как в данную минуту! Я желаю Вам, Алексей Иванович, чтобы Вы крепко стали на ноги и расправили крылья для высокого полета! Я желаю вам обоим, чтобы Вы всегда держались вместе, помогая друг другу, согревая теплом, как на том далеком леднике. Даже когда ты, Дина, встретишь своего Принца и войдешь хозяйкой в его Королевство. Я прошу Вас всегда носить ваша медали «За отвагу», если не на груди, то в памяти. Помните, что Вы входите в когорту отважных людей, на которых держится наш мир. И еще я прошу Вашего разрешения написать о Вас книгу. Сколько замечательных людей выросли на примере книги Этель Лилиан Войнич «Овод»! Скольких воспитала книга Николая Островского «Как закалялась сталь!». Книга о Вас тоже поможет людям в самовоспитании. Седой мужчина и юная красивая девушка внимательно посмотрели в глаза журналиста Анатолия Степанова и слегка кивнули головой.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ

(рассказ)

Старенький «пазик» едва тащился по пыльной горной дороге, надрывно урча на крутых подъемах и радостно распевая на длинных спусках. Автобус вез меня к морю, и я в ожидании предстоящей встречи нетерпеливо отмечал мелькающие за окно пейзажи, приближающие меня к цели моей поездки.

Нет, у моря я бывал уже много раз, мое волнение вызвано маленьким Приморским городком, скорее поселком городского типа, рассыпавшим свои белые хатки у подножия невысокого мраморного хребта. Потому и зовут этот городок Светлогорском. Славится он не своими пляжами и сервисом отдыха, а уникальным геологическим музеем, очаровавшим меня в прошлом году.

Музей создал известный ученый-геолог Александр Евгеньевич Бергман, проживший свое последнее десятилетие под скалами Светлогорска. Его личная коллекция минералов и богатый гербарий редких растений заложили основу музейной экспозиции. Но уникальность музея таится не в экспонатах, от которых трудно оторвать взгляд, а в личности экскурсовода – скромной девушки Вари, человека необычной судьбы и большого таланта. Ее рассказ во время экскурсии – это не только сообщение информации. Общаясь с Варей, посетители впитывают какую-то особую энергию счастья. Такое счастье вновь ожидает меня в Светлогорске.

Мужчина, дремавший в кресле рядом со мной, проснулся и от нечего делать завел со мной разговор.

– Решили попляжиться у моря? Где, если не секрет?

– В Светлогорске конечно.

– Вы с ума сошли! Дряной провинциальный городишко! Хуже места для отдыха вы нигде не найдете. Или у вас там родственники?

– Да, родственники, – с гордостью ответил я, потому что такие люди, как Варя, не могут быть не родными. – Вы точно не были в Светлогорске. А отзываетесь о нем несправедливо. В городе много уникального, например, геологический музей. Вы были в нем?

– Что я там забыл? Вообще, музеям и театрам я предпочитаю хороший ресторан. А такового в Светлогорске нет. Поэтому я туда не езжу и Вам не советую.

После таких слов соседа я отвернулся к окну и стал смотреть на дорогу. Сами собой нахлынули воспоминания...

...О геологическом музее Светлогорска я узнал еще в студенческие годы из биографической книги серии «Жизнь замечательных людей», посвященной выдающемуся ученому Александру Евгеньевичу Бергману. Родилась мечта посетить музей Светлогорска. Это мне удалось осуществить только прошлым летом. С замиранием сердца ступал я на ковровые дорожки музея, ведущие в царство красоты. В камни я влюблен с детства. Стать геологом-профессионалом мне не пришлось, но любовь к минералам и горным породам я сберег на всю жизнь. И каждая встреча с ними для меня большой праздник неповторимых чувств и эмоций. В ожидании такого праздника рядом со мной у закрытых дверей экспозиционного зала находилось еще человек двенадцать. Экскурсовод что-то задерживался, и мы слушали рассказ о Бергмане местного жителя, земляка ученого. Так он нам представился. Не заметили, как к нам подъехала на инвалидной коляске девушка лет восемнадцати-девятнадцати. Мы посчитали ее еще одной посетительницей, но вдруг она громко сказала:

– Ну, что ж, товарищи, начнем экскурсию. Я ваш экскурсовод, зовут меня Варей. – И она медленно покатила в распахнутую дверь зала.

От огорчения я не смог сдвинуться с места. Я так ждал встречи с коллекцией Бергмана, и вот на тебе! Что может поведать нам эта девчушка, наверняка студентка-практикантка, да еще инвалид?! Праздничное настроение сменилось апатией. Я равнодушно поплелся за остальными экскурсантами. Чувство обиды заполонило всего меня.

То, что я увидел в зале, сразу подняло мне настроение. Я словно попал во владения хозяйки Медной горы из сказов писателя Бажова. В стеклянных шкафах и витринах сверкали гранями, переливались красками, восхищали формами, удивляли размерами одиночные кристаллы, их семьи (друзы), просто образцы минералов и горных пород. Сразу у дверей на стене висел портрет основателя музея Бергмана Александра Евгеньевича, нарисованный масляными красками и помещенный в красивую деревянную раму, украшенную кристаллами цветных камней. Посреди зала круто уходила вверх старинная деревянная лестница, ведущая на второй этаж, где располагался еще один экспозиционный зал.

Группа остановилась у портрета Бергмана, и Варя начала рассказывать биографию ученого. Я решил познакомиться с камнями самостоятельно, отошел от группы и стал любоваться

неповторимыми образцами горного хрусталя и его разноцветных собратьев. Как вдруг со стороны группы зазвучали прекрасные поэтические строки. Стихи читала девушка в инвалидной коляске – экскурсовод Варя:

О камни, спавшие веками
и время знавшие суровое,
О камни, розовые камни,
сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились –
вам не предстало быть во мгле!
Наверх, на землю, к людям вырвались –
и стало радостно земле.

Я присоединился к группе, и когда Варя закончила чтение, спросил:

– Скажите, это стихи Александра Евгеньевича? Он ведь писал стихи.

– Нет, это стихи народные. Неизвестного автора, – поправилась Варя. – Пойдемте дальше, познакомимся с камнями поближе. И пусть это знакомство станет еще одной радостью в вашей жизни.

По тому, как мгновенно порозовело ее до этого очень бледное лицо, как запнулась она, отвечая на мой вопрос, я понял, что стихи написала сама Варя. Девушка сразу выросла в моих глазах как личность. Я увидел в ней единомышленника.

А Варя вела нас от витрины к витрине, вдохновенно рассказывая о своих любимых камнях, и мы видели в ней очень счастливого человека, несмотря на поселившуюся в ее теле тяжелую болезнь, о которой свидетельствовала ее очень бледная кожа и необходимость инвалидной коляски.

Совершив круг вдоль стен зала, мы оказались у дверей и собрались уходить, поняв, что экскурсия завершилась.

– Погодите, товарищи, одну минуточку, – вдруг воскликнул один из нас, пожилой мужчина в очках, – Я хочу от вашего имени поблагодарить нашего замечательного экскурсовода за доставленную радость общения с неизвестным для нас миром камней. – И он направился к девушке, намереваясь пожать ей руку.

– Но экскурсия еще не окончена! – взволновано воскликнула Варя. – Самое интересное находится на втором этаже, куда мы с вами

сейчас поднимемся. – Девушка подъехала к началу деревянной лестницы и громко позвала: – Алеша!

Сверху сбежал светловолосый паренек. Он стал сбоку коляски и нагнулся. Варя обняла его за шею, а он подхватил ее под колени, вынул из коляски и понес вверх, осторожно ступая по крутым ступенькам деревянной лестницы. И лицо его отражало чувства, как будто он нес самую большую драгоценность этого музея. И это было так.

Не знаю, почему, но все мы единодушно зааплодировали, и рукоплескали до тех пор, пока паренек не посадил Варю в еще одну инвалидную коляску, стоявшую у самой лестницы на втором этаже. Когда мы снова собрались вокруг Вари, она сказала:

– Хочу представить вам сотрудника нашего музея Алешу. Думаю, вы поняли, что он мой большой друг и любимый человек. Я бы не смогла работать здесь без него. То, что вы сейчас увидите в этом зале, дело рук и таланта Алеши. – И она первой зааплодировала, глядя в глаза юноши, а мы ее поддержали. Алеша густо покраснел и стал неуклюже раскланиваться, пятясь к раскрытым дверям комнатухи, над которыми висела табличка: «Лаборатория технического творчества».

Экспозиция зала на втором этаже потрясла нас двумя экспонатами. Настоящим шедевром музея была картина «Хозяйка Медной горы у себя дома», выполненная в виде мозаики из плиток, вырезанных из мрамора, гранита, яшмы, кварцитов, известняков различных оттенков и других поделочных камней. С потолка пещеры на картине свисали подлинные сталактиты, а платье и корону Хозяйки Медной горы украшали природные кристаллы драгоценных и полудрагоценных камней и конечно же в Хозяйке мы без труда узнали нашу Варю.

В конце экскурсии по верхнему залу Варя продемонстрировала нам слайды, на которых сняты виды тонких срезов минералов и горных пород – шлихов под микроскопом. Это фантастическое зрелище невозможно описать словами, его надо увидеть. Настоящий карнавал красок и геометрических фигур, как в детском калейдоскопе. Автором этого чуда техники и искусства был также Алеша. Этим двум молодым людям, влюбленным друг в друга и в любимую работу, мы сказали много теплых слов благодарности и записали их в Книгу отзывов. И долго не расходились, собравшись в фойе музея, делились впечатлениями, восхищались талантом и

мужеством Вари и Алеши...

И вот я снова в Светлогорске. Переночевал в гостинице автостанции и рано утром поспешил к зданию музея, чтобы успеть к началу первой экскурсии. Я летел на крыльях платонической любви, радуясь предстоящей встрече с Варенькой. По дороге купил у старушки-цветочницы огромный букет алых роз для Вари. Но к посетителям вышла сухонькая старушка, представилась экскурсоводом и повела нас к портрету Бергмана. Улучив момент, я спросил ее:

– Скажите, здесь работала девушка Варя, почему Вы ведете экскурсию вместо нее? Она что: заболела, уволилась, уехала в отпуск?

Старушка как-то странно посмотрела на меня и, помедлив с ответом, задала встречный вопрос:

– А Вы кто ей будете? Случайно не родственник?

– К сожалению, нет. Просто благодарный посетитель.

Женщина с недоверием посмотрела на меня, перевела взгляд на букет алых роз и, опустив взгляд, тихо промолвила:

– Вари больше нет. Она умерла. – И, обращаясь к посетителям, громко позвала:

– Пойдемте дальше, товарищи.

– Но, что случилось? – в отчаянье закричал я, схватил старушку за рукав. – Несчастный случай? Болезнь? Операция?

– Чернобыль! – сухо сказала экскурсовод и повела группу к ближайшей витрине, оставив меня один на один с моим безутешным горем.

«Чернобыль»... «Вари больше нет»... «Нет Вари»... «Чернобыль»... – эти слова кузнечным молотом застучали в моей голове, превращаясь в уродливую каменную глыбу, опустившуюся на мое сердце и мешая ему жить. Последнее, что врезалось в память, это медленно выпадавшие из моих рук алые цветы, перепуганные глаза старушки-экскурсовода и дрожащие кисти рук какой-то девушки, пытавшейся остановить мое падение.

Когда сознание вернулось ко мне, я увидел добрые глаза женщины в белом халате. Она улыбнулась мне какой-то материнской улыбкой и сказала:

– Ну, слава Богу, на этот раз пронесло. Запомните, дружище, в вашем возрасте уже надо избегать подобных эмоций.

– Разве это возможно, доктор? Как же тогда жить на свете?

– Вы правы, конечно. Но все равно остерегитесь. А сейчас я проведу вас в наш сад, вы там посидите на лавочке, подышите свежим воздухом. Я буду навещать вас, нужно еще два укольчика сделать. – И она повела меня к выходу из музея. В фойе стояли старушка-экскурсовод с девушкой. Они проводили меня сочувствующим взглядом и старая женщина произнесла мне вслед:

– А еще говорил, что никакой он не родственник Варю.

Доктор подошла ко мне в саду где-то через час. В руках у нее было ведро с букетом моих алых роз. Она поставила цветы в тень куста за лавочкой и обратилась ко мне:

– Возьмите свои розы, они вам еще пригодятся. Как вы себя чувствуете? Давайте измерим ваше давление.

– Чувствую себя каким-то опустошенным. Даже сердце не болит, как-будто его у меня заменили чем-то металлическим, бесчувственным.

– Я Вас хорошо понимаю, мне самой пришлось испытать подобное. – Женщина отвернулась, смахнула набежавшие слезы и спросила:

– А Вы точно не родственник нашей Вареньки?

– Нет. Не родственник. – раздраженно ответил я. – Варю впервые я увидел в прошлом году во время экскурсии. Но за время нашего краткого общения девушка стала мне родным человеком.

– А вот мне Варенька приходится родственницей: она была невестой моего сына, они должны были вот-вот пожениться.

– Алеши, что-ли? – я вспомнил светловолосого юношу, так нежно ухаживающего за девушкой в инвалидной коляске.

– Вы знаете моего Алешу? – врач с удивлением смотрела на меня.

– Ах, да, вы же видели его с Варенькой во время прошлогодней экскурсии.

– Расскажите мне о них. – попросил я. – почему Варя стала инвалидом? Как при таком физическом недуге она сумела стать замечательным экскурсоводом музея? Какова причина такой скоростижной смерти девушки? Как ваш сын пережил потерю любимой своей Вареньки?

Женщина-врач долго молчала, глядя на синее вдали море, а потом сказала:

– Хорошо, я расскажу Вам все о моих детях, хоть мне это очень тяжело делать.

– Варю привезли в наш город два с половиной года назад с

Украины. И сразу поставили на учет, как пострадавшую от чернобыльской катастрофы. Из ее медицинской карты я узнала, что девушка оказалась в зоне воздействия радиоактивного облака и что у нее прогрессирует рак крови. Ей делали неоднократную пересадку костного мозга, тогда это было единственным средством продлить немного жизнь тем, кто получил смертельную дозу радиации. Операции не дали желаемого результата, зато прибавили Варя боли: паралич обеих ног посадил девушку в инвалидное кресло. К тому же Варя перенесла глубокий стресс, узнав о гибели обоих родителей. Родная тетя, у которой поселилась Варя, сообщила мне, что ее племянницу привезли сюда, чтобы пребыванием у моря скрасить ее последние дни жизни, отвлечь от ожидания смерти. Варя была обречена, она должна была умереть еще два года назад. Эти два счастливых года подарили Вареньке любимый человек и любимое дело.

Однажды мой Алешка вернулся с работы в приподнятом настроении. Он сидел за обеденным столом над остывающим борщом, на лице его сияла радостная улыбка. Я ни о чем не спрашивала сына, знала: он сам мне обо всем расскажет. Ведь мы были с ним не только мать и сын, но и большие друзья, и у нас не было тайн друг от друга.

– Знаешь, мама, у меня сегодня очень счастливый день: я полюбил замечательную девушку. Нет, не влюбился, а полюбил, на всю оставшуюся жизнь. И она меня очень любит, я знаю, я чувствую. И то, что она инвалид, не мешает нам быть счастливыми.

Последняя фраза Алеши насторожила меня. В душе родилось нехорошее предчувствие. Стараясь его не выдать, я осторожно спросила:

– Где же ты познакомился с ней, сынок?

– На Приморском бульваре. Несколько дней я любовался ею, не решаясь подойти. А сегодня подошел и сказал: «Девушка, я знаю: Вы недавно в нашем городе. И с ним еще мало знакомы. Уверен, что в нашем музее Вы еще не были. Поэтому приглашаю Вас его посетить, прямо сейчас. Я работаю в нем и буду Вашим проводником. Вы согласны?»

«– С удовольствием я посетила бы Ваш музей, только как быть вот с этим? – девушка указала на инвалидную коляску, в которой находилась. «Ну, с этим проблем не будет», – заверил я девушку, и мы поехали в музей. Наши кристаллы и образцы просто потрясли

девушку. Она раньше не прикасалась к этой земной красоте и была такой счастливой. Девушка даже поцеловала меня в знак благодарности за доставленную радость.

– Ее зовут Варей? – перебила я сына.

– Откуда ты знаешь? Ты что, с ней знакома? – удивленно воскликнул Алешка. Мгновенно во мне проснулся первобытный материнский инстинкт, и я бросилась защищать сына от тех бед, которые войдут в его жизнь вместе с любовью к Варе. Я рассказала сыну о неизлечимой болезни девушки, о том, что Варя обречена на смерть в ближайшее время, что их взаимная любовь не сможет принести им счастья.

Алеша выслушал меня спокойно, не перебивая, а потом сказал:

– Все, что я узнал сейчас от тебя, не может помешать мне любить Вареньку, она моя первая и единственная любовь на свете. Я буду любить Варю до конца жизни и даже после. Я уверен, что наша любовь поможет Вареньке победить злой недуг. И еще, я хочу устроить Варю экскурсоводом в нашем музее. Эта работа должна стать средством борьбы с болезнью моей любимой девушки.

Алеша убедил директора музея, что Варя сможет работать экскурсоводом, и стал готовить девушку к работе в музее. Множество книг и статей Бергмана по геологии, минералогии и географии из личной библиотеки Александра Евгеньевича, которая хранилась в музее, были совместно прочитаны, из них выписана информация, представляющая интерес для посетителей музея. Редкие книги поставляла Варе городская библиотека, заказывая их в других городах. По каждому интересному экспонату был составлен живой рассказ, в котором звучали поэтические строки и трогаящая душу музыка.

Через полгода Варю слушала высокая комиссия. Красивый, мягкий голос, выразительная речь, высокая эмоциональность рассказа, личное обаяние, обилие неизвестных фактов об экспонатах музея пленили всех. Единодушно Варе вручили диплом экскурсовода высшей категории, а директор музея зачитал приказ о принятии девушки на работу. И тут Варя заплакала от счастья. Это были ее первые слезы, которые мы увидели за все время ее проживания в Светлогорске. И эти слезы окропили живой водой цветок души Вареньки, что-то сдвинув в лучшую сторону в ее организме. Окруженная повседневной заботой и вниманием любящего Алешки, Варя за короткое время пышно расцвела, поражая нас всех

классической женской красотой. И я даже стала сомневаться в правильности медицинских прогнозов. Родилась вера в хороший исход болезни девушки.

Первый месяц работы в музее был для Вареньки очень трудным. Она сильно уставала, хотя не подавала вида. Доставалось и Алешке, ведь несколько раз в день ему приходилось поднимать на второй этаж и опускать вниз не только девушку, но также инвалидную коляску по крутой старинной лестнице. Второй коляски у нас тогда еще не было, ее подарили нам позже моряки Черноморского флота, побывавшие у Вари на экскурсии. Но потом Варя втянулась в работу, и проведение экскурсий стало приносить ей большое эстетическое наслаждение.

Внезапная смерть Вариной тети от сердечной недостаточности омрачила душевное состояние девушки. Мы с Алешей сразу же забрали Варю в свой дом и стали жить, как одна семья. У молодых появилось время для нежности, и это вернуло Вареньке душевное равновесие.

Мы с сыном стали поговаривать о свадьбе, но каждый раз Варя просила нас: «Погодите немного, пусть мои анализы станут еще чуточку лучше». Но анализы вступили в противоречие с эмоциональным состоянием Вари, и с каждым разом их результаты становились все хуже и хуже. Самочувствие девушки внезапно ухудшилось. Вскоре она уже не могла работать в музее. Я поняла, что метастазы рака вторглись во все важные органы. Это был смертельный приговор Вареньке.

В день, когда она ушла из жизни, Варя попросила Алешу свозить ее в музей. Они останавливались у каждой витрины, и девушка подолгу обнимала взглядом каждый камушек, лежащий под стеклом. Наиболее любимые кристаллы минералов и образцы горных пород Варенька просила дать ей в руки, и Алеша снимал их с полок витрин, надеясь, что энергия, заключенная в камнях, сможет продлить жизнь Вари. Ослабевшими пальцами девушка касалась граней самоцветов, нежно лаская их. И Алеша понял, что так она прощается с ними. Варя умерла у него на руках, когда он нес ее по деревянной лестнице в зал второго этажа. Вот такая грустная история...» – пожилая женщина-врач быстро поднялась с лавочки, ушла за кусты шиповника, и оттуда донеслось ее рыдание. Наплакавшись, она снова подошла ко мне.

– Возьмите свои цветы, мы пойдем сейчас к Вареньке. Директор музея добился разрешения городских властей похоронить Варю в саду возле музея.

– Можно у вас спросить: как Алеша пережил смерть своей любимой девушки? Продолжает ли он работать в музее, где все напоминает о Варе?

– Он ушел в море. – тихо сказала женщина, и слезы снова заблестели на ее глазах.

– В море? – переспросил я. – Что, нанялся на корабль и ушел в плаванье?

– Нет, в прямом смысле. Отдыхающие на пляже видели, как светловолосый парень, не снимая одежды, вошел в море навстречу волнам, и вода вскоре сомкнулась над его головой. Водолазы Черноморского флота искали его пять дней, но так и не нашли. Алеша оставил записку: «Мамочка, прости. Если Вареньки нет на этой земле, то что мне делать на ней? Море даст мне возможность быть всегда рядом с любимой. Прости и пойми меня».

Я поняла и не осудила сына. И никто не осудил. Поступок Алеши – это не малодушие, это торжество Великой Человеческой Любви, проявление лебединой верности любимому человеку. Ведь точно так поступает лебедь, если погибает его подруга... Но порой мне кажется, что Алеша жив. Пройдет время, и он вернется к нам, к любимой работе. Я верю в это...

Могила Вари находилась чуть в стороне от главной аллеи сада: мраморная плита в обрамлении невысокой оградки. На плите скульптурная композиция: Красавец-лебедь, сложив крылья падает сверху на россыпь камней, где лежит его мертвая подруга. За плитой возвышается обелиск в виде мраморной скалы, на которой в нише барельефные портреты Вари и Алеши. Справа и слева от обелиска – две каменные вазы для цветов.

– Этот мемориал создал для нас скульптор из города Сочи – Гогия Надирадзе, тоже большой поклонник Вариного таланта. – Женщина-врач нежно провела ладонью по мраморным лицам своих детей. – Давайте подарим Варе и Алеше ваши розы. Варенька так их любила.

Женщина наполнила водой из ведра каменные вазы и поместила в них алые цветы, и отраженный от них солнечный свет оживил лица молодых людей, придав белому мрамору розовую окраску.

– А теперь давайте прощаться – меня ждут на работе. Я рада знакомству с Вами и очень благодарна за вашу любовь к моим детям. Берегите свое сердце от ненужных эмоций, и оно еще вам послужит.

Женщина-врач ушла, а я спустился к морю и сел на большой

гладкий камень. Вода плескалась у моих ног, маленькие волны то подкатывали ко мне, то убегали вдаль. Не знаю, кто несправедливо назвал это море Черным, но по мере удаления от берега оно становилось все более синим, пока в бесконечной дали синева моря не слилась с голубизной неба, образуя единое пространство.

И тут меня осенило, что связь с Небом все живое на земле осуществляет через Море. Вот почему жизнь на нашей планете зародилась именно в море: посеянные Небом семена Жизни давали всходы в морских глубинах, заселяя потом просторы суши. Это понял Алеша и ушел в море, чтобы его душа соединилась с душой Вареньки, обитающей на небе...

Я пробыл у моря до позднего вечера. Уходить не хотелось. Волны неумоимо плескались у моих ног, принося умиротворение. Затихла боль в сердце, пустота в душе заполнилась картинками памяти, воскрешая подробности общения с Варенькой и Алешей...

Южная ночь постепенно окутывала горы и море. На бархатном небе одна за другой загорались звезды, прохожие на самоцветы в музее Бергмана. Говорят, что звезды – это души умерших прекрасных людей. Значит, там, среди россыпей звезд зажглись еще две новых звезды. Их свет вольется в звездную дорожку на поверхности моря и на гребнях волн понесет к берегу зерна Великой Любви с надеждой, что они снова прорастут в человеческих душах.

**МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ
О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ**
(Счастливые мгновения школьной жизни)

Давно это было...

ПРОЛОГ:

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

По радио песни поют о любви...
На улице дождь моросит неустанно...
Глядят с фотографий очи твои
То грустно, то весело, то как-то странно.

Я снимки эти, как честь, берегу,
Всегда достаю их в часы непогоды.
Они для меня, как костер на снегу,
Как юности свет сквозь ушедшие годы.

Тебе я обязан, что песни пою,
Что в сердце пылает огонь неустанно...
Глядят твои очи в душу мою
То грустно, то весело, то как-то странно.

Передо мной снова лежат твои фотографии. Им без малого уже полсотни лет, но время совсем не тронуло их.

Боже мой, неужели прошло уже полвека с того счастливого дня, когда я впервые увидел тебя, и ты стала мне дороже всех на свете.

Ты наверно не помнишь тот сентябрьский день, перевернувший всю мою жизнь. Я пришел в пятый класс нашей 132-ой школы из начальной мужской школы №38. А наша 132-я была тогда единственной в Харькове школой, где мальчики и девочки учились вместе.

Меня посадили рядом с тобой за парту, и я увидел твои прекрасные глаза. И с этой минуты все дальнейшие школьные годы я видел только их. Я не замечал своих одноклассниц и соседок по дому, влюбленных в меня. Ты была моей земной Богиней. Дамой моего сердца.

Я любил тебя преданно и страстно. Ты была моей первой и единственной любовью. Проходили годы, я рос и мужал, и вместе со мной росла и крепла моя любовь к тебе. И все эти годы была моя любовь к тебе безответной.

Я никогда не говорил тебе о своей любви. О моих чувствах к тебе знала вся школа: и ученики, и учителя. И конечно, знала ты.

Только не могла ты мне ответить на мою любовь. Просто не влюбилась в меня и все. И нет тут твоей вины, как и моей тоже.

Говорят: не судьба! А я благодарен судьбе, что в детстве и юности была у меня ты – моя любимая девочка, мой эталон красоты, моя Муза, моя Песня Сердца, сделавшая мою жизнь содержательной и счастливой.

Предо мной снова лежат твои фотографии. Им без малого, уже полсотни лет, но время совсем не тронуло их. Как и прошедшие годы не стерли из памяти яркие события нашей школьной жизни, в нашей Дружбе, в нашей Первой Любви.

Поезд моей жизни вышел на прямую к конечной станции.

Я никогда не говорил тебе в детстве о своей любви. Я писал о ней на страницах своего дневника. И я хочу подарить тебе эти страницы.

Пусть они станут «миллионом алых роз», которых я не подарил тебе в детстве, моей благодарностью тебе за то, что ты была у меня и есть сегодня.

ТОЛЬКО О ЛЮБВИ К ТЕБЕ

Канун Нового 1954 года

Что принесет мне наступающий год?

Станем ли мы с тобой друзьями навеки или расстанемся, чтобы больше не встречаться?

Сейчас я вижу тебя редко: ты теперь учишься в параллельном классе. И каждая встреча с тобой – для меня большой праздник. Только праздники в жизни бывают не часто...

...Новогодний бал в школе.

Я, как всегда, «подпираю стену школьного зала». Настроение самое мрачное: увижу ли я тебя сегодня?

А вот и ты. Входишь в школьный зал.

Какая ты красивая сегодня! На тебе прелестное красное платье, которое так тебе к лицу. Твои сияющие глаза соперничают с блестками, украсившими твои волосы, плечи, грудь. Твоя

очаровательная улыбка мгновенно заполняет мою душу огромной радостью, нежностью и теплом.

По-прежнему ты делаешь вид, что не замечаешь меня.

Но я безмерно счастлив, что снова вижу тебя. И мое сердце подсказывало мне, что сегодня я полюбил тебя еще больше, чем любил раньше

Потом ты села рядом со мной, отдыхая после танца.

Какое счастье: ты была от меня так близко, что я мог хорошо видеть тебя своими близорукими глазами, ловить твои взгляды, улыбку.

Я до сих пор не знаю, какого цвета у тебя глаза. Кажется, они темно-синие. Но это не важно. Я так их люблю. И мне их очень хочется поцеловать.

Играем в «ручеек». Я осмелился и выбрал тебя. Я держу тебя за руку и чувствую себя самым счастливым человеком на свете...

8 февраля 1954 года

Сегодня старшие классы нашей школы слушают «Чио–Чио–Сан» в оперном театре.

Какое счастье: ты сидишь через одно место от меня.

По обыкновению, когда мы не в школе, ты «начинаешь замечать меня». Ты читаешь «программу» и обращаешься ко мне:

– Правда, красивая артистка?

А сама смотришь на меня своими прекрасными глазами и загадочно улыбаешься.

Да, артистка Наталья Шеремет красива, но я смотрю не на ее портрет, а на тебя, и мне так хорошо.

Мы сидим на втором ярусе, здесь немного прохладно. Ты замерзла, и шепотом сообщила мне об этом. Я приподнялся, чтобы снять пиджак и накинуть тебе на плечи. И вдруг увидел твой отчаянный, испуганный, молящий взгляд...

Домой возвращаемся шумной компанией, обсуждая постановку. Удивительное дело: ты при всех ребятах заговариваешь со мной. А пиджака моего испугалась.

* * *

Сегодня я случайно достал уникальную старую фотографию: на снимке среди учениц третьего класса я узнал тебя.

Ты и маленькой девчушкой была такой красивой!

* * *

Ты опять меня не замечаешь.

В последнее время я часто вижу тебя стоящей у окна в школьном коридоре с грустными глазами. Несколько дней тебя не было в школе. А сегодня пришла и о чем-то тихо разговаривала с Олегом Брижанем у того же окна. И лицо у тебя было серьезное и грустное. Я знаю, что Олег влюблен в тебя и в последнее время часто общается с тобой. Но я не ревную. Наверное, тебе сейчас очень нужен совет друга, его доброе слово, теплый взгляд. Я не решаюсь подойти к тебе с этим: каждый раз вспоминаю твои отчаянно испуганные глаза. Так пусть Олежка тебе поможет, ты ведь не обидишься на него за это.

* * *

Ты опять болеешь, и тебя уже так много дней нет в школе.

Так хочется тебя проведать, но боюсь, что мой приход к тебе домой снова сделает твои прекрасные глаза отчаянно испуганными. До чего горько на душе...

* * *

Ты вернулась в школу после болезни. Похудела, побледнела и немного даже подросла. Только глаза твои остались прежними: милыми и красивыми. Я так скучал все это время без тебя. Как хочется подойти к тебе, обнять тебя за худенькие плечи и тихо прошептать: «Ты береги себя, любимая!» Но не решаюсь, не хочу погасить твою очаровательную улыбку.

14 апреля 1954 года

Наш класс пишет сочинение по украинской литературе. Ты не писала это сочинение из-за болезни, и теперь пишешь его вместе с нами.

Сколько сил и энергии прибавилось у меня, когда ты вошла в наш класс. Я смотрю все время в твою сторону, и конечно мне не до сочинения. Ты тоже время от времени, чувствуя мой взгляд, поднимаешь голову от тетради, смотришь на меня и улыбаешься.

Наш обмен взглядами прервала Феона Емельяновна: подошла ко мне и шепотом попросила не мешать другим получить хорошую отметку.

30 апреля 1954 года

Сегодня в школе спортивный праздник.

Я, как всегда, нахожусь в радиоузле: транслирую музыку. По «закону бутерброда» в технике возникла неполадка. Начинаю копать в радиоусилителе. На улице «масса» недовольно шумит. От этого у меня ничего не получается. Я злюсь на «массу», на себя, на технику.

И вдруг в комнату радиоузлаходишь ты с подругой Ниной Лавренко.

– Что случилось? Так скучно без музыки?

Я неопределенно пожал плечами и указал на аппаратуру. Ты стала перебирать граммофонные пластинки на столе и вдруг воскликнула:

– Ой, это моя самая любимая песня!

В руках ты держала пластинку с песней «Темная ночь».

Я сказал, что это тоже моя самая любимая песня, и ты внимательно посмотрела мне в глаза.

И вдруг усилитель сам заработал, и на улице снова громко зазвучала музыка.

– Пошли танцевать, – сказала Нина, увлекая тебя к выходу.

...Я стоял у окна и наблюдал, как ты танцуешь. И немного завидовал твоим партнерам. Нет, мне просто необходимо научиться танцевать. Вот тогда бы я подошел к тебе и пригласил на танец. Вот бы ты тогда испугалась! Нет, я никогда не сделаю этого.

Вижу, как Яшка Кокотов приглашает тебя и Нину сфотографироваться. И ты вдруг, к моему большому удивлению, охотно соглашаешься.

6 июня 1954 года

Сегодня вместе с ребятами нашей школы я уезжаю в поход по Крыму, который организовала наша «географиня» Татьяна Семеновна.

Я шёл с рюкзаком к месту нашего сбора – трамвайной остановке – и вдруг увидел тебя, и ты опять улыбнулась мне своей милой улыбкой. Сразу поднялось настроение и на душе стало так хорошо. На трамвайной остановке я опять увидел тебя. На голове твоей была чья-то соломенная шляпка, которая была тебе так к лицу. Я смотрю на тебя и не могу отвести свой восторженный взгляд. Яшка проследил за моим взглядом, понимающе улыбнулся и покачал

головой.

Подходит трамвай, наступает минута прощания.

И тогда я вдруг решаюсь и подхожу к тебе, протягиваю руку. Ты крепко сжимаешь её своими тонкими пальчиками, смотришь мне прямо в глаза и желаешь счастливого путешествия.

Последнее, что я вижу из окна трамвая, – это твою прелестную улыбку. Как хорошо на душе!

30 июня 1954 года

Сегодня я вернулся из Крымского похода. Крым пленил меня навсегда, особенно Крымские горы. Нельзя описать словами их красоту, их волшебное влияние на мою душу. Теперь горы будут ещё сильнее манить меня к себе, чем в детстве, когда я жил на Алтае.

Тебя я ещё не видел после приезда. Как жаль, что тебя не было рядом в Крымском походе. Мне так тебя не хватало все это время. Как я соскучился по тебе, как хочется тебя увидеть, услышать твой голос! Скорее бы проходило лето, чтобы я снова мог видеть тебя в школе шесть раз в неделю!

7 августа 1954 года

Сегодня в школе выдавали учебники, и среди ребят я наконец увидел тебя. Что-то изменилось в тебе за время моей разлуки с тобой. Но глаза твои остались прежними. Какие прекрасные они, родные, любимые. Я смотрю на твоё лицо, а вижу только твои глаза, и не могу отвести свой взгляд от них. Это тебя очень смутило, ты не знала, куда деться. Прости меня за такую смелость, но я так давно тебя не видел, не любовался тобой. Я так люблю тебя, твои чудесные очи. Прости меня за это, прости...

Но я до сих пор так и не знаю, какого цвета твои милые глаза.

12 августа 1954 года

Сегодня в школе снова продавали учебники на новый учебный год. Ты почему–то не пришла, учебников для нас было мало, и я купил для тебя «физику» и «украинский разбор».

Решился отнести учебники тебе домой.

С волнением подхожу к твоему дому на улице Авиационной, 10. Какое счастье: у калитки стоит маленькая девочка, которую, кажется, зовут Ирочкой.

Когда я подошел к ней и попросил позвать тебя, малышка испугалась, и готова была вот-вот расплакаться. Но Иринка не заплакала, а быстро побежала во двор. Сейчас Иринке было уже годика четыре, а я помню ее совсем маленькой, начавшей только ходить.

Через несколько минут ты вышла ко мне. Брови твои удивленно взметнулись вверх, и в глазах застыл немой вопрос. Я отдал тебе учебники, и это смутило и очень взволновало тебя.

Ты чувствовала себя неловко, и тихо несколько раз прошептала:
– Зачем это? Зачем это?

Потом ты опомнилась, стала благодарить меня и побежала в дом за деньгами.

Когда ты возвратилась, я протянул тебе фотографию, где ты была сфотографирована пионеркой-третьеклассницей.

– Узнаёшь?

Ты быстро выхватила фотокарточку из моих рук:

– Что это?

– Это ты, когда была в третьем классе.

– Откуда она у тебя?

– Достал.

Твоё лицо выражало сильное волнение:

– Можно я порву её?

– Как хочешь, – ответил я и отвернулся, чтобы не видеть.

– Я оставлю её на память, – сказала шепотом ты и быстро спрятала фотографию в карман серого платья.

Потом ты попросила меня рассказать, как мне удалось достать эти учебники, но, не дожидаясь рассказа, снова спросила:

– Нет, правда, откуда у тебя эта фотография?

Я сказал, что это мой большой секрет, и этим задал тебе задачу: откуда у меня взялась эта фотография?

Ты ещё раз поблагодарила меня за учебники и предложила проводить тебя до дома её подруги Нины Лавренко.

У дома Нины мы расстались. На прощанье ты протянула мне руку и улыбнулась своей милой улыбкой.

Сентябрь, 1954 год

Сегодня у нас в школе вечер, посвященный А.П.Чехову. На этом вечере мы, наконец, ставим пьесу Чехова «Предложение». Я играю в ней помещика Чубукова, Агарков Женя – Ломова, Лора Квичко –

дочь Чубукова.

Сыграли мы, как говорят зрители, неплохо. Кроме нашей пьесы, 10-А и 10-В поставили пьесу Чехова «Юбилей». Затем начались танцы.

Букет георгин со стола на сцене разобрали ребята. Мне досталась только одна георгина, красная, и я подарил ее тебе, когда ты проплывала в танце мимо меня. Ты снова улыбнулась мне. Но когда мы уже собирались расходиться по домам, ты почему-то вернула мне цветок.

Сначала я не понял причину твоего поступка, и мне было очень больно. Но потом мне стало все понятно: просто ты не хотела появляться дома с этим цветком.

Но все равно мне было очень обидно за тебя. И за меня.

* * *

Сегодня мы вышли на сбор желудей в лесопарк.

Какое счастье: я иду рядом с тобой. И совсем не узнаю тебя. Всю дорогу мы с тобой шутим, смеемся, разговариваем, как-будто нет рядом наших школьных товарищей, которых ты так все время боялась. Ты нашла первый желудь и бросила мне в карман. Я сохраню его, как твой подарок на счастье, как талисман.

Как хорошо мне от того, что ты рядом!

Но мое счастье длилось недолго: Женька Агарков увел меня в сторону далеко от тебя, и больше тебя в этот день я уже не видел.

* * *

В последнее время я очень часто стал встречать тебя: на школьной раздевалке, и мне казалось, что ты специально ждала меня там, возле школьной газеты – ты по несколько раз ее перечитывала, увидев меня в коридоре. Ты стала часто заходить в мой класс, придумывая для этого разные причины. Я даже боюсь подумать, что ты ищешь встречи со мной. Такого просто не может быть...

Наконец я узнал цвет твоих глаз: они у тебя карие, такие красивые! Но у меня ведь тоже карие глаза. А все одноименное отталкивается в этом мире. Так говорит физика. Вот и все. Нам не быть вместе...

2 января 1955 года

Наступил Новый 1955 год – последний год нашей учебы в школе. Сегодня у нас школьный новогодний вечер. Мы ставим пьесу Корнийчука «В степях Украины» на украинском языке. Я играю секретаря обкома, Женя Коваль – Галушку, Олег Брижань – Часныка.

К постановке этой пьесы мы готовились долго. Я с Найденко работал над декорациями. Декорации вышли на славу, особенно «лунная ночь». К моей большой радости ты пришла раньше всех и помогла мне в оформлении сцены. Пьеса прошла с большим успехом.

После спектакля начались танцы, игры. Играли в «почту», я был «почтальоном». Раздавая номерки, я сказал, что маленькие номера даю не всем.

– А кому? – вдруг спросила ты. Я ответил:

– Маленьким и хорошим людям. Ты одарила меня своей очаровательной улыбкой и промолчала.

9 февраля 1955 года

Сегодня у меня очень счастливый день: я узнал, что в немецкой пьесе, которую мы собираемся ставить на интернациональном вечере, ты будешь играть вместе со мной.

Тебе дают роль баронессы, мне – роль твоего слуги.

Как замечательно! Я смогу видеть тебя близко-близко своими близорукими глазами. Смогу любоваться тобой, твоими прекрасными очами. Огромное спасибо судьбе, или тому другу в школе, кто так придумал. И выбрал пьесу Шиллера «Коварство и любовь».

23 февраля 1955 года

Сегодня в школе был вечер, посвященный Дню Советской Армии. Я читал наизусть отрывок из своей любимой книги: «Снега, поднимитесь метелью!» Это книга о подвиге 28 гвардейца–панфиловцев. Тебя в зале не было: ты писала сочинение. Поэтому настроения у меня не было, читал я плохо, конечно и слушали в зале плохо.

На душе моей скверно. Яшка пытался меня развеселить, но безуспешно. А что я буду делать, когда окончу школу и не смогу видеть тебя каждый день? Совсем? Как же тогда жить мне на этой земле?

7 марта 1955 года

Сегодня у меня опять очень счастливый день: я целых полтора часа сидел рядом с тобой.

По традиции, в школе бесплатно показывали художественный фильм. Ты вошла в зал и, поискав глазами свободное место, подошла ко мне и села рядом, хотя тебя приглашали другие.

Сегодня я сделал открытие: оказывается, ты очень любишь маленьких детей. Шел кинофильм «Александр Попов». Когда ты увидела, что у Попова много детей, ты пришла в восторг:

– Ой, детишек сколько!..

И лицо твое светилось большой радостью.

Родная моя, как много общего в душе у нас с тобой!

8 марта 1955 года

Сегодня я написал тебе поздравление в стихах с днем 8 марта на красивой открытке и отправил ее на адрес школы.

Лично вручить тебе открытку я не решился.

9 марта 1955 года

Сегодня на репетиции немецкой пьесы «Коварство и любовь» ты всё время пыталась узнать, кто автор поздравительной открытки. Сначала ты спросила меня, не собирался ли кто-то из наших мальчиков посылать поздравления девочкам. Я сказал, что такого не знаю. Тогда ты показала мне мою открытку и спросила, не знаю ли я, чей это почерк? Я, конечно, знал, чей это почерк, потому что это был измененный мой почерк, но Женька Агарков сидел рядом, и я не смог сказать тебе правду. Я сказал, что не знаю. Ты недоверчиво посмотрела на меня, а потом стала смотреть мне прямо в глаза. Я поспешил сменить тему разговора.

Ты прости меня за этот обман. Я решился на него только ради тебя. Я знаю, ты не хочешь, чтобы ребята знали о моих чувствах к тебе. Чудачка! Да об этом знает уже чуть ли не вся школа, и ребята, и учителя. Одни уговаривают меня «перевлюбиться», другие с удивлением и уважением относятся к моему постоянству в любви. Вот так!

10 марта 1955 года

Ты все время стараешься быть со мной рядом: часто заходишь в мой класс,ходишь к моей парте, даже заводишь разговор с

Женькой Агарковым.

Я вижу, что ты хочешь что-то спросить меня или сказать мне. Тогда я пошел в твой класс, смело подошел к тебе на удивление твоих одноклассников, и сказал:

– Ты прости меня за то, что вчера я тебя сказал неправду.

Это я прислал тебе поздравительную открытку.

– А я сразу догадалась, кто автор стихов на открытке. Только я промолчал. Что я мог тебе ответить? Что боялся принести тебе неприятности?..

Домой из школы мы возвращались вместе. С нами шли ребята из 10-А класса. Зашел разговор о физическом вечере, и кто-то из ребят сказал, что на этот вечер не пустят твой 10-Д класс. Тогда ты ответила:

– На физический вечер нас пригласит 10-Г класс, наши братья. Ты так и сказала: «Наши братья», делая ударение на слово «братья» и глядя при этом на меня.

Родная моя, спасибо тебе за эти слова, за то, что назвала меня своим братом. Я так счастлив, как никогда еще не был.

15 марта 1955 года

Пьесу Шиллера «Коварство и любовь» мы «не потянули». Вместо нее решили ставить другую пьесу, которую написала наша преподавательница немецкого языка Анна Францевна. Эта пьеса рассказывала о судьбе немецкого мальчика-антифашиста. Роли баронессы и ее слуги в новой пьесе сохранились.

Сегодня после репетиции новой немецкой пьесы я провожал тебя домой. По дороге я рассказывал тебе о моем родном Казахстане. Помнишь, ты тогда сказала мне:

– Если бы ты жил там сейчас, то наверняка поднимал бы целину. Я пригласил тебя пойти вместе в кино, и ты с радостью согласилась.

Возле самого твоего дома нас увидел Тимошенко...

16 марта 1955 года

Сегодня на репетиции пьесы ты сказала мне, что в кино со мной ты не пойдешь, так как ходили на него вчера с родителями.

Домой мы снова шли вместе. Но когда я захотел проводить тебя до твоего дома, ты сказала, что не хочешь, чтобы я делал это. Пришлось покориться твоей просьбе. Мы сухо распрощались и разошлись. Почему твое отношение ко мне так резко изменилось?

Неужели на тебя подействовала та дурацкая фраза, которую бросил нам вслед вчера Тимошенко? Что за мир у нас, где нельзя быть во всем естественным? Горько и обидно. И опять я остался в одиночестве, и нет у меня ни друзей, ни родных. Не изменили мне только любимые горы, но и они так далеко от меня.

22 марта 1955 года

Сегодня в школе состоялся физический вечер. Были интересные доклады, но слушали их плохо.

Ты ни разу не подошла ко мне. Весь вечер ты просидела с Олегом Брижанем. О чем-то разговаривая.

Ревновать, конечно, глупо и подло, но все же мне было очень больно.

28 марта 1955 года

Сегодня в школе математический вечер.

На вечере ты должна выступить с докладом о жизни и деятельности Чебышева, и я волнуюсь за тебя, наверное, не меньше, чем ты.

Вечер должен был начаться в 18 часов, но задержался, так как все наши ребята были на городской олимпиаде.

Ты пришла, как и я, рано, и мы встретились в пустом зале.

На тебе легкое цветастое платье, и ты в нем такая красивая, какой я тебя ещё не видел.

Я с восхищением любовался тобой, и вдруг почувствовал, что люблю тебя сейчас еще крепче, чем прежде.

Ты была очень взволнована, и чтобы погасить волнение, предложила мне сыграть в шашки. Мы стали играть с переменным успехом в победу. Когда шашки надоели, мы стали рассказывать друг другу смешные истории, смеялись, шутили до самого начала вечера. Я был очень счастлив.

Доклад ты прочитала замечательно, и очень радовалась от этого.

И я был очень рад за тебя, рад, что ты включилась снова в общественную работу.

После докладов наших ребят выступала художественная самодеятельность студентов медицинского института.

И тут я сделал оплошность. Спасаясь от навязчивых ухаживаний Бондаренко, ты пересела на соседнюю скамейку, и я сел на нее вслед за тобой.

А Бондаренко вдруг как завопит на весь зал: что я гоняюсь за тобой. Такой подлости я от него не ожидал. Хорошо, что впереди меня сидели Саша Шкода и Люда Яцук, только что вернувшиеся с олимпиады. Я поспешно стал расспрашивать их об олимпиаде, шутить, смеяться, решать такую задачу, как нарисовать кошку с закрытыми глазами. Мы так смеялись, что даже Жанна Рашал недовольно закричала на нас, чтобы мы замолчали.

В общем, выходку Бондаренко удалось замять, но настроение у меня испорчено. Спасибо тебе, что ты поняла мой «маневр» и не обиделась на меня за такое моё поведение.

15 апреля 1955 года

Наконец, у нас сегодня состоялся интернациональный вечер.

Мы долго, усиленно готовились к нему, разучивали «Гимн демократической молодежи» на немецком и английском языках, много раз репетировали нашу пьесу о судьбе немецкого мальчика-антифашиста. Роль мальчика исполнял наш «крапа» – Виктор Кравченко.

Ты исполняла роль баронессы, а я – роль ее слуги. Я был очень доволен своей ролью, потому что хоть раз в жизни поухаживаю за тобой на глазах у всей школы, и у тебя на это не будет возражений.

На многочисленных репетициях пьесы я видел, что ты довольна тем, как я «вхожу в роль».

Ты тоже входила в свою роль очень успешно: отдавала мне приказания таким повелительным тоном» что я перестал беспокоиться за твой успех на сцене. Но ты очень волновалась и все время говорила, что на сцене ты не сможешь произнести ни одного слова. Мне всё время приходилось убеждать тебя в обратном.

Но больше всех волнуется организатор интернационального вечера Нина Балашова.

Мы стаскиваем со всей школы «бутафорию». Притащили из кабинета директора кресло для «баронессы». На сцене за занавесом кипит работа.

Я с Агарковым «создаём» «лес» из еловых веток для пьесы «Красная шапочка», которую ставят мои малыши из пятого класса, где я вожатый. Малыши тоже очень волнуются: им в первый раз придется выступать на немецком языке, да и «волк» почему-то еще не пришел, а скоро уже начнется вечер. Я как могу, подбадриваю их.

И вот появляешься ты, переодетая для пьесы. Вот это

действительно баронесса!

На тебе чудесное шелковое, розовое, длинное платье, на голове – прическа на старофранцузский манер, в ушах сверкают сережки, а на пальчике перстень.

Ты – как волшебная принцесса из очень хорошей сказки!

Ты так сейчас прекрасна, что невозможно от тебя оторвать восхищенных глаз. Чувствую, как любовь и нежность переполняют мою душу. Хочется подняться высоко-высоко и летать и петь, летать и петь.

Я вижу, как ты ужасно волнуешься.

Чтобы отвлечь тебя, спрашиваю совета, какую мне сделать прическу, чтобы выглядеть достойным слугой такой знатной особы.

Ты берешь мою расчёску и начинаешь делать мне прическу. Твои пальцы касаются моего лба, волос, и я с трудом подавляю желание поцеловать эти нежные розовые пальчики. Мне так хорошо! Я чувствую себя самым счастливым человеком в мире...

Время открывать занавес.

Все «артисты» поют на сцене «Гимн демократической молодёжи» сначала на немецком, затем на английском и русском языках.

Наша «немецкая» группа спела хуже, чем на репетициях, и как ни старались мы с Агарковым «тянуть», нас все же победили «англичане».

Началось выступление малышей.

«Волк» так и не пришёл, и его пришлось играть Агаркову. Он сыграл с успехом, но вот наступает сцена встречи «волка» и «охотника». «Охотник» тоже не пришёл, так как заболел. Не может же Агарков играть одновременно и «волка», и «охотника». Будь это не на сцене, а перед микрофоном, Агарков бы с успехом сыграл за двоих. А тут...

Положение спасла наша учительница немецкого языка – Анна Францевна. Она согласилась сыграть «волка» и легла на кровать и накрылась с головой. Сцена прошла блестяще, и никто бы не догадался, что Анна Францевна играла «волка», если бы она не поспешила встать с кровати, когда занавес ещё не был закрыт полностью.

Зал догадался, и громовой смех и бурные аплодисменты потрясли стены.

Затем шла наша пьеса.

Ты блестяще сыграла свою роль, и была на седьмом небе от счастья. И я тоже сиял от радости, хотя моя роль в пьесе была очень скромной.

Но лучшим выступлением на сегодняшнем вечере была постановка восьмиклассниками на английском языке пьесы «Золушка». Роль Золушки исполняла Лена Черныш. Она так хорошо вошла в свою роль, что совсем не чувствовалось, что Лена произносит все фразы на чужом ей языке. Вот тебе и «англичане»! А мы никак не думали, что они возьмут первенство на вечере.

23 апреля 1955 года

Сегодня в школе комсомольское собрание, посвященное памяти В. И. Ленина.

После торжественной части началось выступление художественной самодеятельности, подготовленной младшими классами. Из всех выступлений больше всего всем понравилось выступление одного мальчонки, который прекрасно, с таким неподдельным юмором спел куплеты из постановки «Приключения Буратино». Его вызывали несколько раз на «бис», и ему пришлось исполнять песню еще и ещё.

У меня сегодня чудесное настроение: ты сидела рядом со мной. Когда ты вошла в зал, то, отыскав меня глазами, направилась ко мне и, спросив разрешение, села возле меня. И мы были вместе весь вечер, вместе слушали знаменитых «Цыплят» и «Скворцы прилетели» в исполнении малышей. Ты сказала мне, что эти две песни – твои любимые.

Вот видишь, у нас с тобой одинаковые даже песни любимые. Потом ты спросила меня, участвую ли я в постановке пьесы «Золотая медаль», которую организует Нина Балашова. Я утвердительно кивнул. И ты с большой радостью сказала мне, что опять мы будем играть вместе, так как и ты участвуешь в этой пьесе.

Наклонившись ко мне, ты доверительно тихо сказала, что тебе очень нравится участвовать в художественной самодеятельности, играть в пьесах, и ты очень жалеешь, что не принимала раньше в этом участие. Я нежно пожал тебе руку.

Домой мы шли вместе.

28 апреля 1955 года

Сегодня у нас очередная репетиция пьесы Олеся Донченко «Золотая медаль». Собралась все «артисты».

Вдруг Нина Балашова говорит, что нашу пьесу мы закончим исполнением песни, слова которой написал наш Юля, то есть я. Всеобщая заинтересованность, все повернулись в мою сторону. Нина прочитала слова моей песни. Бондаренко даже усомнился, что это я написал эту песню. Идет репетиция. Я пока «свободен».

Тыходишь ко мне и спрашиваешь, действительно ли я сочинил слова этой песни?

Когда получила утвердительный ответ, ты сказала мне:

– У тебя разносторонний талант, Юлий. Мне раньше казалось, что ты очень самоуверен и вообще... А теперь я поняла, что ты не такой, ты совсем другой.

Как мне хотелось расцеловать тебя за такие слова, сказать тебе много хорошего, но на глаза навернулись слезы и какой-то комок сдавил горло. Я только молча посмотрел в твои бездонные глаза и улыбнулся.

* * *

Сегодня на репетиции Нина Балашова вдруг сказала, что, наверное, пьеса наша не состоится. До постановки осталось три дня, а у нас нет еще всех «артистов». Валя Рубан, игравшая роль Лукашевич, отказалась играть, так как сильно отстала в учёбе. Нет ещё исполнительницы роли «воблы» – Шепель. Как мы не упрашивали Иру Челак сыграть роль Лукашевич – главную в пьесе – она не соглашалась и только из-за того, что ей нужно было произносить несколько слов о любви. Нина, игравшая роль Юли, пыталась убедить Иру, что в этом нет ничего зазорного, что в роли Юли слов о любви еще больше, но Ира не соглашалась. Постановка пьесы расстраивалась. Нина совсем повесила нос, она очень хотела поставить эту пьесу. А в твоих глазах я увидел отчаяние и слёзы. Тогда я сказал, что берусь найти исполнительниц ролей Лукашевич и Шепель. Я имел в виду девочек нашего класса Гаю Зинченко и Лину Кибец. Только бы мне удалось их уговорить.

Лина Кибец сразу согласилась играть роль «воблы», а Галя Зинченко сначала не соглашалась, но мы с Аллой Георгиевной ее уговорили, и Галя согласилась играть роль Лукашевич.

Нужно сказать, что обе роли мною были подобраны очень

правильно: кому же, кроме скромной, застенчивой Гали Зинченко, играть роль такой же по характеру Вари Лукашевич. А Шепель – Кибец были даже сходны по портретам.

В общем, все уладилось. Мы приступили к постановке пьесы.

29 апреля 1955 года

Сегодня мы ставим пьесу «Золотая медаль». Это прощальная постановка нашего школьного театра. Больше нам уже не придется играть на нашей школьной сцене: скоро мы расстанемся со школой навсегда, уйдем в большую жизнь.

Все мы, конечно, волнуемся, но больше всех волнуется Нина. На сцене идут спешные приготовления к спектаклю. И вот зал понемногу успокаивается. На сцену выходит наш конференсье Виктор Кравченко и объявляет:

– Начинаем прощальное выступление коллектива художественной самодеятельности десятых классов нашей школы. Пьеса Олеся Донченко «Золотая медаль». Русский текст Нины Балашовой. Роли исполняют (перечисляет фамилии исполнителей). Постановщик и режиссёр Балашова Нина.

Открывается занавес и начинается пьеса.

Ребята играют замечательно. Неповторимая Кибец Лина в роли Шепель. Типичен «стиляга» – Бондаренко.

Я очень боялся за Галю Зинченко, но её сцена прошла великолепно и очень правдиво.

Ну, а ты держишься на сцене уже, как бывалая артистка: спокойно, непринужденно, уверенно. Игра приносит тебе огромное счастье – я видел это, любуюсь тобой из-за кулис.

Но лучше всех играет свою трудную роль Нина Балашова. У нее большой талант к сценическому творчеству. Нина играет уверенно, спокойно, правдиво, не играет, а живет на сцене жизнью своей героини. Впрочем, сегодня Нина играет саму себя: ведь ее героиня – Юля – так же, как и Нина, секретарь комитета комсомола школы, да и характером они очень похожи.

Замечательно прошла сцена, где Юля – Нина размышляет о любви. В этой сцене Нина была такой красивой и внешне, и внутренне, слова ее монолога, идущие от сердца, так действовали на зрителей, что зал неоднократно взрывался бурными аплодисментами.

Пьеса идет хорошо. Иначе и не могло быть, ведь в ней играют ветераны нашей школьной художественной самодеятельности,

отдавшие школьному театру не один год жизни.

Здесь и «заслуженный артист» Женя Коваль (отец Юли), и любимица зрителей Инна Леонтьева (тетка Вари Лукашевич), Нина Балашова (Юля), Лена Федотова и многие другие. И, конечно, Ты!

Несмотря на то, что ты начала играть в школьном театре недавно, ты сразу полюбила зрителям в роли «Баронессы».

Я уверен, что после этой роли в тебя влюбились многие мальчишки нашей школы. Но я не ревную, потому что как можно не полюбить твою такую внутреннюю и внешнюю красоту?! Я счастлив безмерно, что именно тебя, а не другую девочку я полюбил впервые в жизни.

Не подкачали и наши молодые актерские силы: Лина Кибец и Галя Зинченко. Хотя на подготовку роли у них было очень мало времени. Свою трудную роль Галя сыграла очень правдиво. Мне кажется, что Галя тоже играла саму себя: у меня есть основание предполагать, что у Гали дома такая же обстановка, как и у ее героини Вари Лукашевич.

Подходит последняя, завершающая сцена спектакля. Все «артисты» собираются на сцене вокруг меня (учителя географии Юрия Юрьевича). Я говорю им прощальную напутственную речь, ведь они, как и мы, навсегда расстанутся с любимой школой. И мы все вместе поем песню, составленную мной. Спектакль закончился, начинаются танцы.

Я, как всегда, подпираю стену. Но настроение у меня приподнятое после спектакля. Принимаю поздравления с успехом в поэтическом творчестве. Да, это мое первое хорошее стихотворение, первые удачные шаги в поэзии.

Спасибо тебе, родная моя девочка, за то, что ты вдохновила меня, поселила в моей душе необходимость писать стихи!

Я знаю: настанет время, мы разъедемся, и тебя не будет рядом. Но останется в душе твой образ, твои дивные очи, твоя чарующая улыбка. Останутся память и стихи, в которых ты будешь со мной, стихи, в которых будет жить то, что дорого в жизни нам. Прошу тебя, и ты не забывай наше общее детство, нашу школьную дружбу, наш самодеятельный театр. Ведь мы сейчас на сцене, когда пели мою песню, дали клятву об этом:

Летними веселыми деньками
Отгремят последние звонки.
В эти дни простится
Наша школа с нами,
Родина откроет все пути.

И куда б Отчизна не послала,
Где ни будем Родине служить,
Будем помнить мы,
Что школа воспитала,
Научила правильно нас жить.

И порою, если будет трудно,
Если вдруг споткнешься в жизни ты,
Победить тебе
Поможет школьный друг твой,
С кем связал ты в детстве все мечты.

А теперь пришла пора прощанья,
Расставаться нужно нам, друзья.
Скажем нашей школе
Слово: до-свиданье,
Разлетимся в разные края.

Где бы мы с тобою ни служили
Честно нашей Родине святой,
Не забудем мы,
Как крепко мы дружили,
Не забудем школы мы родной!

* * *

Сегодня мы смотрим в школьном физкабинете кинофильм «Повесть о настоящем человеке». Я очень счастлив: ты снова сидишь рядом со мной. Когда ты вошла в кабинет, ты сразу отыскала меня взглядом и села рядом. Мне стало так хорошо. Я сижу и смотрю больше на тебя, чем на экран. И это заставляет тебя отрывать взгляд от экрана и смотреть с укором на меня.

После окончания фильма ты вдруг сказала мне:

– Сегодня я видела тебя во сне, и вокруг тебя было так много

детишек. И посмотрела на меня так, что я даже смутился и покраснел. А ты взъерошила мои волосы и ушла.

Второй раз в жизни я испытал такую ласку. В первый раз, помнишь, это было перед постановкой немецкой пьесы на вечере интернациональной дружбы. Ты расчесывала мне волосы и ласково трепала их. Я никогда до этого не знал такой ласки. Ведь мама моя ушла из жизни, когда я был совсем маленьким. А ласка так необходима всем людям: и взрослым, и маленьким, чтобы быть людьми...

Домой идти не хотелось. Я сел на лавочку в школьном дворе и предался воспоминаниям.

Как ты была прекрасна тогда в своем театральном костюме! Если бы я был художником, я бы по памяти нарисовал чудесный твой портрет: ты – Королева Красоты, Прекраснейшая из Прекрасных. Но, к сожалению, я не художник. Теперь только память будет иногда воскрешать мне твой образ и те неповторимые дни, когда я был рядом с тобой, мог видеть тебя так близко. Теперь я уже никогда не увижу тебя рядом с собой, разве только при расставании. Что я буду делать, когда тебя не будет рядом? Кто даст мне поддержку в моей жизни? Я снова попал из сказочного мира в мир серых дождливых дней. Я всем чужой в этом мире. Это обо мне поет Радж Капур в моем любимом фильме «Бродяга»: «Одинок всегда, бесприютен я, мир – пустыня для меня!.. Неужели я и для тебя чужой? Ты для меня – самый дорогой, единственный родной человек в целом мире. Больше у меня никого нет на свете. Ты помогаешь мне жить. И мне будет очень трудно без тебя.

20 мая 1955 года

Сегодня у нас в школе «Последний звонок».

Как всегда, Юча Дороничев зашел за мной, и мы, захватив с собой фотоаппарат, направились в школу. До начала «звонка» было еще много времени, и мы с Ючей долго бродили по Шатиловке. Когда мы пришли в школу, я увидел тебя. Ты была в темно-синей школьной форме и белом нарядном фартучке. Увидев, какими глазами я смотрел на тебя, Юча, недолго думая, потянул нас всех в школьный сад фотографироваться. Здесь, под раскидистыми яблонями, он сделал твои прощальные снимки, и ты даже согласилась один раз сфотографироваться со мной. Наверное, в последний раз я находился так близко от тебя, чувствовал твое тепло, вдыхал аромат

твоих волос. Спасибо, дружище Юча, за такой щедрый подарок мне ко Дню последнего звонка! Вот и звенит он, наш последний в жизни школьный звонок. И мне грустно вдвойне: я прощаюсь со школой, с дорогими мне учителями, заменившими мне родителей, с друзьями по классу и школьному театру: и я прощаюсь с тобой, родная моя девочка, моя Первая Любовь и Моя Муза, открывшая мне радость жизни и поэтического творчества.

23 июня 1955 года

Сегодня вечером я зашел к Алле Георгиевне поговорить о самодеятельности к выпускному вечеру, отдал ей на критику свои новые стихи.

Говорили о моем будущем. Я сказал Алле Георгиевне, что окончательно решил ехать учиться в Алма-Ату и дал ей прочитать письмо из геологического института. Алла Георгиевна одобрила мое решение. Только сказала: – «Запомни, Юлий, от себя убежать невозможно. Все, что дорого тебе стало в детстве, останется с тобой на всю жизнь».

Я думаю, она имела в виду мою преданную любовь к тебе...

Дорогая Алла Георгиевна! Только Вы поняли и одобрили мое решение уехать учиться в Казахстан. Я очень благодарен вам за это. Вы, как мама, поставили меня на жизненную дорогу, указали цель, дали силы для дальнейшей жизни. Теперь я не боюсь ничего.

24 июня 1955 года

Сегодня мы собралась в школе готовить самодеятельность к выпускному вечеру. Алла Георгиевна одобрила мои стихи, и я буду выступать с ними.

Сидим в классе, обсуждаем выступления, и тут приходишь ты. Садись рядом со мной, берешь мою тетрадь со стихами и углубляешься в чтение. На тебе черная юбочка и такой же по цвету жакетик, и ты в них необычно красива, я такой тебя еще не видел. И я буквально замер, как в детской игре в «Замри!», устремив на тебя влюбленный взгляд.

Вернула меня в действительность Люда Кулиш, спросив, куда я намерен поступать дальше учиться. Я ответил, что уезжаю в город Алма-Ату в геологический институт, и ты услышала это. Ты не смогла скрыть своего огорчения и сказала: – «А почему бы тебе не учиться здесь?» И в твоих словах я услышал нескрываемую боль и

надежду.

Родная моя, я не смогу быть рядом и не с тобой. Мне надо научиться не грустить при людях без тебя. Мне надо стать крепко на ноги и получить любимую работу, которая поглотит меня всего, иначе я никогда не избавлюсь сам от боли, которая преследует меня все годы моей еще короткой жизни. Поэтому мне очень надо уехать. В той Земле, куда я еду, лежат моя мама и две моих маленьких сестрички. Я в большом долгу перед ними.

25–26 июня 1955 года

Сегодня наш выпускной вечер»

Иду в школу рано и по дороге встречаю Аллу Георгиевну и нашу пионервожатую Нину Степановну. Они направляются в ресторан на стадионе «Динамо» для получения пирожных в наш школьный буфет. Я иду вместе с ними для помощи. Нина Степановна расспрашивает меня о планах на будущее, и я рассказываю ей о поездке в Алма-Ату. Она одобряет мое решение. Мне кажется, она в курсе событий моей жизни. Вот за кем я тоже буду грустить. Хорошая она женщина, настоящая вожатая: чуткая, жизнерадостная, инициативная. И красивая.

Постепенно начинают сходитья ребята нашего выпуска, родители, гости. Наконец, приходишь ты со своей мамой. На тебе красивое сиреневое платье, и ты в нем стала сразу повзрослевшей, какой-то строгой.

Но улыбка твоя осталась прежней: милой, чудесной улыбкой, которую я так люблю. Чтобы «не мозолить глаза», я занялся заменой электроламп, которые уже успели перегореть. Ничего не поделаешь: ведь я – «монтер». Оркестр заиграл музыку. Все идут в зал. Входят наши дорогие учителя. Директор школы открывает торжественную часть и предоставляет слово классным руководителям, которые зачитывают постановление педсовета о вручении нам «Аттестатов Зрелости». Выступают Алла Георгиевна, Маргарита Александровна, Наталья Михайловна. Звучит пионерский горн. Входят пионеры младших классов, и девочка обращается со словами приветствия к нам, выпускникам.

Затем слово предоставляется нашему незабвенному завучу Ефиму Абрамовичу. Он говорит нам очень теплые слова, желает нам всего наилучшего. Едва сдерживая слезы, читает свои стихи, посвященные нашему выпуску, наша «русачка» Наталья Михайловна.

С ответным словом выступила наш школьный комсомольский секретарь Нина Балашова. В конце. Своего выступления Нина произносит слова из моей песни:

«И куда б Отчизна не послала,
Где ни будем Родине служить,
Будем помнить мы,
Что школа воспитала,
Научила правильно нас жить».

После этого директор Елена Митрофановна говорит:

– «Слово предоставляется нашему «монтеру», нашему «инженеру радиоузла», актеру школьного театра – Юле».

Выхожу на сцену и обращаюсь к присутствующим со стихотворением «Слово к друзьям». В нем есть и пламенные строки о тебе. Я так боялся, что они могут обидеть тебя, испортить тебе настроение, но ты только улыбнулась и погрозила мне кулачком.

Мне горячо аплодируют, а твоя мама даже крепко пожала мне руку.

Взволнованный, раскрасневшийся, я сел на место, и моя соседка по дому Жанна Роева, давно, с детства влюбленная в меня, наклонившись ко мне, с восторгом сказала: – «Вот где пропадают таланты! Не ожидала от тебя такого!» Просто в «Слове к друзьям» я не забыл и о ней, справедливости ради.

После моего выступления девочки нашего выпуска, все в белых платьях, преподносят школе подарок: красивую вышитую скатерть, а Найденко от имени нашего выпуска – картину «Дети, бегущие от грозы».

Елена Митрофановна объявляет торжественную часть вечера закрытой. Начинается концерт художественной самодеятельности. Снова порадовали всех наши несравненные певицы Гольдриня и Брежнева. После их выступления я опять читал свои стихи: «Родина» и «Величальная». Зал горячо аплодировал мне, а после концерта меня поздравляли товарищи по классу.

Рафа Новик даже сказал, что у меня очень хорошо, здорово получается, а заслужить его похвалу не так просто.

Мои стихи и оценка их ребятами – это доказательство Евгению Агаркову, что я таки умею писать стихи, и буду писать их всю жизнь.

После концерта начались танцы. Играли два оркестра: наш

самодеятельный и приглашенный духовой.

Я как обычно, облюбовал себе место возле стены и приготовился скучать. Но сегодня мне скучать не дали мои одноклассницы: Ючина любовь – Люся Терещенко и ее подруга – Люда Черняева. После каждого танца они подходили ко мне и развлекали, и мне было так хорошо с ними. А Жанна Роева даже рискнула напоследок вытянуть меня танцевать, но после того, как я отдал ноги половине всех танцующих, а Жанна устала за меня извиняться, я решительно прервал это занятие.

А ты весь вечер была с Олегом Брижанем, и я окончательно убедился, что я здесь – «третий лишний». Я больше всего хочу, чтобы ты была счастлива. Ты не смогла меня полюбить так, как я тебя. Я не виню ни тебя, ни себя в этом. Сегодня я прощаюсь с тобой, чтобы не расставаться никогда. Спасибо тебе за ту огромную радость и счастье, что вошли в мою жизнь вместе с любовью к тебе.

* * *

Светает... Мы выходим из школы и с песнями направляемся к площади Дзержинского. Я иду со своим классом, а ты – со своим, и я потерял тебя из виду. Мне грустно: так хотелось увидеть тебя в это утро, утро начала новой жизни. Но грустить мне снова не дают Люся и Люда, взявшие надо мной «шефство». И я поддаюсь всеобщему веселью, и на душе у меня становится хорошо.

30 июня 1955 года

Сегодня я решил отнести тебе на дом фотографии, сделанные Ючей. Вот и твой дом. На стук в калитку вышла ты сама. На тебе сарафанчик с красными цветами, ты в нем такая красивая. Солнечный луч осветил золотистую прядку твоих волос. Мне так хочется прикоснуться губами к ней, в тебе я люблю ее, наверное, больше всего. С трудом подавляю это мое желание.

Отдаю тебе фотографии. Ты благодаришь и начинаешь рассматривать их. Никак не решусь предложить тебе еще раз сфотографироваться. Говорим о том, о сем. Ты сказала, что думаешь поступать в политехнический институт на электроэнергетический факультет. И вдруг ты глянула на улицу и быстро проговорила:

– Моя сестра идет. До свидания, Юра. – и убежала во двор, захлопнув калитку. А я пошел прочь... Стало обидно и больно.

1 июля 1955 года

Сегодня утром я пришел в школу, встретил Аллу Георгиевну, которая поздравила меня с получением серебряной медали и даже расцеловала. Утвердили медали всем медалистам нашей школы, в том числе и тебе. Я так рад за тебя, ведь ты не только очень красивая девочка, но и человек, обладающий большим интеллектуальным дарованием. Ты достойна этой своей первой награды. Я горжусь тобой, родная моя, и очень-очень тебя люблю.

8 июля 1955 года

Сегодня утром ко мне приехал Алька Коваль и сказал, что всем медалистам нужно собраться в школе в семь вечера за получением медалей. Я пошел к Алле Георгиевне за негативами наших последних школьных снимков, но дома ее не застал. На обратном пути встретил Жанну Рошал. Стоим, разговариваем, и вдруг Жанна говорит: – «Смотри, вон твоя любовь идет». Глянул: действительно, ты. На голове у тебя соломенная шляпка, она тебе очень к лицу. Я окликнул тебя, ты остановилась, подошла к нам. Жанна сразу же распрощалась и ушла. Я стал расспрашивать тебя о твоих делах. Ты сказала, что уже подала документы в железнодорожный институт на факультет гражданского строительства. Я выразил удивление по этому поводу: ведь ты собиралась поступать на электроэнергетический факультет политехнического института. Ты объяснила, что этот факультет тебе не понравился, а сюда поступать тебе посоветовали родители.

Но я думаю, что истинная причина такого изменения твоего прежнего решения совсем другая: Олег Брижань поступил в железнодорожный. Институт, а тебе хочется быть все время вместе с ним. Ну, что ж, хоть и горько это осознавать, но я здесь третий лишний. Ты останешься моим самым светлым воспоминанием о детстве. Ты научила меня любить, а это самое главное в жизни. Спасибо тебе за все, и будь очень счастлива!

...В семь вечера ты не пришла за получением медали. На вопрос Ефима Абрамовича: почему тебя нет, Нина Балашова ответила, что ты очень занята сейчас. Чем занята – Нина не сказала, и замаялась при этом. А я подумал, что, наверное, у тебя сегодня День рождения, потому что Нина как-то говорила, что в колхозе во время практики твой день рождения отмечали вместе с ее Днем рождения. Я запомню этот день, 8 июля, и буду хоть мысленно поздравлять тебя с твоим праздником.

23 июля 1955 года

Итак, сегодня я «сжег все корабли» и уезжаю учиться на геолога в столицу моей второй Родины – Казахстана, город Алма-Ата. Еду начинать новую жизнь, свободную от всего того, что угнетало меня здесь. Скоро я увижу свои родные горы, буду впитывать их красоту и энергию.

Надо бы радоваться, а мне грустно: сегодня я прощаюсь со своими самыми лучшими друзьями, со своей первой и единственной любовью. Встречусь ли я вновь когда-нибудь с ними?

Иду к тебе домой: попрощаться. Ты недавно приехала из Москвы, где отдыхала. Хорошо, что ты вернулась раньше, чем я уехал, а то я не смог бы попрощаться с тобой, не увидел бы тебя в последний раз, не услышал бы твой чудный голос, не любовался бы моей любимой золотистой прядкой твоих волос.

Мы сели за стол рядом, и ты стала рассказывать мне о Москве, о сельскохозяйственной выставке, показывая открытки с Московскими видами. Я слушаю тебя и не слышу о чем ты рассказываешь. Мой взгляд прикован к твоему лицу, к золотой прядке волос и к таким же завитушкам, спадающим на затылок. Какая ты красивая у меня! Как жаль, что я не умею рисовать портреты. Тогда бы померкли все рисованные античные богини перед твоей красотой. Но, увы, я не художник, а только любящий человек.

Ты заметила лежащий у меня на коленях пакет. В нем школьные фотографии, которые предназначены Олегу Брижаню по его просьбе. Я не мог отказать тебе в просьбе посмотреть снимки. Найдя среди снимков свою фотографию, ты в сердцах порвала ее, сказав, что незачем Олегу ее иметь.

Пошел дождь. Времени до отъезда у меня осталось мало, но я никак не могу начать прощаться с тобой. Я попросил тебя написать мне свой почтовый домашний адрес. Ты удивленно взглянула на меня:

– Зачем тебе мой адрес?

– Быть может, напишу тебе когда-нибудь. – ответил я дрожащим голосом.

Ты глянула мне в глаза, и взгляд твой был печальным. Затем ты взяла листок из школьной тетради и написала мне свой почтовый адрес.

А время летит вперед неумолимо. Мне пора уходить. Я протягиваю тебе руку:

– Прощай... – слова застревают в горле, слезы душат меня.

Я отпускаю твою руку и выбегаю на улицу, несмотря на то, что твой отец предлагает мне остаться и переждать дождь.

Не шел, а бежал я по улице. Дождь лил, как из ведра. Нет, не дождь это был, это плакало мое сердце, расставаясь с тобою...

* * *

Прошло полгода... Я снова вернулся в Харьков.

Боже мой, как много событий было в моей жизни за это время.

Были радостные минуты и горестные часы. Был изумительный мир снежных вершин Тянь-Шаня и коварство снежной лавины. Был сверкающий мир минералов и душевное одиночество, непонимание окружающих людей. Были замечательные находки и тяжелые потери. Я повсюду искал похожую на тебя, и не находил. Однажды мне показалось, что это – ты. Но в отличие от тебя она страстно полюбила меня. Но я узнал об этом слишком поздно: она ушла из жизни в день своего восемнадцатилетия.

Я бы не вернулся в Харьков, если бы не тяжелая болезнь моей единственной оставшейся в живых родной сестры, с которой меня все годы до этого пытались духовно разлучить. Нужно было спасти сестру, я был перед ней в большом долгу: тогда, в далеком моем раннем детстве, когда мы с ней остались вдвоем в казахском селении на Алтае, она была мне не только старшей сестрой, но и заменяла мне мать.

Я хотел взять академический отпуск, но медики вдруг решили, что по состоянию здоровья я не смогу продолжать занятия на геофаке, и меня списали из геологии.

И вот теперь я брожу по Харькову в поисках хоть какой-нибудь работы. А сестра лежит в больнице, и нужно доставать заграничное лекарство, чтобы спасти ей жизнь.

11 февраля 1956 года

Сегодня у нас в школе традиционный вечер встречи бывших выпускников. Я пришел в школу рано и встречал всех у входа. Я смотрю на своих прежних друзей и товарищей, и не узнаю их. Все сильно изменились, и внешне, и внутренне. Повзрослели, что-ли. И что обиднее всего, стали ко мне какими-то равнодушными. Что ж, детство кончилось, и вместе с ним ушло в прошлое наше школьное братство. Наконец, приходишь ты. Тебя очень удивила моя

стриженная голова, но и я удивляюсь тебе: ты обрезала свои чудесные косы, которые я так любил, и сделала себе завивку. Мне кажется, она тебе совсем не идет. И глаза у тебя стали совсем не те, и улыбка, которую я так любил. Ты стала какой-то кокетливой, чужой. Нет теперь той милой девочки, которую я так любил, которая была так дорога мне. Чувствую, что для меня ты навсегда потеряна.

3 марта 1956 года

Снова берусь записывать в дневнике. Это значит, что у меня опять на душе «скребут кошки». Вот, вернулся я «домой» и опять окунулся в прежнюю «развеселую» жизнь. Ну, да ладно, что делать. Видно мне до конца суждено нести этот крест.

Был у тебя в гостях. Как я был неправ, записывая прошлую запись в дневнике, Тебе очень идет твоя новая прическа, мне она так нравится, я люблю тебя еще больше такой. Тогда на Вечере встречи выпускников я просто не понял, что из девочки-школьницы ты превратилась в девушку-студентку. Ты выросла и стала еще красивее,

Я сидел рядом с тобой и не мог оторвать глаз от любимой моей золотистой прядки твоих волос, такой непослушной: она все время опускалась на твой лоб, когда ты склонялась над чертежами.

Твоя мама встретила меня приветливо, и брат Шура тоже. Шура сильно подрос и стал красивым мальчиком. У нас с ним сразу наладились отношения, не то, что раньше. Теперь в кругу твоих родных я чувствовал себя свободнее, раскованнее. Только с тобой я по-прежнему был стеснительным, молчаливым. Я видел, что тебе скучно со мной, но что поделать, если я еще не научился развлекать девушек. И конечно, мне никогда не сравниться в этом с твоими поклонниками в институте. Что ж, принимай меня таким, каков я есть. Если сможешь...

Сентябрь, 1956 год

Я поступил на первый курс географического факультета Харьковского университета. Учиться на геофаке мне очень нравится и легко. Многие предметы мне уже знакомы по учебе в Алма-тинском геологическом институте. Преподают науки нам маститые ученые, работавшие ранее в научно-исследовательском институте географии, который был создан в Харькове в тридцатые годы. Географы этого института принимали участие в экспедициях в горных районах Среднем Азии, изучали «белые пятна» Тянь-Шаня и

Памира.

В студенческом коллективе, к которому теперь принадлежал я, собрались хорошие ребята и девчата. Девчата численно преобладали, и было много шансов влюбиться без памяти в какую-нибудь географиню.

Сестра моя справилась со своей болезнью и быстро выздоравливала. Мы жили теперь с ней только вдвоем, нормальной человеческой жизнью. Меня взяли лаборантом в кабинет физики в мою родную школу, и моя зарплата была хорошей добавкой к мизерной студенческой стипендии. Здоровье мое тоже постепенно возвращалось к норме. Так что, можно считать, что жизнь моя наладилась.

Только вот с тобой я почти не виделся: то у меня не было времени прийти к тебе из-за учебы и работы в школе, то тебя не было дома, когда я приходил. Я понимал, что все больше и больше отдаляюсь от тебя, но что я мог сделать. Я пытался подавить свою любовь к тебе, убедить себя, что я тебя совсем не люблю, что мои чувства были обычным детским увлечением. Но ничего не получалось, потому что любовь к тебе жила в моем сердце, и, наверное, умрет лишь тогда, когда оно перестанет биться.

Спасали школьные твои фотографии и волшебные сны, в которых ты приходила ко мне, и мы дарили друг другу радость.

* * *

Сегодня воскресенье. Идет холодный, осенний дождь, а на душе у меня весна. С утра я работал в школьном физкабинете, готовил все необходимое для проведения лабораторных работ. По дороге домой на обратном пути я решил зайти к тебе, достать у тебя учебник немецкого языка, который был мне нужен в университете.

Ты на этот раз была дома, у тебя сидела подруга по институту, и вы вместе готовились к семинару. Немецкого учебника у тебя не оказалось, ты обещала достать его мне в своей институтской библиотеке.

В твоих глазах я увидел недовольство, каким-то холодом повеяло от них.

Я понял, что пришел не во время, быстро распрощался и ушел. Я быстро шагал по улице под проливным дождем, и вдруг услышал, что меня окликают по имени. Обернувшись, я увидел тебя, бегущую ко мне под ливнем. Тоненькое платье твое насквозь промокло, облепляя

твою красивую фигуру. Ты протянула мне учебник немецкого языка, сказав, что достала его у соседки, и упрекнула: – «Зову, зову тебя, а ты никакого внимания. Промокла вся из-за тебя».

Как я хотел обнять и поцеловать тебя в этот миг! Но ты убежала домой.

Я был удивлен и потрясен до глубины души. Никак не ожидал от тебя такого внимания к себе. Какая же ты замечательная девушка! Я люблю тебя, как никто другой не будет тебя любить. Какое счастье, что ты есть у меня.

С ужасом думаю, что мы могли бы и не встретиться. Это было бы самой большой несправедливостью в моей жизни.

* * *

Сегодня на Дне рождения моей одноклассницы Ани Введенской встретились мы – старые школьные товарищи: Люся Терещенко, Люда Черняева, Люда Кулиш, Славка Мажукин, Алька Коваль, Виталий Резуненко, Яша Кокотов, Жанна Рашал и я. Аня устроила нам небольшое угощение. Мы беседовали, танцевали и в перерывах играли в разные игры. Самой популярной игрой у нас была «Поцелуй». Мой выбор все время падает на Люду Кулиш, но мы целуемся только для вида. Люда Кулиш сегодня нарядная и красивая. Но красивее всех здесь Люся Терещенко. На ней синее платье, которое ей очень к лицу. Я не могу оторвать своих восхищенных глаз от Люси. Мне она дорога, как сестра. В уже далеком моем детстве ее дом однажды стал для меня родным домом, а ее мама, Татьяна Григорьевна, относилась ко мне, как к сыну и подарила мне много материнской ласки и заботы.

Целовался я сегодня не только для вида, и это было впервые в моей жизни. Когда выбор Ани Введенской пал на меня, она поцеловала меня в губы, нисколько не смущаясь. «Мы поцеловались по-братски», – сказала она в ответ на ироничные взгляды товарищей. Не знаю, что руководило поступком Ани, но я был сильно взволнован.

Через некоторое время Аня под села ко мне и спросила, целовал ли я уже какую-нибудь девушку в жизни. На мой отрицательный ответ Аня участливо спросила: – «Ты все еще любишь ЕЕ?» – и назвала твое имя.

– Откуда ты знаешь? – спросил тихо я.

– Я знаю об этом еще с седьмого класса, да не только я, и другие.

Она совсем не обращает на тебя внимания, а ты ее любишь.

В наш разговор вмешались Люся Терещенко и Люда Черняева. На сообщение Ани, что я до сих пор люблю тебя, Люся сказала с упреком:

– Ну, Юра!..

А Люда Черняева приложила к моей голове свои пальчики, меряя температуру.

Тогда я сказал, что это дело прошлое, что сейчас от моей любви к тебе уже ничего не осталось, что тебя я просто выдумал для душевного комфорта. Я лгал своим школьным друзьям, лгал самому себе. Ты прости уж меня за это.

Аня взяла меня за обе руки и спросила, встретился ли я в Алма-Ате с той девушкой, своим другом детства. И откуда она узнала об этом, я ведь никому не говорил о ней. Девушки в Алма-Ате у меня никакой не было, а все думают, что я из-за нее уезжал туда. Ну что ж, пусть думают. И я ответил, что той девушки в Алма-Ате я уже не застал, так как ее направили на работу в Туркмению, и она уехала туда. Я имел в виду Лору, девочку. Которая жила вместе с мамой в нашем доме на Алтае во время войны, эвакуированная с Украины.

– А сейчас ты ни в кого не влюблен? – вновь спросила Аня. Я промолчал. Тогда в разговор вмешалась Люся:

– Почему же? Разве Юра не может влюбиться? По-моему, он может любить и гораздо серьезнее, чем мы все. Я с благодарностью посмотрел на нее. Милая Люсенька, как ты права. Я способен любить преданно и крепко, но, наверное, я однолюб. Вот уже сколько лет я люблю только одну девушку, которую полюбил первой в жизни любовью. Люблю безответно, безо всяких надежд и планов на будущее. Но я очень счастлив, что так люблю.

Говорят, что первая любовь – это не любовь, а только предчувствие большой, настоящей любви, это репетиция чувств, которые придут к тебе позже. Говорят, что первая любовь недолговечна, она приходит на границе детства и юности, и уходит вместе со взрослением. Говорят, что первая любовь схожа с детскими болезнями, такими, как скажем, корь, и исчезает с окончанием детства. И еще говорят, что время лечит все болезни. Я со всем этим не согласен. Я считаю, что детство должно оставаться с человеком до его последнего дыхания, а значит, первая любовь может умереть только вместе с тем, кто любит. Ну, а излечит ли время эту мою счастливую «болезнь» – покажет время.

ЭПИЛОГ

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ НЕ РЖАВЕЕТ!

Старая любовь – не ржавеет!
От нее теплом всегда веет.
Молода она и с годами,
Пока в сердце все еще с нами.

Старая любовь – не ржавеет!
Она угольком пламенеет
Под золой невзгод и страданий,
В час с другой любовью свиданий.

Старая любовь – не ржавеет!
Старая любовь сердце греет,
Помогает жить и бороться,
За тебя с врагом насмерть бьется.

Пусть года проходят чредою,
Старая любовь, ты со мною!
Светишь ты звездой путеводной,
Как костер средь ночи холодной.

Старая любовь – не ржавеет!
От нее теплом еще веет,
Будоражит сердце порою...
И умрет она лишь со мною.

Старая любовь – не ржавеет!

Тридцать лет, как одно мгновение, пролетели со дня, когда я в последний раз видел тебя. Жизнь разбросала нас по Земле, и я потерял твои следы. Я обошел пол-Кавказа, поднимался на хребты Тянь-Шаня и Памира. Работал геологом, географом, учил детей любить горы, путешествовал с ними по горным тропам и перевалам. Снял вместе с ними 72 документальных фильма о горах. Приобретал и терял навсегда лучших друзей. Вырастил дочь, которая взяла у меня часть моей души. Стал писать хорошие, как говорят, стихи и

рассказы. И считаю себя вполне счастливым человеком, прожившим все эти годы не зря.

Вспоминал ли я о тебе?

Когда на улице и на душе бушевала непогода, я доставал твои школьные фотографии, смотрел на них и перечитывал страницы моего дневника. И снова на душе становилось тепло и солнечно.

И вот через тридцать лет разлуки я снова увидел тебя. Мой школьный друг Юра Дороничев случайно встретил в Харькове твоего брата и узнал у него твой нынешний адрес. И, конечно же, мгновенно переслал мне. И судьба распорядилась так, что меня направили в командировку в город, где ты сейчас живешь. И наша встреча состоялась.

Я стою, затаив дыхание.

Сердце бьется в груди, как птица.

Тридцать лет

к тебе на свидание

шла моей судьбы колесница.

А какие неповторимые

дни промчались,

как воды талые.

Все те же глаза у тебя:

любимые,

Красивые,

только очень усталые.

Все та же улыбка:

такая милая.

Только теперь она

чуть-чуть грустная...

Здравствуй,

песня моя легкокрылая!

Что в душе твоей,

в жизни

хрустнуло?

Сколько лет я тебя не видел...

Вот и встретились через вечность...

Ты прости мне

мои обиды,

мою боль

и мою беспечность.

СОДЕРЖАНИЕ

1	Аура любви (рассказ)	2–10
2	Где-то есть сын (рассказ)	10–19
3	Письмоносец (рассказ)	19–32
4	Неожиданная дочь (рассказ)	33–48
5	Абонент номер семь (рассказ)	49–57
6	Назвал тебя внучкой (повесть)	57–76
7	Свет Кассиопеи (рассказ)	76–81
8	Дымка (рассказ)	82–86
9	Тишина (рассказ)	86–88
10	Лэлэка из сорок третьего года (рассказ)	89–91
11	Два шага к бессмертию (рассказ)	91–95
12	Уникальный экспонат (рассказ)	96–99
13	Две награды за мужество (рассказ)	99–108
14	Лебединая песня Великой Любви (рассказ)	109–119
15	Маленькая повесть о Большой Любви (повесть)	120–153

**ДОНЕЦКИЕ
НОВОСТИ**
ГАЗЕТА №1 В ДОНБАССЕ

Донецкий областной совет совместно с еженедельником «Донецкие новости»
под эгидой губернатора Донецкой области А.В. Шишацкого

Хрустальное сердце

Первая регионально-имиджевая программа

ГРАМОТА

Лауреату

первой регионально-имиджевой программы

«Хрустальное сердце»

Юлию Войнаровичу

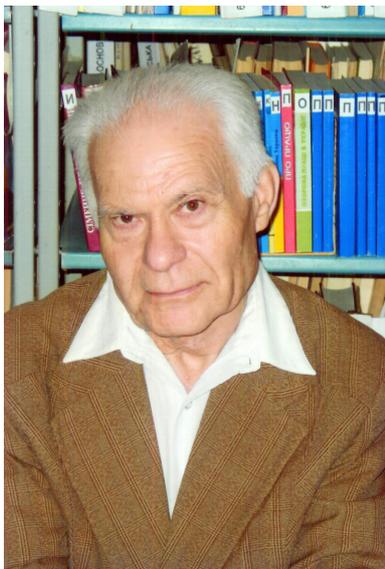
в номинации «Моя высота»

Председатель Донецкого областного совета
А.М. Федорук

Губернатор Донецкой области
А.В. Шишацкий

24.11.2011 г.

Войнарович Юлий Болеславович,
родился 15 мая 1936 года, проживает в городе
Авдеевке Донецкой области.

Действительный член Всесоюзного Географического общества, а также член Украинского Клуба путешественников «Киевская Русь». Семь лет был участником географических экспедиций на Кавказе, изучал ледники под руководством доктора географических наук Ковалева Павла Васильевича, открыл пять не нанесенных на карту ледников и одно озеро, соавтор книги «Каталог современных ледников Кавказа».

С 1965 года создатель и бессменный руководитель детской аматорской киностудии «АСЮТ-фильм», на базе которой было снято на протяжении 40 лет работы киностудии 72 географических и документальных фильма, 4 художественных – многие из которых завоевали призы областных и Всесоюзных конкурсов юных кинолюбителей. Для этого Юлий Болеславович организовывал экспедиции, в целом он с ребятами прошел более 7 тысяч км пешком по перевалам Кавказа, Тянь-Шаня, Памиро-Алая.

В 1969 вместе с асютовцами был снят 1-й фильм «Санчаро» на Санчарском перевале Кавказа, где в 1942 году наши земляки-воины из Донбасса – остановили продвижение фашистских полчищ к Черноморскому побережью. Любовь Юлия Болеславовича к горам определила основное направление работы киностудии, за которую студии присвоили имя Героев Санчарского перевала. Неприкрытые следы давно прошедшей войны, увиденные на Санчарском перевале, потрясли авдеевских мальчишек и девчонок, поэтому было решено ежегодно прокладывать маршруты через военные перевалы Кавказа и снимать о них документальные фильмы. Так родился цикл фильмов «Обелиски на перевалах». В него вошли фильмы: «Санчаро», «Санчаро в огне», «Ледяной бастион», «Вошедшие в легенду» и др.

Благодаря студии и работе над фильмами, студийцы занялись поисково-следопытской деятельностью. В результате, более 400 ветеранов войны, сражавшихся на Заоблачном фронте Кавказа, прислали свои воспоминания, документы, газеты, фотографии времен обороны Кавказа. Весь этот материал стал основой для экспозиций Музея Оборона перевалов Кавказа, открытого на киностудии в 1980 году.

А в 1981 году в восстановленной фронтовой землянке на Санчарском перевале на высоте 2600 метров над уровнем моря асютовцы открыли филиал музея – Музей боевой Славы Санчарского перевала, который был единственным настоящим музеем на месте боевых сражений.

Музей Оборона перевалов Кавказа на Всесоюзном конкурсе детских музеев в Москве в 1987 году занял I место, он тоже единственный детский музей такого профиля не только на территории СНГ, но и во всем мире.

Помимо работы над фильмами и в Музее, Юлий Болеславович с ребятами занимались поиском и захоронением останков наших воинов, погибших в горах Кавказа в 1942-1943 гг.

До развала СССР удалось выкопать из-под камней и вечных снегов, спустить вниз и захоронить 64 останка советских солдат, пролежавших в горах более 50 лет.

Так вот, за плечами 66 горных экспедиций, протяженность маршрутов 12 тыс. км пешком. Но в свои 75 лет Войнарович Юлий Болеславович продолжает работать Заведующим Народного музея города Авдеевки. А кроме этого – поэт, прозаик, изумительный фотохудожник. С 2000 года активное участие в литературной студии «Джерело» позволяет печататься и выступать на литературно-музыкальных вечерах при городской библиотеке Дворца культуры «Авдеевского коксохимического завода». Более 100 стихотворений и 30 рассказов раскрывают и восхваляют интересную жизнь окружающих людей. Благодарные ученики Авдеевской общеобразовательной школы № 6, в которой он проработал 40 лет; ученики-асютовцы и жители города, в том числе и те, которые знакомы с его творчеством ежегодно приходят в Музей на встречи, приходят сами и приводят своих внуков, смотрят фильмы своей любимой киностудии и в очередной раз восхищаются и удивляются этим человеком, для многих из них он – легенда.

Юлий Болеславович очень скромный человек, но про его жизнь и достижения говорят оставленные впечатления посетителями Музея в Книге отзывов, врученные местными и государственными руководителями грамоты (около 30). За все годы существования студии «АСЮТ-фильма» и Музея было подготовлено и опубликовано более 50 статей в разные СМИ. Про его деятельность с завидной периодичностью сегодня снимают телесюжеты, один из которых вы можете посмотреть на сайте <http://youtu.be/1QOgmPz8Qck>, подготовленный и предоставленный Красноармейским телевидением Донецкой области «Орбита» в программе «Новый взгляд» от 17.07.2011; а одну из книг, под названием «Букет полевых цветов», можно бесплатно скачать с сайта Донецкой областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. <http://www.library.donetsk.ua/index.php?target=elibrary>.

В газете «Республика Абхазии» размещена статья Александра Тария, председателя Республиканского Совета ветеранов Абхазии, почетного гражданина села Псху, в которой упоминается Войнарович. С ней вы можете ознакомиться на сайте газеты:

http://gazeta-ra.info/index-2.php?ELEMENT_ID=1696

Фрагмент награждения Войнаровича Юлия Болеславовича в проекте «Хрустальное сердце» в г. Донецке, под патронатом губернатора Донецкой области Шишацкого А.В.:

<http://www.youtube.com/watch?v=mFMruWtW8JM>

... И не многим людям посвящают такие строки:

Стихотворение «Живая легенда». Автор Федор Петрук

Посвящается Ю. Б. Войнаровичу

Вот таких бы людей да больше,
Вот с таким хоть в огонь, хоть в бой.
Оттого-то на сердце горше,
Что быть может один такой.

Путешественник и географ,
Он романтики первый друг.
Альпинист, учитель, фотограф...
И скучать ему недосуг.

Столько добрых дел переделал,
Столько он воспитал детей.
И ему до всего есть дело,
Приходите к нему в музей.

Не гонялся за брэнной славой,
Не ловил удачу за хвост.
Был как будто бы переправой
В тех местах, где был взорван мост.

Потому ли (судьбы награда)
Познакомиться был я рад.
Ничего от тебя не надо,
Дай мне руку, мой старший брат.